

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В.А. Томсинов

История русской юриспруденции

Х–ХVII века

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Юридический факультет
Кафедра истории государства и права

В. А. Томсинов

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ. X–XVII ВЕКА

Учебное пособие

Издание 2-е,
переработанное и дополненное

Москва
Зерцало-М
2017

ББК 67.3
Т56

Томсинов В. А.

Т56 История русской юриспруденции. X–XVII века: Учебное пособие. 2-е изд. перераб. и доп. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2017. — 212 с.

ISBN 978-5-94373-408-3

Настоящее учебное пособие посвящено малоизученной части русской правовой культуры — юриспруденции Древней Руси, Московского государства и России XVII века. В нем дается представление о сущности и различных формах юриспруденции, о носителях юридических знаний в русском обществе — так называемых «законоискусниках», составлявших законодательные сборники. Рассматриваются основные понятия и термины русского права, развитие языка юридических текстов, приемы и способы обработки правового материала и т.п. В нем так же, как и в учебной литературе по истории отечественного государства и права, исследуются правовые памятники, начиная с русско-византийских договоров 911 и 944 годов и заканчивая так называемыми «новоуказными статьями» второй половины XVII века. Но тексты этих договоров, Русская правда, общерусские судебники 1497 и 1550 годов, Соборное уложение 1649 года описываются в данном учебном пособии прежде всего как памятники русской юриспруденции.

Учебное пособие предназначается для студентов и преподавателей юридических и исторических вузов.

Томсинов Владимир Алексеевич

**История русской юриспруденции.
X–XVII века**

ИКД «Зерцало-М»

Подписано в печать 14.03.2017.

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 13,25.

Тираж 500 экз.

Заказ № 1673

ISBN 978-5-94373-408-3

© В. А. Томсинов, 2017

© ИКД «Зерцало-М», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Понятие и сущность юриспруденции, ее происхождение и основные функции.	8
§ 1. Многозначность термина «юриспруденция»	8
§ 2. Происхождение юриспруденции. Формы выражения юридических норм на ранних этапах развития общества	11
§ 3. Юриспруденция как наука. Роль юридической науки в развитии и функционировании права.	21
§ 4. Законоискусство — законоведение — правоведение как формы русской юриспруденции	27
Глава 2. Юриспруденция Древней Руси (X—XIII вв.)	32
§ 1. Договоры Руси с Византией 911 и 944 годов как первые письменные памятники русской юриспруденции.	35
§ 2. Роль духовенства в развитии древнерусской юриспруденции.	40
§ 3. Древнерусская юриспруденция и правовая культура Византии. Язык древнерусской юриспруденции	48
§ 4. Первоначальные попытки систематизации правового материала. Древнерусские юридические сборники.	62
Глава 3. Русская Правда как памятник древнерусской юриспруденции	66
§ 1. Происхождение Русской Правды, ее общая характеристика	66
§ 2. Юридическая техника Русской Правды	78

Глава 4. Термины «право» и «правда» в правовой культуре Древней Руси	90
Глава 5. Юриспруденция Московского государства (XIV–XVI вв.)	102
§ 1. Источники права в Московском государстве	102
§ 2. Роль дьяков в развитии юриспруденции	106
§ 3. Судебники 1497 и 1550 годов как памятники русской юриспруденции.	112
§ 4. Понятийный и терминологический аппарат юриспруденции Московского государства.	120
Глава 6. Основные черты юриспруденции западно-русского государства (Великого княжества Литовского)	130
Глава 7. Развитие русской юриспруденции в XVII столетии.	143
§ 1. Смута начала XVII века и ее влияние на развитие правового сознания русского общества	143
§ 2. Создание Соборного уложения.	148
§ 3. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции	155
§ 4. Развитие русской юриспруденции во второй половине XVII века	164
§ 5. Проект создания в России в начале 80-х годов XVII века учебного заведения университетского типа. Привилегия Московской академии	203

ПРЕДИСЛОВИЕ

Действующая система подготовки юристов в нашей стране не предусматривает изучения истории юриспруденции в качестве самостоятельного предмета. В учебной литературе по истории государства и права, как отечественного, так и иностранного, все внимание уделяется государственным учреждениям и законодательным памятникам. Знаковая же система права, вопросы юридической техники, применявшаяся в различные исторические эпохи методика правотворчества, формулирования и толкования правовых норм, приемы и способы организации правового материала, его классификации и систематизации — все это остается за рамками учебных курсов. В результате в сфере юридического образования складывается положение, аналогичное тому, как если бы, к примеру, будущим врачам подробно преподавали строение (анатомию) человеческого тела, описывая его эволюцию от зародыша до зрелого состояния, и при этом не изучали методов борьбы с его болезнями, приемов его лечения, способов поддержания здоровья человека.

Настоящее учебное пособие призвано восполнить этот пробел относительно эпохи, охватывающей восемь веков русской истории — с X по XVII столетие. Оно показывает, насколько многозначным выступает явление, называемое юриспруденцией. В нем дается представление о сущности и различных формах русской юриспруденции: законоискусстве, законоведении, правоведении. Показываются отличительные особенности русской правовой культуры от византийской и западноевропейской. Описываются носители юридических знаний в русском обществе — так называемые «законоискусники», составлявшие юридические сборники, дается общая характеристика языка юридических текстов, рассматриваются основные понятия и термины русского права, приемы и способы обработки правового материала и т.п.

Профессор юридического факультета императорского Московского университета Федор Лукич Морошкин (1804—1857) утверждал, что познание истории права является необходимым условием надлежащего усвоения юридической науки, являющейся органом развития действующего законодательства. «Система представлений о праве, основанная на его идее и служащая первообразом действительных законодательств, есть *наука права*, — отмечал он, — живое развитие законодательств под условиями внешнего бытия есть *история права*. В той и другой живет и действует одна и та же идея. **Наука права и история права суть одно и то же, с тою разницею, что первая повествует языком отвлеченных понятий; другая догматизирует языком явлений**»¹ (выделено мною. — В. Т.).

В настоящем учебном пособии так же, как и в учебной литературе по истории отечественного государства и права, исследуются правовые памятники, начиная с русско-византийских договоров 911 и 944 годов и заканчивая так называемыми «новоуказными статьями» второй половины XVII века. Но тексты этих договоров, Русская правда, общерусские судебники 1497 и 1550 годов, Соборное уложение 1649 года описываются в данном учебном пособии прежде всего как памятники русской юриспруденции.

Неотъемлемую часть юриспруденции составляет правовая мысль — правовые идеи, но в данном учебном пособии она не рассматривается. Этой теме посвящена отдельная книга — «История русской политической и правовой мысли. X—XVIII века» (автор: В. А. Томсинов), которая регулярно переиздается издательством «Зерцало», начиная с 2003 года.

Предлагаемое учебное пособие открывает целую серию книг, посвященных истории русской юриспруденции X—XX веков. Учебные пособия, которые можно считать продолжением настоящего издания, вышли в свет в издательстве «Зерцало-М» несколькими изданиями в течение 2010—2017 годов:

- Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии (М.: Зерцало-М, 2010; 2-е изд., доп.: М., 2012; 3-е изд., перераб.: М., 2017);
- Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века (М.: Зерцало-М, 2010; 2-е изд.: М., 2011);

¹ Морошкин Ф. Л. О постепенном образовании законодательств. Рассуждение для получения степени магистра этико-политических наук. М., 1832. С. 150—151.

- Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века (М.: Зерцало-М, 2012; 2-е изд., доп.: М., 2015);
- Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е — начало 80-х гг. XIX в.) (М.: Зерцало-М, 2013);
- Конституционный вопрос в России в 60-х — начале 80-х годов XIX века (М.: Зерцало, 2013, 2016);
- Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: В двух томах (М.: Зерцало, 2007);
- Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: В трех томах (М.: Зерцало, 2015);
- Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: идеолог русской революции (М.: Зерцало-М, 2012);
- Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского (М.: Зерцало-М, 2013, 2017).

Автором всех перечисленных книг по истории русской юриспруденции является профессор В. А. Томсинов.

В течение 2003–2013 годов издательство «Зерцало» выпустило совместно с компанией «Гарант» около 70 томов серии «Русское юридическое наследие», состоящей из книг видных русских правоведов XIX — начала XX века, памятников русского законодательства.

Эти издания составляют базовый материал для изучения русской правовой культуры. Они вобрали в своем содержании главные достижения русской юриспруденции, богатейший кладезь идей и концепций, понятий и терминов, приемов юридического мышления, выработанных русскими правоведами прошлых столетий, поэтому до сих пор сохраняют свое научное и практическое значение.

Материал настоящего учебного пособия предназначен для студентов-бакалавров, изучающих курс истории государства и права России, и магистрантов, познающих историю отечественного правоведения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Понятие и сущность юриспруденции, ее происхождение и основные функции

§ 1. Многозначность термина «юриспруденция»

В современной юридической литературе слово «юриспруденция» («jurisprudence» — на англ. и франц. языках, «jurisprudenz» — на немецком, «giurisprudenza» — на итальянском, «jurisprudencia» или «jurispericia» — на испанском языке) употребляется в различных смыслах. Иногда оно используется для обозначения правовой мысли и правового сознания¹. Так, П. Г. Виноградов свой учебный курс по истории правовой мысли, читавшийся в Московском университете, назвал «историей правоведения»².

Термин «юриспруденция» нередко применяется также в качестве синонима термина «право»³. Выдающийся американский юрист Оливер Уэнделл Холмс (1841–1935) в своей речи, произнесенной 8 января 1897 года⁴ в Школе права Бостонского университета, говорил: «Юриспруденция, на мой взгляд, есть в целом просто право. Любая попытка вывести из случая правило является попыткой юриспруденции, хотя в том значении, в котором это понятие упо-

¹ В указанном значении термин «jurisprudence» используется, например, в книгах: *Tubbs J. W. The Common Law Mind. Medieval and Early Modern Conceptions.* Baltimore and London, 2000; *Азаркин Н. М.* Всеобщая история юриспруденции. М., 2003 и др.

² См. напечатанный текст этого учебного курса: *Виноградов П. Г.* История правоведения. М., 1908.

³ Именно в этом значении употреблял термин «jurisprudencia» английский правовед Иеремей Бентам (*Jeremy Bentham*, 1748–1832), когда писал об «уголовной и гражданской юриспруденции (penal and civil jurisprudence)», «внутренней (internal)» и «международной (international)», «национальной» и «провинциальной» юриспруденции (*Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation / Edited by J. H. Burns and H. L. A. Hart. London, 1970. P. 293, 296, 297 и др.*).

⁴ В указанное время О. У. Холмс занимал должность судьи Верховного суда штата Массачусетс.

требуется в английском языке, оно ограничивается наиболее широкими нормами и наиболее фундаментальными концепциями»¹.

Во Франции слово «jurisprudence» часто употребляется в качестве синонима понятия «судебная практика». «Словарь частного французского права» Сержа Браудо именно это значение данного слова объявляет превалирующим, указывая, что «термин „юриспруденция“ применяется в настоящее время для обозначения собрания постановлений и судебных решений»².

Однако наиболее распространенным определением юриспруденции в правовой литературе является обозначение этого понятия в качестве синонима *юридической науки*.

«C'est la science du droit (Это наука права)»³, — говорилось о юриспруденции (jurisprudence) в девятом томе «Всеобщего и толкового словаря юриспруденции гражданской, уголовной, канонической и бенефициальной», вышедшем в Париже в 1784 году. При этом пояснялось, что «под термином *Юриспруденция* понимаются также принципы, которым следуют по предмету права в каждой стране или в каждом трибунале... Юриспруденция имеет поэтому соответственно два предмета: один, который выступает как познание права, другой, который состоит в осуществлении его применения»⁴.

«Слово „юриспруденция“ кажется растяжимым по своему значению, — писал в начале XX века американский юрист В. Вильсон, — но если его принять в определенном ограниченном смысле, оно означает „науку о законах“»⁵.

¹ «Jurisprudence, as I look at it, is simply law in its most generalized part. Every effort to reduce a case to a rule is an effort of jurisprudence, although the name as used in English is confined to the broadest rules and most fundamental conceptions» (*Holmes O. W. The Path of the Law* // *Harvard Law Review*. 1897. Vol. 10. No. 8. P. 474).

² «On applique actuellement le terme de „jurisprudence“ à l'ensemble des arrêts et des jugements qu'ont rendu les Cours et les Tribunaux pour la solution d'une situation juridique donnée» (*Braudo S. Le Dictionnaire du droit privé français* // <http://www.dictionnaire-juridique.com/definition/jurisprudence.php>).

³ Répertoire universel et raisonné de jurisprudence civile, criminelle, canonique et bénéficiaire; ouvrage de plusieurs juriconsultes. Tome neuvieme. A Paris, M. DCC. LXXXIV. Col. 667.

⁴ «On entend aussi par le terme de *Jurisprudence* les principes qu'on suit en matière de droit dans chaque pays ou dans chaque tribunal... La jurisprudence a donc proprement deux objets: l'un qui est la connoissance du droit, l'autre qui consiste à en faire l'application» (*Ibid*).

⁵ *Вильсон В.* Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений. М., 1905. С. 541.

Один из ведущих современных американских юристов Ричард Аллен Познер в начале предисловия к своей книге «Проблемы юриспруденции» счел необходимым заметить: «Под „юриспруденцией“ я подразумеваю наиболее фундаментальную, общую или теоретическую плоскость анализа социального феномена, называемого правом»¹.

«Юриспруденция (jurisprudence)» — это «наука или философия права (the science or philosophy of law)» говорится в «Уэбстеровском словаре нового мира»².

«Термин *юриспруденция* относится обыкновенно к науке или изучению права и сопровождает любое усилие определить, описать или концептуализировать природу права»³, — говорится в изданной в 2008 году «Международной энциклопедии социальных наук».

Нельзя не признать, что взгляд на юриспруденцию как на совокупность правовых знаний проистекает в большей мере из значения самого этого термина. Латинские слова «*juris prudentia*» в простейшем переводе на русский язык означают «знание права». Современные правоведы не учитывают, что смысл этих слов не был постоянным, но изменялся на протяжении древнеримской истории. «Развитие понятия „юриспруденция“ у римлян распадается на два периода, — отмечал русский правовед прошлого века Н. Е. Чижов. — В первом из них словом *Jurisprudentia* обозначалась ремесленная, чисто практическая деятельность римских юристов, а во втором — научное изучение права, неразрывно связанное с практической деятельностью юристов. В старом смысле слова под юриспруденцией понимали умение, способность пользоваться при осуществлении и защите права юридическими нормами в таком же точно смысле, как под выражением *rei militaris prudentia* разумели искусство и способность вести войну. Лица, обладающие искусством применять право и знающие оное более, чем другие, назывались *juris prudentes*»⁴.

Сущность явления, обозначаемого термином «юриспруденция», не была неизменной на протяжении мировой истории. Оно развива-

¹ «By „jurisprudence“ I mean the most fundamental, general, and theoretical plane of analysis of the social phenomenon called law» (*Posner R. A. The Problems of Jurisprudence. Harvard, 1993. P. XI.*)

² Webster's New World Dictionary of American Language. New York, 1984. P. 766.

³ International Encyclopedia of the Social Sciences. 2nd edition. New York, 2008. Vol. 4. P. 231.

⁴ Чижов Н. Е. Материалы к истории системы права (энциклопедия права). Одесса, 1885. С. 32.

лось вместе с эволюцией государства и права, экономической жизни и духовной культуры общества.

§ 2. Происхождение юриспруденции.

Формы выражения юридических норм на ранних этапах развития общества

Термин «юриспруденция» имеет древнеримское происхождение, однако явление, которое он обозначает, родилось задолго до возникновения Римского государства. Различные формы юриспруденции, соответствовавшие тем или иным уровням развития права, существовали еще в древневосточных странах III—II тысячелетий до н.э., хотя в языках, на которых говорило их население, этот факт не нашел своего отражения: в них так и не сложилось специальных терминов для наименования данного явления.

Обращая внимание на данное обстоятельство, Л. И. Петражицкий писал: «Юриспруденция — весьма древняя наука и ученая профессия. Существование и обильное развитие этой ученой профессии — характерный спутник правовой жизни уже на таких ступенях развития культуры, когда о появлении и развитии научно-теоретического знания и исследования, о добывании и разработке научного света ради него самого, ради знания и объяснения явлений, еще нет и не может быть речи. Современные ученые юристы, думая о происхождении юриспруденции и времени ее появления, имеют в виду специально древнеримскую юриспруденцию. Но в действительности юриспруденция существовала и процветала, конечно, под другими наименованиями, у разных народов задолго до появления римской юриспруденции, в частности, у народов древнего культурного востока: в Ассирии, Египте, у древних евреев и т.д. на почве соответственного права, имевшего сакральный характер»¹.

Первые зачатки явления, называемого «юриспруденцией», возникли с появлением в обществе простейших правовых форм, существовавших поначалу в устном виде — в качестве обычно-правовых норм. Действие права в роли общеобязательного, нормативного регулятора поведения предполагает воплощение его в определенной знаковой системе. В раннюю эпоху правовой истории данная система состояла не из юридических понятий, а из *символов*.

¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. С. 213—214.

По словам русского правоведа М. Н. Капустина, «первоначально символическое выражение права было преобладающим и почти исключительным; понятия и признаки права находили в них свое формулирование; в символах и символических обрядах заключалось все право»¹.

В качестве символов брались известные предметы или действия. Причем, как показывают источники, у разных народов, живших к тому же в различные эпохи, этот юридический символизм был во многом сходен. Данное обстоятельство отмечают все ученые, специально исследовавшие использование символов для выражения юридически значимых действий. Так, на «удивительное сходство, замечаемое в символических обычаях таких народов, которые всегда были разделены пространством времени и места и не могли иметь влияния один на другого», указывал в своей работе о символизме в праве, вышедшей в 1839 году, русский правовед П. Д. Калмыков. В качестве примеров он приводил испытания водою и железом, издревле служившие доказательством истины в русском судопроизводстве. По его словам, «они были в употреблении у всех славян и даже доньше не совершенно прекратились в Болгарии, Сербии и Долмации. В Средние века такого рода доказательства господствовали во всей силе и в самых разнообразных формах в Западной Европе»². При этом Петр Давыдович совершенно исключал возможность заимствования этого обычая одним народом у другого, поскольку «такие испытания в главных чертах повторяются в Древней Греции, в Иудейском законодательстве, преимущественно в Индии, также в Тибете, в Японии и даже у некоторых племен западной Африки»³. Другим общераспространенным и в особенности замечательным юридическим символом П. Д. Калмыков считал символ *земли и дерна*. «Он встречается у разных народов древних и новых времен, — утверждал ученый, — есть несомненные следы существования его в нашем отечестве у других славян. У народов германских *земля* — часто *земля с дерном*, иногда с *зеленою ветвью*, — означала передачу, уступку и укрепление прав собственности и владения, также употреблялась в присяге и при решении споров о землях»⁴.

¹ Капустин М. Н. Теория права. Общая догматика. М., 1868. С. 110.

² Калмыков П. Д. О символизме права вообще и русского в особенности. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Санкт-Петербургского университета марта 31 дня 1839 г. СПб., 1839. С. 74.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же.

Одним из наиболее распространенных символов древнерусского права была рука. «Ударить по рукам» означало заключить сделку. Использование указанного символа в договорных отношениях предусматривалось, в частности, в Новгородской судной грамоте, составленной в конце 1470 — начале 1471 года. Статья 24 грамоты устанавливала, чтобы ответчик, желающий получить отсрочку начала судебной тяжбы о земле, договаривался об этом с истцом. Для закрепления же договоренности должно было «по руце ему ударити с истцом своим»¹.

Подобный символ применялся при заключении договоров и в средневековой Германии. «Рукобитье, — отмечал немецкий историк и филолог Якоб Гримм, — служило общим укреплением всяких договоров и обетов, для которых обычай не предписывал другого, более торжественного символа»². Посредством «подачи руки» и на Руси и в Германии заключался, к примеру, договор поручительства³.

Французское право также знало рукобитье в качестве обряда, утверждавшего заключение договора⁴.

Для фиксации же факта расторжения договора в праве различных народов широко использовался другой символ — солома. «Сила солому ломит», — гласит известная русская пословица. Смысл ее в том, что обладающий силой часто склонен к нарушению договора. Солома использовалась в качестве символа и в обязательственном праве Древнего Рима⁵, и в праве франков. При расторжении договоров солома обычно ломалась или бросалась. В средневековой Германии в случае добровольного отказа от права собственности солома передавалась новому собственнику⁶.

¹ Новгородская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков. Том 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 306.

² Grimm J. L. C. Deutsche Rechtsalterthümer. Göttingen, 1881. S. 138.

³ См.: Устрялов Ф. Н. Исследование Псковской судной грамоты. СПб., 1855. С. 28–34.

⁴ Об этом пишет, например, французский историк права П. Виоле. Violett P. Précis de l'histoire du droit français. Paris, 1886. P. 506.

⁵ В энциклопедии римского права, составленной чешским ученым М. Бартошеком, термин «festuca» переводится как «прут, символизирующий копье и римское право собственности как таковое» (Бартошек М. Римское право. Понятия. Термины. Определения. М., 1989. С. 131). Между тем первоначально данный термин римляне употребляли для обозначения соломы. От него пошел и французский термин «festu» или «fêtu», обозначающий соломинку.

⁶ См.: Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer. S. 121.

В средневековой Франции солому клали на землю, предназначавшуюся для продажи. При совершении сделки данная солома сжигалась¹.

Помимо руки и соломы в качестве юридических символов использовались также перчатка, нога, дерн, огонь, оружие, вино (литки)².

Символы составляли не просто форму юридически значимых действий, но и само их содержание. В символических обрядах четко фиксировался момент перехода вещи от продавца к покупателю, после которого она становилась невозвратимой к прежнему владельцу. «Напрасно думают, что символы, существующие в судопроизводстве, выдуманы единственно для прикрасы или обманов, — писал о подлинном значении таких символических обрядов Ф. Л. Морошкин. — Не совсем справедливо думают и те, кои относят их только к необходимым пособиям, доказательствам правоты или торжественности судопроизводства. Начало и основание символической юриспруденции гораздо глубже сего изъяснения. Каждый символ был необходимым и естественным выражением мысли и имел священно-историческое значение. Что после осталось только символом, то в древности было самой материей действия или содержанием. У римлян употребление весов и денег при отпущении на волю и проч., *vindicare* и пр., первоначально составляло не форму, а самое дело судебное»³.

С течением времени символы перестали играть преобладающую роль в качестве формы закрепления юридических актов. Более развитое право нашло более совершенную знаковую систему для выражения правоотношений. Ее составили сначала просто *слова*, а потом *юридические термины*. Правда, многие из них возникли не иначе, как из символов⁴.

Одно из первых словесных выражений юридических норм составляли пословицы. В них присутствовало, помимо юридического смысла, немало и неюридического, чисто бытового. Тем не менее можно согласиться с М. Н. Капустиным, что пословицы — «это пер-

¹ См.: Капустин М. Н. Теория права. Общая догматика. С. 110.

² См.: Леонтович Ф. И. История русского права. Одесса, 1869. С. 89.

³ Морошкин Ф. Л. О постепенном образовании законодательств. Рассуждение для получения степени магистра этико-политических наук. М., 1832. С. 128.

⁴ Так, явное происхождение из символов имеют такие термины римского права, как «*mancipatio*» («*manus*» — рука, «*capere*» — захватить), «*capitis accusatio*», «*capitis deminutio*» («*caput*» — голова) и др.

вые попытки отвлеченно представить положения права как вывод из нескольких конкретных понятий»¹. «Кто поране, тот и поправей», — говорили на Руси. В данной пословице фиксировалась юридическая норма, согласно которой прочность права владения той или иной вещью зависит от давности владения ею. Другие варианты приведенной пословицы — «чем старее, тем правее», «чья воля старее, тем правее»². Русская пословица «чья земля, того и городьба» выражала правовую норму, по которой право собственности на строение принадлежит тому, кто является собственником земли под ним.

Кроме пословиц, для выражения правовых норм использовались также стихи и песни. Термин классического римского права «сагмен», обозначавший исковую формулу, в более ранний период употреблялся в значении стиха или песни. Цицерон называл этим термином «Закон XII таблиц». У древних греков также одно и то же слово — «nomos» — обозначало одновременно и песнь и закон. «Отсюда наследие права, — отмечал русский правовед первой трети XIX века Ф. Л. Морошкин, — передается как эпос, в нераздельном соединении мертвых с живыми. Поэзия и право, обе дочери преданий, надолго удерживают характер общего происхождения»³.

В стихах (шлоках) передавалось из поколения в поколение содержание таких древнеиндийских религиозно-правовых памятников, как дхармашастры Ману («Законы Ману») и Яджнавалкьи. По дошедшим до нашего времени сведениям, древнеиндийский брахман мог сохранять в своей памяти до 5 миллионов шлок — факт, казалось бы, совершенно невероятный, но он подтверждается многими источниками. Известный исследователь истории христианской религии Э. Ренан писал по этому поводу: «Тысячу раз замечали, что сила памяти находится в противоположности с привычкой к письму. Нам даже трудно представить себе, как много могло сохранить устное предание в те времена, когда не рассчитывали ни на свои собственные записки, ни на имеющиеся в руках рукописи»⁴.

Такие словесные формы выражения правовых норм, как пословицы, стихи, песни, преобладали на той стадии развития челове-

¹ Капустин М. Н. Теория права. Общая догматика. С. 112–113.

² См.: Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. Т. 1. М., 1984. С. 130.

³ Морошкин Ф. Л. О постепенном образовании законодательств рассуждение. М., 1832. С. 123.

⁴ Ренан Э. Евангелия и второе поколение христианства. СПб., 1907. С. 62.

ского общества, когда отсутствовала письменность. Правотворчество носило тогда устный и во многом коллективный характер. Творцом права выступал чаще всего коллектив людей. Это не исключало, однако, специализации определенных лиц на формулировании правовых норм, их сохранении и толковании. «Законы в точном значении этого слова действительно появляются в довольно позднее время, — подчеркивал русский правовед прошлого века В. В. Сокольский, — но зато другие произведения сознательного творчества в области права встречаются в самые ранние периоды истории. Обработка права отдельными лицами и целыми классами лиц начинается также весьма рано и в свою очередь противоречит учению исторической школы об абсолютном господстве в примитивных обществах никем не формулированного, непосредственно исходящего из народного правового чувства, права. Появление в примитивных обществах целых классов лиц, занимающихся формулированием и систематизацией народного права, весьма характерично. Оно указывает на то, что стремление к определенности в праве присуще даже зарождающейся общественной жизни»¹.

Рудольф Иеринг придавал появлению юристов большое значение в истории права. «Историческое выступление на сцену юриста, — писал он, — свидетельствует, что право пережило период детства и бесхитростного существования; юрист — неизбежный глашатай этого поворота в жизни права»². По мнению немецкого правоведа, данное событие произошло вследствие того, что право, «достигнув некоторой степени развития», вышло из круга знаний народной массы; необходимое ознакомление с правом, «доставлявшееся прежде без труда каждому», стало требовать «особенной внимательности, усилий, определения себе цели»³. Право — нечто большее, чем простая масса законов, указывал Р. Иеринг. По его словам, «выучить наизусть законы не-юрист может точно так же, как и юрист, и если законы эти касаются именно тех отношений, которые хорошо известны не-юристу, то по нужде он может и приложить их. Но для того, чтобы понимать и уметь прилагать к делу самое *право*, одного здравого рассудка и природного чувства недостаточно; для этого нужны, во-первых, особенная *способность вос-*

¹ Сокольский В. В. О значении вещателей права в первобытных обществах, преимущественно у древних кельтов и германцев. Ярославль, 1875. С. 6.

² Иеринг Р. Юридическая техника // Юридические записки. Том 4. СПб., 1860. С. 53.

³ Там же.

принимания, приобретаемая лишь многолетним, усиленным упражнением, вместе с навыком к мышлению об отвлеченных предметах, и, во-вторых, особенное искусство в обращении с относящимися к праву понятиями, или юридическая *диагноза*. То и другое можно выразить одним термином — юридическое образование. Этим-то образованием, а вовсе не массой знаний, отличается юрист от не-юриста; на нем-то должна основываться верная оценка способностей юриста, а отнюдь не на степени его учености. Поэтому и при посредственном знании можно быть отличным, и при огромном знании плохим юристом»¹.

Действительно, усложнение права и его знаковой системы, появление юридической терминологии сыграло немаловажную роль в профессионализации той человеческой деятельности, которая именуется юриспруденцией, и соответственно в появлении юристов. Однако фактор этот был все же не единственным и не самым главным в данном процессе. История свидетельствует, что первые знатоки права повсеместно входили в состав высшего общественного слоя — аристократии. Специализация определенных лиц на формулировании правовых норм, их сохранении и толковании стимулировалась не только усложнением знаковой системы права, но и стремлением аристократии монополизировать юриспруденцию, закрепить этот род деятельности за собой.

В условиях отсутствия письменности сосредоточение знаний правовых норм, а также навыков их формулирования и толкования в рамках узкой социальной группы обеспечивало их сохранение и передачу из поколения в поколение. Английский правовед Г. С. Мэн писал по этому поводу: «До изобретения письма и в продолжении всего детского периода искусства, аристократия, облеченная привилегией отправления юрисдикции, являлась единственным органом, посредством которого могли сколько-нибудь сохраняться обычаи рода или племени. Подлинность этих обычаев оберегалась насколько возможно тем, что они вверялись памяти ограниченного числа членов общины»².

Вместе с тем монополизация юриспруденции аристократическим сословием давала ему значительные преимущества. Аристократы — знатоки права призваны были не только хранить, но и толковать правовые нормы. «Не только везде юриспруденция начина-

¹ Иеринг Р. Юридическая техника. С. 54–55.

² Мэн Г. С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб., 1873. С. 10.

ла с толкования, но и во всякое время оно должно быть первой из операций, которые она предпринимает над необработанным законодательным материалом», — писал Рудольф Иеринг. При этом он уточнял, что суть толкования заключается «в разложении материала, в устранении кажущихся противоречий, в уничтожении неясности и неопределенности, в уяснении всего содержания законодательной воли, значит, и в том, чтобы выводить из данных законоположений принцип, лежащий в их основании, и, наоборот, выводить из данного принципа его последствия»¹.

На той ступени исторического развития, когда правовые нормы выражались в устной форме (в виде пословиц, афоризмов, стихов или песен) и повсеместно господствовало обычное право, толкование приобретало решающее значение. С его помощью той или иной правовой норме легко можно было придать смысл, выгодный представителям какой-либо социальной группы.

С усложнением общественных отношений, усилением противоположности интересов различных групп населения возникает потребность придать правовым нормам большую определенность. Запись правовых обычаев, переход от неписаного права к писаному знаменует новую ступень в эволюции не только права, но и юриспруденции. Знаковая система права получает с таким переходом значительно более широкий простор для своего развития. Но самое главное, меняется характер правотворчества. Для неписаного, обычного права закономерным является спонтанность, стихийность происхождения. «На протяжении длительного времени, в течение жизни нескольких поколений, возникает чувство обязательности определенного поведения в определенных ситуациях»². Появление писаного права означает, что правотворчество отныне в значительно большей мере носит сознательный характер.

Если прежде содержание юриспруденции сводилось в основном к приемам толкования, то теперь получают свое развитие искусство формулировки правовых норм, способы их организации: классификации, группировки и т.п. Рудольф Иеринг, различая указанные две ступени в эволюции юриспруденции, первую называл «низшей» или «юридической техникой», а вторую — «высшей». Только на высшей ступени, утверждал он, достигает юриспруденция «своего прямого назначения, только здесь задача и метода ее становятся специфи-

¹ Иеринг Р. Юридическая техника. С. 118.

² Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 217.

чески юридическими, и только здесь она приобретает своеобразный научный характер, отличающий ее от всех прочих наук»¹.

История Древнего Востока показывает, что такое явление, как юриспруденция, может и вообще не выражаться в каком-либо особом понятии и термине. Подобная ситуация была характерна для начальной стадии эволюции юриспруденции, когда она не выделялась из системы духовной культуры в самостоятельное явление, а существовала в неразрывном единстве с религией, этикой, философией.

Так, понятие юриспруденции, как и категории религии и морали, отсутствовало в языке древних индусов — санскрите. Вместо них использовалось общее понятие «дхармы». Это необыкновенно сложное, не имеющее никаких аналогов в европейских языках², понятие в самом широком смысле обозначало всеобщий порядок в мире — порядок, пронизывающий и организующий все живые существа и всю неживую материю. В более же узком и распространенном значении дхарма — это долг, обязанности, правила поведения — одним словом, образ жизни идеально благочестивого и добродетельного индуса; причем образ жизни во всей его полноте, во всех его деталях: понятие дхармы охватывало своим значением одновременно и правовые, и религиозные, и моральные феномены.

Синкретизм соционормативной культуры Древнего Востока, выражавшийся в тесном сплетении между собой религиозных, моральных и правовых норм, означал, что юриспруденция не выделялась здесь в самостоятельное явление. Не случайно, что носителями юриспруденции в странах Древнего Востока были, как правило, лица, посвящавшие себя духовной деятельности вообще, как, например, вавилонские халдеи, индусские брахманы, древнееврейские книжники или законники. В литературе их часто называют жрецами, хотя жреческие функции были для них не самыми главными. Известный английский этнограф Дж. Фрэзер писал: «Истинными хранителями законов были жрецы местных святилищ, устно передававшие из поколения в поколение ритуалы и правила вероисповедания, с которыми в первобытном обществе бывают почти неразрывно связаны моральные нормы. Со всеми правовыми спорами народ обращался к жрецам, которые выносили решения не столько в качестве обыч-

¹ Иеринг Р. Юридическая техника. С. 118.

² «Дхарма — одно из тех санскритских слов, которые делают тщетными все попытки найти точное соответствие в английском или каком-либо другом языке», — пишет индийский ученый П. В. Кейн (*Kane P. V. History of Dharmashastra. Poona, 1930. Vol. 1. P. 1*).

ных судей, сколько как выразители воли божества, которую они распознавали и толковали при помощи жребия и других видов гадания. Эти-то словесные решения жрецов и составляли первоначальное право страны»¹.

В древнекитайском обществе носителями юриспруденции выступали высшие сановники. Юриспруденция являлась здесь неотъемлемой частью искусства управления. В «Шан цзюнь шу» (Книге правителя области Шан) говорится: «Если кто-либо из государственных должностных лиц в своих отношениях с народом не будет следовать закону, то люди могут обратиться за разъяснением к высшему чиновнику-законнику, и тот обязан объяснить им, какое наказание ожидает чиновника, нарушившего закон. Эти люди должны ознакомиться провинившегося с мнением высшего чиновника-законника»².

Тот факт, что юриспруденция на Древнем Востоке не выделялась из соционормативной культуры в самостоятельное явление, а выступала в неразрывном сплетении с религиозной мифологией, идеологией и этикой, не может сам по себе служить свидетельством ее неразвитости. И в таком виде, весьма специфическом с западно-европейской точки зрения, древневосточная юриспруденция вполне успешно решала стоявшие перед ней задачи. Тексты дошедших до нас древневосточных религиозных и правовых памятников, этических наставлений, философских трактатов и т.п. отражают довольно высокий уровень правовой культуры, и в том числе искусства формулирования правовых норм, обработки правового материала, его классификации и систематизации.

Так, в произведениях китайских легистов, помимо умозрительных призывов соблюдать законы, содержится немало сугубо практических советов по законотворчеству. «Не следует создавать законы, доступные лишь умным, — читаем мы в «Книге правителя области Шан», — ибо не все люди умны; не следует создавать законы, доступные лишь мудрым, ибо не все люди мудры. А потому совершенномудрые, создавая законы, непременно должны делать их ясными и доступными восприятию, с точными определениями, доступными как умным, так и глупым. Надлежит учредить высших и низших чиновников-законников, дабы наставляли они Поднебесную и уберегали народ от опасных заблуждений. Поэтому, когда Поднебесной правит совершенномудрый, никого не казнят, но это не потому, что

¹ Фрэнгер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985. С. 389.

² Шан цзюнь шу (Книга правителя области Шан). М., 1968. С. 237.

отсутствует статья о смертной казни, а потому, что существующие законы и предписания ясны и доступны пониманию»¹.

В другом легалистском сочинении, под названием «Люй-ши чунь цю», говорится, что законодатель должен учитывать в правотворчестве психологию человека. «Что же использовали прежние правители, вырабатывая свои законы? При выработке законов прежними ванами использовался человек. Но ведь каждый из нас — человек, значит, изучив самого себя, можно знать и других»².

§ 3. Юриспруденция как наука. Роль юридической науки в развитии и функционировании права

На ранних этапах развития общества — даже после того, как право стало писаным, — юриспруденция не имела теоретического характера и существовала в качестве сугубо практической деятельности по обслуживанию механизма формирования и функционирования права, как совокупность практических навыков обращения с правовым материалом. Юридическая наука или теоретическая юриспруденция появилась в ходе сложного и длительного процесса развития правовой культуры. Это высшая форма юриспруденции, предполагающая понятийное юридическое мышление.

Первые элементы теоретической юриспруденции появились еще на ранних ступенях истории права, а именно тогда, когда на основе конкретных правовых понятий сформировались понятия общие или абстрактные, стали предприниматься попытки определить тот или иной правовой институт. Выработка определения какого-либо явления всегда предполагает познание его сущности, установление его места в ряду других сходных явлений, уяснение его роли, значения.

Среди ученых-научковедов нет единого мнения о том, что такое наука вообще. Одни склонны считать наукой любую совокупность знаний об окружающем человека мире. Другие полагают, что наукой является не всякая совокупность знаний, но такая, которая отвечает целому ряду требований. Согласно доминирующей в науковедении точке зрения наука — это:

во-первых, деятельность, направленная на получение новых знаний;

¹ Шан цзюнь шу (Книга правителя области Шан). С. 239.

² Древнекитайская философия, М., 1973. Том 2. С. 303.

во-вторых, деятельность, имеющая целью познание ради познания¹;

в-третьих, признаком науки является рационализм знания о том или ином явлении, стремление к рациональному объяснению его существа;

в-четвертых, наукой может быть названа лишь системная совокупность знаний².

Приобретая на определенной ступени исторического развития научный характер, юриспруденция все же не теряет своей практической направленности. Если юриспруденция и становится наукой, то — надо заметить — наукой весьма своеобразной. Ее роль никогда не сводится к функции познания правовых явлений. Сколь бы ни было совершенно действующее законодательство, оно не способно предусмотреть и определить все возможные правовые вопросы, устранить сомнения в значении тех или иных юридических категорий. В процессе применения правовых норм неизбежно возникают какие-то неясности, противоречия или просто пробелы, которые порождают споры и создают условия для произвола. Кроме того, существует постоянная потребность в поддержании однообразия в правовых нормах и принципах, создании определенного порядка в действии различных источников права, выработке строгой иерархии среди них и т.д. Решение подобных проблем призвана обеспечивать юриспруденция. Она служит поэтому важнейшим органом функционирования и развития права. «Особенность юриспруденции в сравнении с другими практическими науками, — писал в свое время правовед К. К. Дыновский, — заключается в том, что она представляет весьма своеобразное сочетание задач практических с задачами не практическими; она притом не только наука, но и искусство. В умелом гармоническом сочетании обоих элементов, при котором правоведение, не поступаясь своим научным характером, может служить интересам действительной жизни, заключается вся задача, вся сила и вся прелесть правоведения»³.

¹ «Научная деятельность по получению новых знаний не может быть направлена лишь на решение практических задач; в последнем случае она перестает быть собственно наукой и попадает в сферу прикладных дисциплин», — отмечает правовед И. О. Рожанский (*Рожанский И. О. Античная наука. М., 1980. С. 7–8*).

² «Совокупность не связанных внутренним единством разрозненных знаний, даже если они относятся к одной области реальной действительности, еще не образует науки» (там же. С. 11).

³ *Дыновский К. К. Задачи цивилистического образования и значение его для гражданского правосудия. Одесса, 1896. С. 26.*

Юридическая история средневековой Европы показывает, что научные доктрины, научные принципы организации правового материала, научные формы правового мышления играли огромную роль в нормотворчестве, разрешении судебных споров, формировании понятийного и терминологического аппарата права. Неслучайно становление и упрочение системы королевских судов в европейских странах, прежде всего в Англии, Франции, Германии, сопровождалось появлением множества юридических трактатов, в которых обобщалась и унифицировалась судебная практика, систематизировались нормы процессуального и материального права, объяснялась сущность правовых институтов.

Одним из первых среди таких произведений стал «Трактат о законах и обычаях королевства Англии, обыкновенно называемый Глэнвилл» (*The Treatise on the Laws and Customs of the Realm of England commonly called Glanvill*). Его составление относится ко второй половине 80-х годов XII века, когда юстициарием при короле Генрихе II состоял Ранульф Глэнвилл. В первой трети XIII века появился трактат под названием «Саксонское зеркало», написанный немецким рыцарем, знатоком правовой культуры Саксонии Эйке фон Репковым. Приблизительно в 30–50-е годы XIII века был составлен трактат «О законах и обычаях Англии» (*De Legibus et Consuetudinibus Angliae*), приписываемый Генри Брэктому. В начале 80-х годов XIII века появился аналогичный трактат и во Франции, известный под названием «Кутюмы Бовези». Его составителем был королевский балли в местечке Бовези графства Клермон. В прологе к своему произведению он заявил: «Эту работу мы начинаем в такой манере, в какой желаем завершить, [составив] большую часть этой книги судебными решениями, которые были вынесены в наше время в вышеназванном графстве Клермон; а другую часть — понятными обыкновениями и понятными обычаями, которые могли быть применяемыми и признаваемыми долгое время; и другую часть из спорных случаев в вышеназванном графстве, судебными решениями из соседних замков; и еще одну часть — правом, являющимся общим по всему королевству Франции»¹. Приведенные слова показывают, что трактат «Кутюмы Бовези» соединял в своем содержании нормы не только обычаев, но и судебных решений. Помимо местного права, в нем излагалось и право, общее для всей Франции. Очевидно,

¹ *Philippe de Beaumanoir. Coutumes de Beavaisis. Next critique publié avec une introduction, un glossaire et une table analytique par Am. Salmon. Tom premier. Paris, 1899. P. 3–4.*

что такая систематизация и обработка правового материала была необходима для поступательного развития права. Средневековые юридические трактаты сами по себе не являлись научными произведениями в строгом смысле этого слова, но их содержание оказывалось в значительной степени результатом применения научных принципов к обработке материала действовавшего права.

Эти факты показывают, что юридическая наука — это не какая-либо внешняя сила по отношению к праву: *на определенном этапе эволюции правовой культуры научные доктрины, научные принципы организации правового материала, научные формы правового мышления становятся неотъемлемой частью механизма развития действующего права, способом решения проблем, с которыми оно сталкивается.*

Одной из них является, например, проблема систематизации законодательства, неизбежно возникающая при усилении интенсивности законодательной деятельности, которая, будучи ответом на конкретные общественные потребности, как правило, носит хаотичный характер. Лучшим способом преодоления хаоса в законодательном материале является создание свода законов или кодекса. Однако такая работа предполагает применение научных принципов. Создатель Свода законов Российской империи М. М. Сперанский писал по этому поводу: «Опытность практического познания законов есть первая потребность в делопроизводстве. В приложении законов никакое умозрительное познание заменить ее не может; тут теория без опыта почти бесполезна, между тем как опытность и без теории обойтись может. Но когда дело состоит о приведении законов в систему, тогда опытность одна недостаточна: здесь нужно познание начал, из коих каждый род законов проистекает, связь их между собою, пределы их и взаимные отношения; здесь нужна теория, с опытностию соединенная»¹.

Повышенное значение юридической науки для действующего законодательства проявляется и в тех ситуациях, когда возникает потребность в осуществлении государственных реформ. Проведение таких реформ предполагает издание совершенно новых законов, создание правопорядка, которого прежде не существовало. Очевидно, что ведущую роль в этом случае может играть только юридическая наука, юридическая же практика оказывается здесь бесполезной.

Наряду с термином «юриспруденция» в правовой литературе часто встречается словосочетание «юридическая техника». Содержа-

¹ [Сперанский М. М.] Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 56—57.

ние его носит неопределенный характер. Во всяком случае, правоведы вкладывают в него различный смысл. Франсуа Жени понимал юридическую технику как искусственное вмешательство юриста в правовую материю. «Я думаю, — писал он, — что мог бы определить понятие юридической техники, сказав, что в целом она представляет собой в позитивном праве форму, противопоставленную содержанию, и что эта форма остается в сущности весьма искусственной конструкцией того, что дано в праве — продуктом скорее действия, чем разума»¹. При этом французский правовед считал такое вмешательство необходимым для обеспечения применения правовых норм на практике, а юридическую технику полагал необходимым элементом юридической деятельности. «Если бы мы желали, — утверждал он, — суммировать понятие юридической техники в двух словах и в такой форме, в какой оно будет казаться менее спорным, то выводили бы это понятие из рассмотрения цели самого объективного права, взятого в его сущности как положительная дисциплина, управляющая людьми в обществе. Чтобы управлять поведением человечества во внешней сфере, очерчиваемой юридическим горизонтом, недостаточно, как это делается при научном открытии, вывести, путем наблюдения и размышления, правила, соответствующие условиям общественной жизни. Надо сделать эти принципы пригодными для применения и приспособить их к конкретным обстоятельствам. Для достижения этой цели кажется необходимой совокупность практических средств и способов, представляющих собой специфическую часть искусства или ремесла в праве, которую можно назвать техникой... Понимаемая в таком широком смысле, техника занимает в юридическом организме важное место и имеет большое количество различных применений»².

¹ «Je crois pouvoir préciser la notion de technique juridique, en disant qu'elle représente, dans l'ensemble du droit positif, la forme opposée à la matière, et que cette forme reste, essentiellement une construction, largement artificielle, dit donné, oeuvre d'action plus que d'intelligence» (*Geny F. Science et technique en droit privé positif. Partie 3. Élaboration technique du droit positif.* Paris, 1921. P. 23).

² «Si nous la voulons résumer en deux mots, sous la forme où elle paraîtra le moins aisément contestable, cette notion se déduit de la considération du but propre du Droit objectif envisagé, d'après son essence, comme la discipline positive régissant les hommes en société. Pour diriger la conduite de l'humanité dans la sphère extérieure, que circonscrit l'horizon juridique, il ne suffit pas, faisant oeuvre de science, de dégager, par l'observation et la réflexion, des principes qui répondent aux conditions de la vie sociale. Il faut mettre en oeuvre ces principes et les adapter aux circonstances concrètes. Dans ce but, un ensemble de procédés ou de moyens pratiques apparaît nécessaire, qui représente la part spécifique de l'art ou du métier dans le Droit et qu'on peut appeler sa technique...

Иногда понятие «юридическая техника» используется в качестве синонима термина «юриспруденция». Так, Ф. К. Савиньи, считавший, что право формируется спонтанно в народном быту, а юристы лишь открывают его и формулируют, определял юридическую технику в качестве совокупности приемов научной обработки правового материала юристами.

Рудольф Иеринг понимал под юридической техникой практическую юриспруденцию. «Мы употребляем выражение это в двояком смысле: субъективном и объективном, — отмечал он. — В первом случае мы разумеем под ним юридическое искусство, задача которого состоит в формальной отделке данной материи права в показанном выше значении; а в последнем — осуществление этой задачи в самом праве, т.е. сообразный с правилами искусства механизм права, устроенный так, чтоб он по возможности способствовал приложению права к делу и облегчал эту операцию»¹.

Представляя юридическую технику в качестве юридического искусства, немецкий правовед делал вывод о том, что данное явление возникло раньше юридической науки². Вместе с тем Иеринг признавал юридическую технику неотъемлемым элементом научной юриспруденции. «Чем совершеннее образование понятий, — указывал он, — тем труднее различать их в конкретном случае. По мере возрастания такой трудности приложение права более или менее принимает характер собственно искусства. Это искусство, которое отнюдь не дается теоретическим знанием права, а требует особенного напряжения сил и долголетнего упражнения, есть искусство юридической диагностики; без него теоретическое знание было бы достоянием, с которым нельзя было бы действовать в жизни»³.

Entendue de cette façon large, la technique tient, dans l'organisme juridique, une place considérable et comporte un grand nombre d'applications diverses» (*Geny F. La Technique législative dans la Codification civile moderne (a propos du Centenaire du Code civil) // Le Code Civil. 1804–1904. Livre du Centenaire. Tome 2. Paris, 1904. P. 991*).

¹ Иеринг Р. Юридическая техника. С. 69–70.

² «Итак, юридическая техника получила бытие не в одно время с собственно-называемой юриспруденцией. Искусство и в области права явилось прежде науки, потому что искусство мирится с чутьем и простым чувством или инстинктом, тогда как наука начинается лишь с познания» (там же. С. 68).

³ Там же. С. 85.

§ 4. Законоискусство — законоведение — правоведение как формы русской юриспруденции

В России различные формы юриспруденции выражались словами «законоискусство», «законоучение», «законоведение», «закономудрие», «правоучение», «правоведение», «правомудрие».

Законоискусством называлась практическая юриспруденция, предполагавшая знание правовых норм, понимание их смысла, умение применять их к поведению людей.

«Законоискусство есть знание прав и законов, дабы уметь справедливо применять оные к деяниям человеческим или деяния человеческие к правам и законам»¹, — писал З. А. Горюшкин в первом переплете (томе) своего «Руководства к познанию российского законоискусства». Термином же «законоискусственная наука» Захар Аникеевич называл некое сочетание практической юриспруденции с теоретической. «Законоискусственная наука, — указывал он, — быв в сопряжении с прочими частями учености, как-то: математикою и философию, есть знание прав и законов, дабы уметь справедливо применять оные к деяниям человеческим, или деяния человеческие к законам, и выводить заключения, непосредственно следующие из сравнения сих двух предложений; или разбирать и полагать которое действие противно законам и которое сходно с оными; или иначе наукою судить дела человеческие по точной силе и словам законов»².

Термином «**законоучение**» российские правоведы обозначали как процесс обучения законам, так и науку о законах.

С. Е. Десницкий в своей речи «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», высказав мысль о необходимости преподавать эту науку «порядком историческим, метафизическим и политическим», констатировал: «Сии в моем рассуждении науки *для благоуспешного в России законоучения* необходимо нужны»³ (курсив мой. — В. Т.).

В смысле процесса обучения праву употреблял термин «законоучение» и П. И. Дегай, рекомендуя «начать российское законоучение» изучением изданных Комиссией составления законов в 1815—1819 годах «Оснований российского права». При этом Павел Ива-

¹ Горюшкин З. А. Руководство к познанию российского законоискусства. Переплет 1. М., 1811. С. 4.

² Там же. С. 1.

³ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Том 1. М., 1952. С. 210.

нович советовал дополнять «главные черты законоположений, в них представленные, подробнейшими сведениями, находящимися в подлинных узаконениях, изданных также Комиссиею, под заглавием: Систематический свод существующих российских узаконений»¹.

А. Н. Радищев понимал слово «законоучение» еще и как учение о законах. На это указывает сохранившаяся среди его бумаг короткая заметка о правилах законоучения, зафиксировавшая следующие сентенции:

1. «Если причина, для которой закон установлен, не существует, то закон существовать не должен». 2. «Законы новейшие уничтожают прежние, им противоречащие». 3. «Никто себя обвинять не обязан»².

Законоведением российские правоведы называли и процесс изучения законов, и науку о них.

«Систематическое познание российских законов, как государственных, так и гражданских, называется российским законоведением»³, — утверждал Н. Ф. Рождественский. «Под именем законоведения, — отмечал Н. Е. Чижов, — разумеется наука, изучающая систематически содержание законов в качестве обязательных правил, исходящих от верховной государственной власти»⁴.

М. М. Сперанский выделял два рода законоведения: «одно — практическое, дело навыка и здравого смысла; другое — ученое»⁵. При этом он считал, что второй род законоведения «не может основываться, если законы не будут приведены в правильный состав»⁶, то есть систематизированы — собраны по определенной системе в едином своде.

Н. И. Лазаревский считал термин «законоведение» не вполне удачным. «Самый текст закона, — пояснял он свою точку зрения, — изучается только в целях лучшего и наиболее точного выяснения

¹ Дегай П. И. Пособия и правила изучения российских законов, или Материалы к энциклопедии методологии и истории литературы русского права. М., 1831. С. 62.

² Радищев А. Н. Правило законоучения // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Том 3. М.—Л., 1954. С. 43.

³ Рождественский Н. Ф. Руководство к российским законам. СПб., 1848. С. 1.

⁴ Чижов Н. Е. Законоведение. Вып. 1: Записки по государственному праву. Одесса, 1902. С. 1.

⁵ [Сперанский М. М.] Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 97.

⁶ Там же. С. 98.

того правила, которое устанавливается данным законом. Поэтому гораздо более точным и правильным термином сравнительно с законоведением является «правоведение» или иностранное слово «юриспруденция»¹.

Термин «**правоучение**» был распространен в трудах российских правоведов начала XIX века. А. П. Куницын подразумевал под ним науку об основополагающих принципах права. «Правоучение, — писал он, — служит главным руководством в определении законов положительных: ибо оно предлагает общие начала, разрешающие все частные случаи»². В. Г. Кукольник понимал термин «правоучение» как процесс обучения праву. «Цель правоучения, — отмечал он, — состоит в том, 1) чтобы знать законы так, как правила гражданской жизни, чтобы соображать с оными свободные деяния, ибо никто не должен отговариваться неведением государственных уставов. 2) Чтобы приобрести способность и навык судить и решать дела по силе и разуму законов. Посему повелено знать права всем находящимся в судебных местах»³.

В настоящее время под словом «**правоведение**» в русской юридической литературе чаще всего понимается правовая наука. Однако в трудах русских ученых-правоведов XIX века данный термин употреблялся в более широком смысле, соединяя значения юридической науки и юридической техники. «Правоведение можно назвать наукою ясно и правильно понимать законы и применять их к встречающимся в общежитии случаям или происшествиям. Итак, российское правоведение есть наука понимать и применять *российские* законы»⁴, — писал В. Ф. Вельяминов-Зернов. Сближая правоведение с законоискусством, Владимир Федорович отличал его от законоведения. По его словам, «тот, кто приобрел искусство понимать и применять законы, называется *правоведцем* или *законоискусником* (*jurisprudens, jurisperitus, jurisconsultus*). Напротив того, тот, кто знает только одни слова и хронологический порядок законов, не разумея их смысла и не умея надлежащим образом применять их к встречающимся случаям, именуется *законником* (*legulejus*)»⁵.

¹ Лазаревский Н. И. Законоведение. Б. м. и г. С. 2–3.

² Куницын А. П. Право естественное. СПб., 1818. С. 17.

³ Кукольник В. Г. Начальные основания российского частного гражданского права. СПб., 1813. С. 5–6.

⁴ Вельяминов-Зернов В. Ф. Опыт начертания российского частного гражданского права. Ч. I: Право лиц. СПб., 1814. С. 1.

⁵ Там же. С. 1–2.

В. Г. Кукольник также видел сущность такого явления, как правоведение, в неразрывной связи теоретических сведений о праве с практическими навыками обращения с правовым материалом. «Правоведение, — утверждал он, — есть знание законов, соединенное с навыком и способностью применять оные к деяниям во всяких встречающихся случаях. Кто сие приобрел, того называем *Правоведцем* (Юрисконсультом)»¹.

Г. И. Терлаич понимал право как «совокупность прав и обязанностей (в смысле обязанностей. — *В. Т.*), положенных гражданским обществом», а систематическую науку о них и все, что облегчает «их познание, употребление и благоуспешное исполнение в самом применении», называл «положительным правоведением, *positiva jurisscientia*»². При этом он отличал от положительного правоведения «положительное правомудрие, *positiva jurisprudentia*», которое представляло собой, по его мнению, сочетание теоретического и практического правоведения. Последнее он обозначал термином «применяемое правоведение», включая в его состав: «1. Искусство толкования права положительного; *hermeneutica juris*. 2. Искусство деловодства, *jurisprudentia practica*. 3. Искусство делорешения»³.

Термин «правоведение» был в лексике российских правоведов самым распространенным обозначением юриспруденции. Неслучайно эти два термина считались синонимами. «Слово латинское *юриспруденция*, иногда употребляемое в нашем языке, — подчеркивал В. Г. Кукольник, — то же значит, что правоведение, по сему неправильно различают некоторые юриспруденцию от науки права, приписывая первой значение только обряда судебного делопроизводства»⁴.

В «Проекте об учреждении Московского Университета», изданном в 1755 году, преподаватели юридических дисциплин именовались профессорами юриспруденции. Согласно § 5 указанного документа в юридическом факультете должны были служить на преподавательских должностях: «1) Профессор всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения

¹ Кукольник В. Г. Российское частное гражданское право. Часть 1: Изложение законов по предметам частного гражданского права, лицам, вещам и деяниям. СПб., 1815. С. 19.

² Терлаич Г. И. Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России. Часть 1. СПб., 1810. С. 25.

³ Там же. С. 30.

⁴ Кукольник В. Г. Российское частное гражданское право. Часть 1. С. 19.

Римской древней и новой империи. 2) Профессор юриспруденции Российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особенно внутренние государственные права». Очевидно, что термин «юриспруденция» использовался в данном случае в самом широком значении: он охватывал и законоискусство, и законоведение с законоучением, и правоведение, и правоучение.

Всемирная юридическая история показывает, что юриспруденция, как и право, является развивающимся и постоянно меняющимся феноменом. Она выступает в различных формах и состояниях, выполняет множество различных функций. Формулируя определение юриспруденции, необходимо учитывать многогранный характер этого явления и видеть в нем по меньшей мере два смысла.

В *узком смысле* термин «юриспруденция» обозначает совокупность теоретических знаний о праве и практических навыков формулирования и толкования правовых норм, приемов и способов обработки правового материала: организации правовых норм, их классификации, систематизации и т.п.

В *широком смысле* «юриспруденция» — это деятельность по обслуживанию механизма формирования, функционирования и развития права.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Юриспруденция Древней Руси (X—XIII вв.)

§ 1. Договоры Руси с Византией 911 и 944 годов как первые письменные памятники русской юриспруденции

Русская юриспруденция проходила в своем становлении те же самые этапы, которые знала в своей ранней истории юриспруденция других народов. Знаковая система древнерусского права воплощалась первоначально в символах, в качестве которых использовались различные предметы — такие, как дерн, солома, рука, пола кафтана, перчатка, обувь, ключ, оружие и др.¹ Это был этап *символической юриспруденции*. На смену ей позднее пришла *юриспруденция словесная*. Символы продолжали и после этого применяться при оформлении правоотношений. Но главным выражением правовых норм на данном этапе развития юриспруденции выступали *пословицы* и *юридические формулы*. Историк русского права Н. П. Загоскин писал о различии между ними. «Являясь подобно юридическим пословицам выражением в слове народного представления о праве, юридические формулы отличаются от них тем, что они создаются во имя самого права, для целей его практического применения, являясь принадлежностью древнейшего процесса, между тем как юридические пословицы, будучи простым выражением в слове правовых понятий народа, таких практических целей не преследуют»².

Пословицы сохраняли свое значение формы выражения правовых норм и в дальнейшем — после того, как русское право ста-

¹ Об использовании данных предметов в древнерусском обществе для оформления правоотношений см.: Павлов-Сильванский Н. П. Символизм в древнем русском праве // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. М., 1988. С. 483—506.

² Загоскин Н. П. История права русского народа. Казань, 1899. С. 206.

ло писаным и основу его знаковой системы стали составлять юридические термины. Знатор русской народной словесности И. М. Снегирев писал по этому поводу: «И при письменных законах старые пословицы имели свою силу; когда в каком случае недоставало закона, тогда решал судный обычай, пословица: *по старой памяти, как по грамоте*»¹.

Устные юридические формулы, возникшие в древнерусском обществе для выражения правовых норм, также не потеряли своего значения после появления на Руси писаного права. Многие из них были записаны и вошли в состав различных юридических сборников. Так, явное происхождение от устной юридической формулы ведет статья 1 Русской Правды: «Убить мужь мужа, то мстьтъ брату брата, любо сынови отца, а любо отцю сына, любо братучада, любо сестриню сынови»².

Самой ранней по времени из дошедших до нас записей норм древнерусского права является договор Руси с Византией, заключенный в 911 году киевским князем Олегом с византийскими императорами Львом и Александром³. Его текст приводится в «Повести временных лет», изложенной в Лаврентьевской летописи 1377 года⁴. О том, что названный договор содержал не какие-то искусственно сформулированные его составителями правила, но представлял собой запись реально действовавших правовых норм, свидетельствует само его содержание. В нем неоднократно упоминается «закон русский». «Аще ли оударит мечем, или оубьет кацѣм⁵ любо сосоудом, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону Роускому»⁶, — гласит одна из статей рассматриваемого договора. В заключение же текста

¹ Снегирев И. М. Обзорение юридического быта в продолжение древнего и среднего периода русской народной жизни // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным. Том 2. М., 1842. С. 263–305.

² Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 176.

³ Лев VI и Александр являлись сыновьями Василия I, первого из правивших Византией императоров македонской династии. Они правили совместно с 886 по 912 год.

⁴ Так называется в исторической литературе летопись, скопированная в 1377 году монахом нижегородского Печерского монастыря Лаврентием с «ветшаной» рукописи летописного свода тверского князя Михаила Ярославича, который в 1305 году занял великокняжеский стол в городе Владимире.

⁵ В смысле: будет бить кацем («кац» — огнище или кадило).

⁶ Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною историко-археологической комиссиею Академии наук СССР (далее: ПСРЛ). Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. 2-е изд. Л., 1926. Стлб. 34.

договора 911 года, приводимого в Ипатьевской летописи, говорится о том, что представители князя Олега клянутся перед византийским царем «по закону и по покону» своего народа¹.

Термином «закон русский» обозначалось здесь, вероятнее всего, не что иное, как устное обычное право, действовавшее в рамках древнерусского общества. До сих пор не обнаружено не только записей правовых норм, которые можно было бы отнести к эпохе, предшествующей времени составления договора князя Олега с византийскими императорами, но и простых упоминаний о них. Следует отметить, однако, что даже если «закон русский» и представлял собой совокупность правовых обычаев, выражавшихся лишь в устной форме, то это было весьма устойчивое соционормативное образование. Не случайно спустя тридцать четыре года основное содержание Олегова договора с византийскими властителями было воспроизведено в другом договоре Руси с Византией — в том, который заключил в 944 году киевский князь Игорь с правившими совместно византийскими императорами Романом, Константином (Багрянородным) и Стефаном. И в этом документе также неоднократно делалась ссылка на «закон русский», причем и в тех статьях, которые отсутствовали в более раннем договоре. Что же касается термина «покон», то он недвусмысленно употреблялся в значении обычая. Словосочетание «по покону языка нашего» означало «по обычаю народа (или племени) нашего».

Оригиналы обоих договоров писались на греческом языке. Но впоследствии их тексты переводились на русский язык². Варианты этих документов, написанные на русском языке, имели в своем распоряжении составители «Повести временных лет». Их содержа-

¹ «Мы же кляхомся къ царю вашему, иже от Бога суще, яко Божие здание, по закону и по покону языка нашего, не переступити нам ни иному от страны нашае от оуставленных главъ мира и любве» (Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою Археографическою комиссиею (далее: ПСРЛ). Том 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908. Стлб. 28). В Лаврентьевской летописи записан несколько иной вариант этой фразы: ««Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от Бога соуша, яко Бжъа здание, по закону и по закону языка нашего, не престоупити нам ни и ому от страны нашае от оуставленных главъ мира и любви» (ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 34). В отличие от варианта Ипатьевской летописи, здесь говорится не «по закону и по покону языка нашего», а «по закону и по закону языка нашего».

² Это доказал лингвист-русист академик Сергей Петрович Обнорский. См.: Обнорский С. П. О языке договоров русских с греками // Язык и мышление. Л., 1936. Том 6–7. С. 102.

ние показывает, что лексика русского языка была в начале X века достаточно развитой, чтобы описать те или иные преступления и наказания, не прибегая к заимствованиям из лексики греческого или каких-либо других иностранных языков. Так, мы видим в договорах термины «убийство» и «убой», «татба» (кража), «вина», «казнь» (в смысле наказания), «закон», «покон», «устав» и т. д.

Как известно, развитие юриспруденции в западноевропейских странах было в значительной мере стимулировано заимствованиями из древнеримской правовой культуры. Французские, германские, английские правоведы воспринимали в Средние века правовые идеи, юридические конструкции, понятия и термины, выработанные юристами Древнего Рима, приспособляли их к реалиям средневекового европейского общества¹. При этом западноевропейские правоведы воспринимали и сам язык древних римлян — латынь, точнее: его вульгаризированный в эпоху раннего средневековья вариант. На латинском языке были изложены первые западноевропейские письменные правовые памятники — так называемые «варварские правды»: «Lex Burgundionum», «Lex Visigothorum», «Lex Salica», «Lex Saxonum». На этом языке были написаны и юридические трактаты средневековых западноевропейских правоведов: произведение, приписываемое английскому юстициарию XII века Ранульф Глэнвиллу «Tractatus de Legibus et consuetudinibus regni Angliae», трактат английского судьи XIII века Генри Брэктона «De Legibus et consuetudinibus Angliae», трактат французского правоведа XIII века по имени Петр «Petri exceptiones Legum Romanorum» и др. Язык правоведов в западноевропейских странах был непонятен для простого населения. Поэтому латинизированная западноевропейская юриспруденция развивалась в отрыве от народной духовной культуры.

Совершенно иная ситуация складывалась на Руси. Язык русской юриспруденции мало отличался от бытового языка населения. Русская юриспруденция была тесно связана в своем становлении и развитии с русской народной культурой. И влияние византийской

¹ См. об этом подробнее: *Виноградов П. Г.* Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / Под редакцией и с биографическим очерком У. Э. Батлера и В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2010; *Томсинов В. А.* О сущности явления, называемого «рецепцией римского права в Западной Европе в Средние века» // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 1998. № 4. С. 3–17; *Томсинов В. А.* Значение римского права в общественной жизни Западной Европы в XI–XIII вв. // Древнее право. М., 1997. Вып. 1 (2). С. 112–119; *Томсинов В. А.* О роли римской правовой культуры в формировании «общего права» Англии // Древнее право. М., 2000. № 2 (7). С. 138–147.

юриспруденции на русскую было не таким глубоким и всеобъемлющим, каким оказалось влияние на средневековую западноевропейскую юриспруденцию элементов правовой культуры Древнего Рима. В эпоху же, предшествовавшую принятию политической элитой древнерусского общества христианской религии, воздействие правовой культуры Византии на русскую правовую культуру было вообще минимальным. Оно распространялось разве что на внешнюю форму правовых актов, на их структуру, расположение правового материала. Содержание же правовых норм более соответствовало «закону русскому», то есть обычному праву древнерусского общества, нежели византийским законодательным актам.

Так, по нормам византийской Эклоги лицо, совершившее убийство, подлежало суду, и только на основании судебного решения убийца мог быть предан смертной казни. При этом Эклога различала убийство преднамеренное от убийства в драке. Статья 45 данного законодательного сборника устанавливала, что «совершивший преднамеренное убийство, независимо от возраста, карается мечом»¹. Согласно же норме, предусмотренной статьей 47, если в результате происшедшей схватки случалась смерть, то судьям надлежало рассудить и обследовать оружие, которым была причинена смерть. В зависимости от результатов этого обследования и выносилось в такой ситуации наказание. Если судьи обнаруживали, что «убийство было совершено тяжелыми дубинами или большими камнями, или ударами ноги», виновный подлежал отсечению руки. «Если же какими-либо более легкими орудиями», то виновному назначалось наказание «плетьми и изгнанием»².

В договорах Руси с Византией 911 и 944 годов проводился иной подход к убийству. В них не отличалось убийство умышленное от неосторожного. Но самое главное в качестве средства наказания за убийство здесь предусматривалось применение кровной мести. Одна из статей договора 944 года гласила: «Аще оубьеть хрестянинъ Руси на или Русинъ хрестянина и да держимъ будеть створивыи убиство ѿ ближних оубьенаго да оубьють и аще ли оускочитъ створивыи оубои и оубежитъ аще будеть имовить, да возьмуть именье его ближнии оубьенаго; аще ли есть неимовить [створивыи убиство] и оускочитъ же, да ищють его дондеже Ѡбрышетсѧ, аще ли Ѡбрышетсѧ

¹ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 72.

² Там же.

да оубень будеть»¹. Таким образом, в договоре прямо декларировалось право близких родственников убитого убить убийцу без суда и следствия в случае, если преступник будет схвачен ими на месте преступления. Когда же убийца скрывался, то родственникам убитого предоставлялось право захватить в возмещение за преступление имущество преступника. Если же убийца был неимущим, то родственникам убитого можно было искать убийцу до тех пор, пока тот не будет обнаружен, а при обнаружении преступника им разрешалось убить его. Очевидно, что составители текста договора Руси с Византией следовали в данной ситуации нормам «русского закона», а не византийского права.

По византийскому законодательству лицо, совершившее кражу, подлежало различным наказаниям в зависимости от своего статуса и характера преступного деяния. Тот, кто совершал кражу в первый раз и при этом являлся свободным и состоятельным человеком, должен был на основании статьи 11 титула XVII Эклоги возвратить украденную вещь владельцу и в качестве наказания за свое преступление уплатить ему двойную стоимость этой вещи. Если же вор был человеком неимущим, он подвергался за первую кражу наказанию плетью и изгнанию, а за повторную — отсечению руки². В договоре 911 года о краже говорилось следующее: «Ѡ сем, аще оукрадѣть что Русин любо оу хрестѣанина, или паки хрестѣанинѣ оу Русина, и ѣтъ будѣть в том часе тѣтъ, егда тѣтбу сотворит, ѡ погубившаго что любо, аще приготовить тѣтъ творѣи и оубень будет, да не взищеться смерть его ни ѡ хрестѣанѣ, ни ѡ Роуси, но паче оубо да возмет свое иже [будеть] погубил. Аще дасть роуце свои оукрады, да ѣтъ будет тем же, оу него боудет оукрадено, и связанъ будет, [и] ѡдаст тоѣ, еже смѣ створити, и сотворит триичи ѡ сем»³. Иными словами, устанавливалось правило, по которому если вор украдет что-либо — русский у византийца (христианина) или византиец у русского — и будет пойман хозяином украденной вещи во время совершения кражи или в момент приготовления к ней, и при этом вора убьют, то за смерть его ни византиец, ни русский не понесет никакого наказания⁴, но

¹ ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 51–52.

² Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. С. 69.

³ ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 34–35.

⁴ Возможность безнаказанно убить вора, пойманного ночью на месте преступления, предусматривается статьей 38 Русской Правды (Краткой редакции), гласив-

пострадавший от кражи может возратить себе то, что у него было украдено. Если же вор добровольно отдастся и будет взят тем, у кого украл, то он должен возратить то, что украл, — в тройном размере. Данное правило не соответствовало предписаниям византийского законодательства о наказании за кражу, но отражало нормы русского обычного права. Тем не менее, оно распространялось не только на русских, но и на византийцев (христиан). «Русскому закону» отдавалось, таким образом, явное предпочтение перед византийским законодательством.

В договоре 944 года статья о наказании за кражу предусматривала применение и византийского, и русского права. И здесь уже ничего не говорилось о возможности убийства вора в момент совершения кражи или во время приготовления к ней. «Аще ли ключитсѧ оукрасти Русину ѿ Грек что, или Гръчину ѿ Руси, достойно есть да възворотити [е] не точью едино, но и цѣну его. Аще оукраденное ѿбратицѧ предаемо, да вдасть и цѣну его сугубо, и то показнень будетъ по закону Гречьскому [и] по уста[в]оу и по закону Рускому»¹. То есть вору предписывалось возратить не только украденное, но и уплатить сумму, равную его стоимости. В случае же, если обнаруживалось, что украденное было продано, вор должен был возратить сумму, составляющую его двойную стоимость, и он подлежал наказанию по византийскому законодательству и «по уставу и закону Рускому». Очевидно, что по отношению к византийцу в данном случае действовало византийское право, к русским же применялись нормы русского обычного права.

В отличие от договора 911 года, в котором говорилось о «законе» или о «поконе» русском, договор 944 года упоминает, помимо слова «закон», термин «устав». Позднее данный термин употреблялся на Руси для обозначения совокупности писаных правовых норм, установленных князем. Так, в Новгородской первой летописи младшего извода после рассказа о том, как князь Ярослав утвердился с помощью новгородской дружины на великокняжеском престоле в Киеве — «на столе отца своего Володимера», говорится, что он, одарив новгородцев «по 10 гривен всем», отпустил их всех домой, «дав им

шей: «Аще ли убиють татя на своемъ дворѣ, или у клѣтѣ, или у хлѣва, то тои убить и есть» (Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 179).

¹ ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 50.

правду и устав списав»¹. На этом основании некоторые историки построили свои предположения о том, что ко времени составления договора 944 года между Русью и Византией на Руси уже существовало писаное право². Однако термин «*устав*» имел в древнерусском языке не только значение совокупности писанных законов или правил — он применялся также для обозначения обычая или древнего правила³. И, думается, в тексте договора 944 года термин «*устав*» использовался именно в этом последнем значении.

Таким образом, в самых ранних из дошедших до нас записей русского права три слова — «*закон*», «*покон*» и «*устав*» — употреблялись на первый взгляд в одинаковом значении: в качестве терминов, обозначающих обычаи или их совокупность.

Можно предположить, что указанные слова относились к различным категориям обычаев. Например, слово «*закон*» скорее всего применялось для обозначения обычаев, признанных княжеской властью и действовавших на всей территории Русского государства. Отсюда, мне кажется, и частое употребление слова «*закон*» в сочетании с определением «*Русский*».

Любопытно, что в Западной Европе в эпоху раннего Средневековья латинский термин «*Lex*», переводимый на русский язык как «*закон*», долгое время использовался для обозначения не писанных законов как таковых, а совокупности существующих и передающихся в устной форме обычно-правовых норм.

Термин «*покон*», на мой взгляд, обозначал на Руси в IX веке, в отличие от термина «*закон*», совокупность племенных обычаев — то есть обычаев, действующих не на всей территории Русского государства, а лишь в рамках какого-либо племени, составлявшего часть русского народа. Не случайно слово «*покон*», употребленное в ипатьевском варианте текста договора 911 года, сочетается со словом «*языка нашего*», то есть племени или народа нашего. С этой точки зрения *между словами «закон» и «покон» можно провести следующее различие: «закон» — это обычное право территориального действия, а «покон» — обычаи персонального характера действия или, иначе гово-*

¹ Новгородская первая летопись младшего извода. С. 175.

² См., например: Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. Том 76. М., 1965. С. 229; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 139–146.

³ На это указывает словарь древнерусского языка И. И. Срезневского (см.: Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Том третий. СПб., 1903. Стлб. 1278).

ря, обычаи, связанные не с государственной территорией, а с определенной этнической общностью.

Что же касается термина «**устав**», то применительно к договору 944 года, в тексте которого данный термин встречается, он обозначает, вероятнее всего, *норму устного характера, установленную княжеской властью.*

Как бы то ни было, разнообразие юридических понятий и терминов, которое показывают изложенные на русском языке тексты договоров, заключенных в 911 и 944 годах между Русью и Византией, является одним из свидетельств того, что зарождавшаяся русская юриспруденция имела в те времена прочный фундамент для своего развития в качестве самостоятельного явления — явления исконно русского как по своему содержанию, так и по форме.

§ 2. Роль духовенства в развитии древнерусской юриспруденции

Значительным событием в истории древнерусской юриспруденции стало принятие великим князем Владимиром и его боярами христианства в качестве официальной религии Русского государства. Вместе с христианской религией на Руси появились священники из Византии и византийские сборники церковного законодательства — так называемые «**номоканоны**» и «**синописисы**». Номоканоны назывались сборники, сочетавшие в своем содержании нормы светского права (*νόμος*) и церковные правила (*ῥάγων*) — «каноническую синтагму». Свод этих норм и правил являлся своего рода кормилом, которым управлялась церковь, уподоблявшаяся в стародавние времена кораблю. Из этого образа возникло другое название номоканона, утвердившееся впоследствии на Руси, — «**кормчая книга**». Синописисами назывались сборники, воспроизводившие содержание номоканонов в сокращенном виде.

Среди наиболее авторитетных византийских канонических сборников¹, ставших впоследствии известными на Руси, самыми ранними по времени создания были: свод церковных правил в 50 ти-

¹ Древнейшим же каноническим сборником, составленным в восточной части Римской империи, являлся сборник, известный в исторической науке под названием «Никейские правила», содержавший каноны Первого Вселенского собора и некоторых Поместных соборов. См. о нем: *Заозерский Н. А.* Значение доникейского канонического права в церковном законодательстве IV и последующих веков // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1882. Кн. 6–7. С.

тулах¹ и «Собрание в 87 главах» светских узаконений, касающихся церковных дел (*Collectio LXXXVII capitulorum*)². Оба этих сборника составил в 565–578 годах, в бытность свою Константинопольским патриархом, Иоанн Схоластик³. В VI–VII веках некто из византийских церковных деятелей соединил названные сборники в единый номоканон в 50 титулах. Свод церковных правил был подвергнут при этом значительным сокращениям, а собрание светских правовых норм, напротив, дополнено новыми узаконениями относительно церкви. Созданный таким образом новый сборник получил название: «*Законные постановления, согласующиеся с предлежащими канонами*» или «*Начертания 50 титулов*». Позднее в него были включены каноны Трулльского и Седьмого Вселенских соборов, Карфагенского собора 419 года и двух Соборов, состоявшихся при патриархе Фотии в храме Святых Апостолов в 861 году, а также правила святых отцов и другие авторитетные каноны. Одновременно восстановили полные тексты канонов, которые ранее излагались в сокращенном виде. Во второй половине IX века данный канонический сборник был переведен на старославянский язык святым Мефодием.

В период между 578 и 610 годами в Византии был создан канонический сборник под названием «Синтагма в 14 титулах». В 629–640 годах он был дополнен новыми церковными канонами и тогда же в него включили светские правовые нормы. В результате синтагма приобрела характер номоканона. В 883 году «Номоканон в 14 титулах» был подвергнут переработке. Имевшийся в нем свод канонических правил был дополнен канонами Шестого и Седьмого Вселенских соборов и двух Соборов 861 года, состоявшихся в храме Святых Апостолов, и Собора, заседавшего в 879–880 годах в храме Святой Софии. Некоторые добавления были сделаны и ко второй части данного номоканона — к собранию светских правовых норм. Указанное преобразование «Номоканона в 14 титулах», имевшее место в 883 году, было впоследствии приписано Константинопольско-

596 и сл. Приблизительно в V–VI вв. в Византии был создан канонический сборник в 60 титулах, но он не сохранился.

¹ Данный свод состоял из 85 апостольских правил, 224 правил четырех Вселенских и шести Поместных соборов и 68 правил Василия Великого.

² Указанное «Собрание» включало в себя 12 новелл императора Юстиниана.

³ См. об этих сборниках: Бенешевич В. Н. Синагога в 50 титулах и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1913.

му патриарху Фотию. Поэтому названный сборник часто именуется в исторической литературе «Номоканон Фотия»¹. Приблизительно в начале XI века он был переведен на церковнославянский язык и стал самой авторитетной на Руси Кормчей книгой. Его содержание включало в себя правила Святых Апостолов, каноны семи Вселенских и шести Поместных соборов, каноны Василия Великого, правила святых отцов, принятые Вселенской Церковью. В дополнение к этому своду церковных правил в рассматриваемом Номоканоне приводились нормы сборников светского права Византии — Эклоги и Прохирона.

Во второй половине XIII века Русской церковью был признан в качестве самого авторитетного номоканона вариант этого сборника, переведенный на славянский язык святым Саввой — первым Сербским архиепископом.

Помимо указанных византийских номоканонов, вбиравших в себя каноны по всем вопросам церковной жизни, определенное распространение в среде древнерусского духовенства получили канонические сборники специального характера, которые содержали правила, касавшиеся лишь каких-то отдельных сфер церковного быта. Подобными сборниками являлись, например, «Правила» святого Никифора Исповедника касательно покаянной дисциплины и состоявший преимущественно из канонов о монашестве и покаянии так называемый «Покаянный номоканон» Иоанна IV Постника², занимавшего в 582–595 годах должность Константинопольского патриарха.

Во время правления великого князя Ярослава Владимировича на Руси была развернута грандиозная работа по переводу византийской христианской литературы с греческого на церковнославянский язык. В Ипатьевской летописи под годом 6545, который соответствует 1037 году современного летоисчисления, говорится следующее: «Ярослав, любА церковныѧ оуставы и попы любАше по велику излиха же бѣ любА черноризцы и книгамъ прилежа почитаѧ часто в день и в нощи, и собра писцѣ многы

¹ См. о нем: Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1905.

² См. об этом сборнике: Заозерский Н. А., Хаханов А. С. Номоканон Иоанна Постника в его редакциях — грузинской, греческой и славянской. М., 1902.

и прѣкладаше ѿ Грекъ на Славеньскыи языкъ и писма и списаша многы книги»¹.

Переводы византийской христианской литературы на церковно-славянский язык продолжались на Руси и в дальнейшем. Так, во второй половине XII века был переведен на церковно-славянский язык канонический сборник «Истолкования заповедей Господних», составленный в конце XI века монахом Черной Горы (Сирия) Никоном. В исторической литературе данное произведение известно под названием «Пандекты Никона Черногорца»². Данный сборник включал в себя фрагменты из правил Святых Апостолов, канонов Вселенских и Поместных соборов, канонов, епитимии, кратких и пространных правил и монашеского устава Василия Великого, отрывки из сочинения Василия Великого «О Святом Духе» и сочинения Иоанна Дамаскина «Против ересей», из «Завещания» Федора Студита, некоторые каноны Константинопольских патриархов Никифора I, Тарасия, фрагменты из Новелл императора Юстиниана и т. д. Немало материала при составлении своего сборника Никон Черногорец позаимствовал в покаянном номоканоне Иоанна Постника и Номоканоне, приписываемом Фотию.

Появление на Руси священников — служителей христианской религии — и перевод огромного массива византийской христианской литературы (в том числе канонических сборников и сводов светских правовых норм) на церковно-славянский язык создали новые условия для развития древнерусской юриспруденции.

Христианское духовенство с самого начала своего появления на Руси стало выступать здесь в роли носителей не только богословских, но и юридических знаний. Об этом свидетельствуют древнерусские летописи, слово «О законе, данном Моисеем, и о благодети и истине, явленной Исусомъ Христом...» митрополита Илариона и другие памятники древнерусской письменности.

¹ ПСРЛ. Том 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стлб. 139. В Лаврентьевской летописи это сообщение записано следующими словами: «Ярослав, любя церковныя оуставы, попы любаше по велику, излиха же черноризьцѣ и книгамъ прилежа и почитаѣа є часто в нощи и в дне и собра писцѣ многы и прѣкладаше ѿ Грекъ на Словѣнское писмо и списаша книги многы» (ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 151–152).

² Некоторые тексты этого канонического сборника недавно изданы в греческом оригинале и в переводе на церковнославянский язык. См.: *Максимович К. А.* Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М., 1998.

Под годом 6504 (996 год современного летоисчисления) в Лаврентьевской летописи рассказывается о том, как однажды пришли к великому князю Владимиру епископы со своими советами относительно того, как наказывать разбойников. «Живаше же Володимеръ в страѣ Божьи и оумножишася [зело] разбоеве и рѣша епископи Володимеру: „Се оумножишася разбойници, почто не казниши ихъ“. Он же рек имъ: „Боюся грѣха“. Они же рѣша ему: „Ты поставлень еси ѿ Бога на казнь злымъ, а добрымъ — на милованье. Достойти ти казнити разбоиника, но со испытѡмъ“. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбоиники»¹. Приведенный пример является ярким свидетельством того, что священники были активны в распространении в древнерусском обществе не только христианской религии, но и норм светского права, сложившихся в Византии. Статья 50 титула XVII Эклоги предписывала: «Разбойничающий и устраивающий засады и убивающий в том месте, где захвачен, да будет распят на фурке»² (т. е. на вилах. — В. Т.).

Описывая, как великий князь Владимир любит дружину, Лаврентьевская летопись отмечает, что он советовался с нею «о строи земленѣ и о ратехъ и [о] оуставѣ земленѣ»³.

В слове «О законе, данном Моисеем, и о благодети и истине, явленной Иисусомъ Христом...» митрополита Илариона великий князь представлен советующимся относительно того, как «установить» закон народу русскому. «Подобниче великааго Коньстантина, равноумне, равнохристолюбче, равночестителю служителемъ его!» — прославляет Иларион князя Владимира, добавляя при этом: «Онѣ съ святыми отци Никеискааго Събора закон человекомъ полагаше, ты же съ новыми нашими отци епископи сънимаяся чясто, съ многымъ съмерениемъ съвещавашеся, како въ человецехъ сихъ ново познавшихъ Господа закон уставити»⁴.

Княживший в Новгороде в 30-х годах XII века внук Владимира Мономаха Всеволод Мстиславич в дополнительных статьях к своему

¹ ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 126–127; см. также: Ипатьевская летопись. Стлб. 111.

² Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 73.

³ ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 126.

⁴ Библиотека Древней Руси. Том 1: XI–XII века. СПб., 1997. С. 48. Подробнее об этом произведении митрополита Илариона см.: Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. М., 2003. С. 34–46.

«Уставу о церковных судах, и о людех, и о мерилах торговых» указывал: «А тое все приказах епископу управливати, а смотря в манока-нон (то есть номоканон. — В. Т.). А мы с воей души сводим»¹.

Определяя роль духовенства в развитии юриспруденции в Древней Руси, русский правовед Н. Л. Дювернуа писал: «Кто мог лучше других сохранить всю законодательную традицию Древней Руси, кто был свободен от исключительно-местного взгляда на суд и закон, кто мог отвечать на весь круг вопросов юридических, включая сюда и свободу, и рабство, дела торговые, наследование во всех классах, опеку? Мы думаем, всего скорее лица духовные, которые знали не один круг интересов, которым их греческое образование давало возможность стать на точку зрения организованного и исторически развивающегося юридического быта, которые могли быть в настоящем смысле юристами»².

В условиях, когда государственные институты были еще не развиты и сфера государственного регулирования общественных отношений очень узка, духовенство вынуждено было брать на себя многие функции государственных служащих. Еще в Византии сложилась традиция, по которой церковь не замыкалась в кругу дел чисто духовных, но активно помогала государственной власти поддерживать в обществе необходимый правопорядок. На Руси участие духовенства в государственных делах должно было принять значительно более широкий характер, чем в Византии. «В обществе греко-римском, — писал по этому поводу историк С. М. Соловьев, — отношения семейные издавна подчинялись гражданским законам, тогда как в русском новорожденном обществе семейство оставалось еще неприкосновенным, но церковь по главной задаче своей — действовать на нравственность — должна была прежде всего обратить внимание на отношения семейные, которые по этому самому и подчинялись церковному суду»³.

В лице православного христианского духовенства древнерусская юриспруденция получила социальную силу, которая могла стимулировать ее развитие. Священники были образованными людьми, в их распоряжении имелся правовой материал, вобравший в себя

¹ Устав великого князя Всеволода о церковных судах, и о людех, и о мерилах торговых // Российское законодательство X–XX веков. Том 1: Законодательство Древней Руси / Под редакцией В. Л. Янина. М., 1984. С. 253.

² Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России. Очерки по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 153.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. С. 261.

достижения византийской юриспруденции. Характеризуя привнесенные на Русь из Византии в составе номоканонов Эклогу и Прохирон, историк В. О. Ключевский называл их «типическими образцами византийской кодификации», основанной на образцовых произведениях римских юристов Гая, Ульпиана и др. «Не думайте, что это — кодексы или своды законов в современном значении этих терминов, — отмечал он. — Это — скорее произведения законовещения, чем произведения законодательства, более юридические учебники, чем уложения. Они рассчитаны не столько на судебную камеру, сколько на юридическую аудиторию. Я не знаю, удобно ли было по ним производить суд; но несомненно, по ним очень легко преподавать право. Самое заглавие одного из них *Ὁ πρόχειρος νόμος* буквально значит *ручной закон*, руководство, приспособленное к легчайшему познанию законов. Читая тот или другой титул этих кодексов, разбитый на известное количество глав или параграфов, чувствуешь, как будто читаешь конспект лекции из курса гражданского правоведения»¹.

Призванное содействовать государственной власти в поддержании общественного порядка русское духовенство едва ли могло усвоить институты византийского вещного, обязательственного права и семейного права, имевшие древнеримское происхождение. Вряд ли могло оно понять существо эмфитевзиса, суперфиция, депозита, сговорного задатка и предбрачного дара, уяснить различие между подвластным сыном и эмансипированным, между завещанием и легатом и т. д. Но что касается *приемов и способов обработки правового материала, классификации и систематизации его* — одним словом, *всего того, что входит в содержание юриспруденции*, то здесь дело обстояло иначе. В сфере прикладной, практической юриспруденции церковники с их развитым в результате многолетнего изучения священных текстов логическим мышлением должны были чувствовать себя как рыба в воде. «Кормчая принесла на Русь, — подчеркивал В. О. Ключевский, — первые образцы связного уложения, построенного не на пережившем себя обычае или случайном усмотрении власти, а на последовательном развитии известных юридических начал, отвечающих насущным потребностям общества. С тех пор начались и у нас опыты составления по разным отраслям действовавшего права кратких сводов, подобных тем, какие так любила и так умела составлять греко-римская юриспруденция. Разные редакции Русской

¹ Ключевский В. О. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка // Ключевский В. О. Православие в России. М., 2000. С.328.

Правды и церковных уставов св. Владимира и Ярослава, церковные уставы их потомков, князей XII века, — все это были ранние подражания синоптической византийской кодификации, или прямо вышедшие из среды духовенства, или предпринятые под влиянием и при содействии церковных законоведов. Разумеется, эти опыты далеко отставали от своих образцов как в кодификационной технике, так и в выработке юридических начал. Но они будили юридическую мысль, отрывая ее от непосредственных явлений, приучая подбирать однородные юридические случаи и из них извлекать общие правила, юридические нормы»¹.

Участие православного духовенства в законотворческом процессе имело благие последствия для юриспруденции Древней Руси и в другом отношении. Русская юриспруденция пронизывалась началами христианской этики. Юридические акты, создававшиеся служителями православной церкви, принимали характер моральных наставлений — они давали не только знание норм, но и воспитывали нравственные чувства. Они прививали уважение к личности человека, независимо от того, свободен он или нет. Будили добролюбие, учили бояться нарушения моральных заповедей больше имущественного ущерба. Именно благодаря участию православного духовенства в составлении законов в древнерусской юриспруденции возникла традиция мотивации той или иной правовой нормы.

Вполне возможно, прием мотивации законодательного установления древнерусские законоискусники переняли у правоведов Византии. Но, как бы то ни было, использовали они этот прием более для оправдания смягчения санкций, чем их ужесточения. Византийское законодательство отличалось жестокими наказаниями за преступления: в нем предусматривались и мучительные и позорящие наказания и, как уже говорилось, — смертная казнь. Русские творцы законов отказывались от таких наказаний, мотивируя это тем, что казнить или увечить человека противно христианской вере — «не бо принимает сего церковное наказание и учение».

Правда, необходимо признать, что смягчение наказаний могло диктоваться в условиях древнерусского общества и вполне материальными причинами. Так, попытка великого князя Владимира ввести смертную казнь за разбой, о которой говорилось выше, не увенчалась успехом еще и потому, что такое наказание лишало его поступлений денег в казну. Спустя некоторое время после введения князем Владимиром смертной казни за разбой сами епископы, вы-

¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 329–330.

ступавшие за эту меру, признали, что если бы наказанием была вира, то у князя были бы деньги и на коней и на оружие¹.

§ 3. Древнерусская юриспруденция и правовая культура Византии. Язык древнерусской юриспруденции

Как известно, в конце XI — начале XII века в Западной Европе возникли первые университеты, в рамках которых развернулось широко-масштабное изучение и разработка византийских правовых памятников — Дигест, Кодекса, Институций и Новелл Юстиниана. Возникла университетская юриспруденция². XI–XII вв. стали временем духовного расцвета Древней Руси. Заметный прогресс в своем развитии сделала в указанный период и древнерусская юриспруденция. На Руси так же, как и в Европе, происходила в данное время интенсивная разработка литературных и в том числе правовых памятников прошлого. Однако характер этого процесса отличался целым рядом особенностей по сравнению с тем, который совершался в средневековой Западной Европе. Правовое наследие Византии, а следовательно, в какой-то мере и Древнего Рима, было воспринято в древнерусском обществе не так, как оно воспринималось в обществе западноевропейском.

Юриспруденция Древней Руси испытала в процессе своего становления и развития определенное воздействие правовой культуры Византии, сформировавшейся на базе правового наследия Древнего Рима. Как известно, юриспруденция западноевропейских стран также развивалась под воздействием элементов византийской правовой культуры и древнеримского правового наследия. Однако степень и

¹ «И реша епископы и старци: „Рать многа, а еже вира, то на конихъ и на оружьи буди“. И рек Володимиръ, да тако буди. И живяше Володимиръ по строенью дедню и отню (то есть — и сказали епископы и старцы: «Войн много, а если вира, то на коней и на оружие будет». И сказал Владимир: «Пусть так». И жил Владимир по заветам деда и отца»). См.: ПСРЛ. Том 2: Ипатьевская летопись. Стлб. 111–112; ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 127.

² Подробнее об этом см.: *Томсинов В. А.* О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» // Вестник Московского ун-та. Серия 11 «Право». 1998. № 4. С. 3–17; *Томсинов В. А.* Рецепция права // Общая теория государства и права. Академический курс: В 3-х томах / Отв. ред. М. Н. Марченко. Том 2. М., 2007. С. 531–552.

характер этого воздействия был различным в условиях древнерусского и западноевропейского обществ.

Территория Западной Европы входила в первые века нашей эры в состав Римской империи. На нее распространялась власть римского императора, и на ней соответственно действовали нормы римского права. Действие этих норм не прекращалось в Западной Европе и после того, как здесь возникли самостоятельные государства, в которых сложилась королевская власть, независимая от какой-либо другой государственной власти. Более того, римское право в этих условиях продолжало здесь даже изучаться¹. Поэтому влияние римской правовой культуры на юриспруденцию западноевропейских стран, наблюдающееся в эпоху Средневековья, не было восприятием *чужой* правовой культуры. Уже по одной этой причине оно не может быть названо «рецепцией» римского права².

На самом деле явление, называемое в исторической литературе «рецепцией римского права в Западной Европе», было не чем иным, как феноменом **преемственности определенной части западноевропейской правовой культуры по отношению к правовой культуре, выработанной в Древнем Риме и Византии**. О том, что действие римского права в Западной Европе в эпоху Средневековья не было результатом «рецепции», но представляло собой всего лишь проявление преемственности в истории правовой культуры, ярко свидетельствует тот факт, что многие римские правовые нормы существовали в средневековом западноевропейском обществе в форме устного обычного права. Совокупность обычаев — норм поведения, сформировавшихся в течение длительного времени в результате многократного повторения одних и тех же действий в конкретных социальных общностях, не мог быть перенесен из одного общества в другое.

Для древнерусского общественного сознания правовая культура Византии была *чужой* правовой культурой. Отношение русских к византийскому праву как к чужому праву ясно проявляется в содер-

¹ См. об этом: *Томсинов В. А.* Значение римского права в общественной жизни Западной Европы в XI—XIII вв. // *Древнее право*. 1997. № 1(2). С. 113.

² После распада СССР в бывших союзных республиках, входивших в состав данного государства, продолжали действовать, причем сначала в довольно большом объеме, нормы права Советского Союза. Данное явление никем не называется «рецепцией советского права», и это правильно: советское право не выступает чужим для указанных государств, оно представляет собой правовое наследие их собственного прошлого. Почему же аналогичное явление, происходившее в Средние века в Западной Европе, именуется в исторической литературе «рецепцией римского права»?

жании русско-византийских договоров 911 и 944 годов. Так, в договоре 944 года говорилось, что если случится украсть что-нибудь русскому у грека или греку у русского и украденное будет продано, то вор возместит его двойной ценой и будет наказан «по закону Гречьскому [и] по уста[в]оу и по закону Рускому»¹.

Подобным образом не смешивались в указанных русско-византийских договорах также обычаи и религиозные нормы русских и греков. В договоре 911 года устанавливалось, что крещеные греки клянутся соблюдать его статьи церковью и честным крестом, а некрещеные русские по своим обычаям и верованиям². Согласно договору 944 года русские клялись соблюдать его своими щитами и оружием³.

В Западной Европе система образования, включавшая в себя изучение права, строилась по преимуществу на базе латинской письменности, и соответственно слой образованных людей, и в том числе правоведов, писали и говорили на латинском языке. Поэтому и нормы туземного права часто записывались на латыни. Наиболее яркий пример такой записи — «Lex Salica», сборник правовых норм салических франков, известный в нашей исторической литературе под названием «Салическая Правда».

Помимо письменности на латинском языке в отдельных западноевропейских странах — в Англии, например, — мог применяться при изложении юридических текстов местный письменный язык, однако правилом для Западной Европы было все же использование в подобных случаях латыни.

Латинский язык западноевропейской юриспруденции выражал собой преемственную связь правовой культуры Западной Европы с правовой культурой Древнего Рима.

В древнерусском обществе, в отличие от современного ему западноевропейского, слой образованных людей писал и говорил на русском и церковно-славянском языках. Упомянутые византийско-русские договоры были написаны одновременно и на греческом и на русском языке. Их тексты показывают, что русские вполне могли выразить в письменном виде на своем родном языке все основные юридические понятия.

¹ ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 50.

² Там же. Стлб. 37.

³ Там же. Стлб. 53.

Церковно-славянская письменность возникла на основе старославянской письменности, алфавит которой был создан в середине IX века Константином Философом¹ на базе разговорного языка македонских славян². В 864—865 годах Константин Философ перевел для духовенства новой — Славянской — церкви, формировавшейся в то время в Великой Моравии с помощью властей Византии и моравского князя Ростислава, «весь чин церковной службы»³, то есть христианские литургические тексты. Позднее он и его брат Мефодий со своими учениками перевели на старославянский язык тексты Священного Писания, отцов христианской церкви⁴ и богословов, а также византийские юридические тексты.

Ко времени принятия христианства великим князем Владимиром в Киеве существовала христианская община, в рамках которой богослужение велось на старославянском языке. В процессе этих богослужений данный язык претерпевал изменения: в него включались слова из живого древнерусского языка. Подобные перемены происходили со старославянским языком и во время переводов на него византийской религиозной и юридической литературы, осуществлявшихся древнерусскими книжниками. Хотя интенсивная переводческая деятельность развернулась на Руси только в XI веке, однако переложение некоторых византийских произведений на старославянский язык было сделано древнерусскими переводчиками еще в X столетии. Так, по всей вероятности, именно тогда была переведена «Эклога». На Руси этот византийский правовой сборник

¹ В исторической литературе Константин Философ более известен под именем святого Кирилла, брата святого Мефодия.

² Данный алфавит иногда именуется «кириллицей», по монашескому имени его создателя. Но современные специалисты с уверенностью утверждают, что Константин Философ создал на самом деле «глаголицу», а «кириллица» есть «результат предпринятой учениками Мефодия (видимо, в Болгарии) попытки приспособить греческое официальное письмо IX века к фонетическим особенностям славянской речи» (Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 150).

³ Память и житие блаженного учителя нашего Константина Философа, первого наставника славянского народа // Библиотека литературы Древней Руси. Том 2: XI—XII века. СПб., 1999. С. 55.

⁴ На Руси впоследствии имели хождение переводы таких отцов, как Григорий Богослов (ок. 330 — ок. 390 годов), Василий Кесарийский (ок. 330—379 годов), Иоанн Златоуст (ок. 350—407 годов), Иоанн Дамаскин (ок. 675— 753 годов) и др.

получил известность под названием «Леона и Константина верная цесаря»¹.

В результате указанных процессов на базе старославянского языка в древнерусском обществе формировался новый — так называемый церковно-славянский язык русской редакции². Древнерусское духовенство было в состоянии воспринимать византийскую религиозную и юридическую литературу и на греческом и на латинском языках, но сколько-нибудь заметное общественное значение на Руси имели именно переводы этой литературы на церковно-славянский язык.

Наряду с письменностью на церковно-славянском языке в древнерусском обществе существовала также письменность на бытовом русском языке. На широкое распространение этой разновидности письменности и одновременно на большое число грамотных людей в Древней Руси указывают берестяные грамоты, обнаруженные археологами в Новгороде, Пскове, Старой Руссе и других местах. Разговорный язык, на котором была основана эта письменность, формировался в крупных древнерусских городах. Их население было смешанным по своему этническому и социальному составу. Поэтому в качестве средства общения здесь применялся некий обобщенный русский язык, в котором сглаживались диалекты различных племен и местностей.

Будучи положенным на письмо, этот язык стал использоваться на Руси при летописании и при записи норм исконно русского права. Нормы сборника, известного под названием «Русская Правда», были записаны именно такого рода письменным языком.

С течением времени русский письменный язык вбирал в себя церковно-славянские термины³; в свою очередь, и церковно-славянская письменность заимствовала слова из русского бытового языка. Таким образом, обе разновидности письменности в некоторой степени сближались одна с другой. Однако двуязычие в области духовной культуры Древней Руси и в том числе в сфере древнерус-

¹ Современный историк Л. В. Милов, специально занимавшийся данной проблемой, высказал мнение о том, что славянский перевод «Эклоги» можно датировать 996 годом. См.: *Милов Л. В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // *Древнее право*. 1996. № 1. С. 203.

² См. подробнее об этом: *Улуханов И. С.* О языке Древней Руси. М., 2002. С. 32–77.

³ В качестве примера славянизма, нашедшего себе место в письменности, основанной на бытовом русском языке, можно привести союз «аще» (если). Он часто встречается в текстах Русской Правды и других юридических установлениях, начертанных на русском языке.

ской юриспруденции продолжало при этом сохраняться вплоть до начала XVIII века.

Данная языковая ситуация существенно отражалась на судьбе византийского религиозного и правового наследия в древнерусском обществе. Византийские юридические произведения переводились, как правило, не на русский, а на церковно-славянский язык. В связи с этим не только сугубо религиозные по содержанию тексты, но и те из них, которые содержали светские правовые нормы, воспринимались на Руси в качестве неотъемлемой части христианской традиции. Так, тридцать девятый титул «Прохирона», состоявший из предписаний тех или иных уголовных наказаний, выступал под названием «Заповеди по преданию святых правил избранная, о казнях, по повелению святых отец и по уставу св. царей»¹. Отношение к «Прохиرونу», нормы которого именовались на Руси «градскими законами», как к неотъемлемой части богословия, сохранялось в русском обществе на протяжении многих веков. Иосиф Волоцкий гневно обличал тех, кто пытался отделить «градские законы» от «апостольских и отеческих писаний»².

В Западной Европе христианская теология также сливалась в определенной степени с юридическими доктринами. Начальная история христианства была, как известно, связана с историей Римской империи. «Будучи включенной в римское общество, церковь не могла игнорировать право»³. Поэтому в ее рамках действовал принцип «духовенство живет по римским законам». Христианские идеологи, разрабатывавшие церковные доктрины, имели явную склонность к юридизации основных теологических постулатов. Так, еще Тертуллиан «облекал религиозные идеи в юридические формы и формировал в свое время (на рубеже II–III вв.) эмбриональную христианскую доктрину посредством римского права»⁴. Данная закономерность наблюдалась и после распада западной части Римской империи на отдельные государственные образования и фактического обособления западно-римского клира, подчиненного римскому епископу (папе), в самостоятельную церковь. По словам английского правоведа Г. С. Мэна, «лишь только западные провинции, вый-

¹ См. об этом: *Бенеманский М.* Закон градский. Значение его в русском праве. М., 1917. С. 111.

² *Иосиф Волоцкий.* Просветитель. Казань, 1855. С. 537–538.

³ *Gaudemet J.* La formation du droit seculier et du droit de l'église aux IV et V siecle. Sirey, 1979. P. 217.

⁴ *Haskins Ch.* The Rise of the Universities. New York, 1923. P. 33.

дя из-под греческого влияния, вздумали создать свою собственную теологию, то эта теология оказалась пропитанной формальными юридическими идеями и построенной на юридической фразеологии. Не подлежит сомнению, что эта юридическая подкладка легла глубоко в основу западной теологии»¹. Древнеримское правовое наследие сыграло немаловажную роль и в становлении канонической юриспруденции в Западной Европе². Историк права Э. Гензмер писал в связи с этим, что в Западной Европе «первую рецепцию римского права осуществило, не исключительно, но главным образом, духовенство»³.

С XII века изучение и усвоение древнеримского правового наследия совершалось в западноевропейских странах преимущественно в рамках юридических факультетов университетов, то есть в светской, а не церковной сфере, и под покровительством светских, а не церковных властей. С этого времени римское право стало противопоставляться как гражданское право (*jus civile*) праву каноническому⁴. Руководство римско-католической церкви начало предпринимать попытки запретить преподавание римского права в университетах.

На Руси византийское, а значит, и древнеримское правовое наследие не разделялось на светскую и церковную традиции, но воспринималось в качестве единой духовной традиции. Данное обстоятельство служит указанием на то, что византийскому правовому наследию отводилось в древнерусском обществе более идеологическое значение, нежели роль регулятора общественных отношений. Попытка великого князя Владимира применить норму византийского права о смертной казни в отношении разбойников на практике, на чем настаивали присланные из Византии епископы, окончилась, как отмечалось выше, неудачей. Летописец, рассказавший об этой

¹ Мэн Г. С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям / Пер. с англ. СПб., 1873. С. 283.

² О том, что материал римского права стал «существенным фактором развития канонической юриспруденции XII и XIII столетий», писал, в частности, С. Куттнер (*Kuttner S. Methodological problems concerning the history of canon law // Speculum: A journal of medieval studies. 1955. Vol. 30. № 4. P. 543*).

³ Genzmer E. Il diritto romano come fattore della civiltà Europa // *Conferenze romanistiche. Milano, 1960. P. 157*.

⁴ Об этом свидетельствует множество фактов. Один из них — трактат пизанского судьи и преподавателя Пизанского университета Сассофerratто Бартола (1313 или 1314–1357) под названием «О различиях между каноническим правом и гражданским». См.: Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. II: Европа V–XVII вв. М., 1999. С. 320–331.

истории, случившейся в 996 году, заметил в конце своего рассказа: «И жива Володимерь по оустроению штьню и дѣдню»¹, то есть стал Владимир жить по заветам своего отца и деда. Русский закон оказался сильнее византийского. Не случайно, текст Русской Правды стал включаться впоследствии в церковные сборники — в «Кормчую книгу» и «Мерило Праведное».

Ссылки на Номоканон, встречающиеся в некоторых древнерусских правовых памятниках, выражали иногда указание на применение византийских юридических установлений в практике регулирования общественных отношений, но чаще они воплощали стремление русских князей показать, что принятые ими правовые нормы соответствуют христианской идеологической традиции. Так, ссылка на «грецкый номоканон», содержащаяся в четвертой статье «Устава Святого князя Володимира, крестившаго Русьскую землю, о церковных судей», свидетельствует о востребованности на Руси византийского правила, по которому князь, его бояры и судьи не должны вмешиваться в юрисдикцию церковного суда². Но при этом третья статья данного Устава вводит десятину в пользу церкви, не имеющую аналогов в церковном законодательстве Византии.

Юридические тексты, созданные на Руси, и отражавшие традиционное русское право, как то: договоры, княжеские уставы и грамоты, Русская Правда и др. — излагались, в отличие от византийских по своему происхождению текстов, на русском языке. *Таким образом, правовое наследие Византии отделялось от традиционной русской правовой культуры языковым барьером.*

Восприятие древнеримского правового наследия в Западной Европе сопровождалось, как известно, его переработкой. Она осуществлялась в рамках западноевропейских университетов на протяжении шести веков когортами правоведов, принадлежавших к различным научным школам — глоссаторов, комментаторов, гуманистов, последовательно сменявших одна другую по мере выполнения тех задач, которые они перед собой ставили.

Подобного широкомасштабного изучения и трансформации византийско-древнеримского юридического наследия не было на Руси. И в этом заключалась еще одна особенность процесса развития древнерусской юриспруденции по сравнению с современной ей

¹ ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 127.

² Российское законодательство X–XX веков. Том 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 148.

юриспруденцией западноевропейских стран. На мой взгляд, объясняется данная особенность двумя главными обстоятельствами. *Во-первых*, византийско-древнеримское правовое наследие не имело на Руси такого большого значения, какое было придано ему в Западной Европе. А *во-вторых*, переработка этого наследия и приспособление его к реалиям древнерусского общества совершались в процессе перевода византийских юридических текстов на церковно-славянский язык. Факты показывают, что серьезной переработке подвергались на Руси произведения византийской религиозной литературы, но еще более существенные изменения вносились в тексты светских произведений — особенно в те, которые содержали юридические нормы. По словам академика Д. С. Лихачева, «отношение русских переводчиков и читателей к переводной литературе было далеко не пассивным. Эти переводы граничили с творческими переработками, а самый выбор переводимых произведений диктовался потребностями русской действительности»¹.

Пройдя через руки древнерусских переводчиков, византийские юридические тексты переставали быть византийскими по своему смыслу. Они даже получали новые названия, которые совсем не соответствовали оригинальным. Тексты их сокращались, наполнялись чуждыми им вставками, приобретали новое значение, часто противоречившее значению оригинала. Все это делалось для того, чтобы приспособить содержание созданных в Византии произведений к сознанию русского общества. Древнерусские переводчики фактически брали на себя функции правоведов.

Восприятие византийско-древнеримского правового наследия в Западной Европе сопровождалось приданием ему особого авторитета. Римское право трактовалось при этом западноевропейскими правоведами как «*ratio scripta* (писанный разум)». На Руси византийско-древнеримское правовое наследие не обладало в общественном сознании таким авторитетом, как в Западной Европе. Данное обстоятельство во многом развязывало руки древнерусским переводчикам при переработке византийских юридических текстов.

Перевод правового текста в любом случае — даже и тогда, когда переводчик ставит перед собой целью максимально точно воспроизвести содержание оригинала — предполагает определенное изменение его первоначального смысла. Юридические термины, возника-

¹ Лихачев Д. С. Переводная литература в развитии литературы домонгольской Руси // Библиотека литературы Древней Руси. Том 2: XI–XII века. СПб., 1999. С. 11.

ющие в рамках правовой культуры того или иного конкретного государства, всегда отличаются некоторой спецификой, вследствие чего их значение не может быть в полной мере выражено в терминах, присущих правовой культуре другого государства. Если же перевод правового текста осуществляется с целью приспособления содержания переводимого текста, отражающего правовое сознание одного общества, к правовому сознанию другого общества, то он неизбежно выливается в переработку данного текста.

Перелагая византийские юридические тексты с греческого на церковно-славянский язык, русские переводчики часто не находили в своем родном языке юридического термина, адекватно передававшего смысл того или иного переводившегося ими иностранного термина. В подобных случаях переводчики обыкновенно выбирали в родном языке наиболее близкое по значению к данному термину слово, которое в результате этого приобретало новый смысловой оттенок. Переводы византийских юридических текстов на церковно-славянский язык способствовали, таким образом, развитию выраженной на этом языке русской юридической терминологии.

Так, слово «закон» первоначально применялось на Руси для обозначения обычаев, существовавших не только в письменной, но и в устной форме. Впоследствии же данный термин стал применяться для названия лишь писаных правовых установлений. По мнению историка права В. И. Сергеевича, в таком изменении смысла термина «закон» большую роль сыграли именно переводчики. «Когда же и как слово *закон* разошлось в смысле со словом *обычай*? — вопрошал он и отвечал: — Это случилось, когда на Руси начало распространяться византийское право. Переводчики греческих книг встречали слово „*nomos*“ в смысле императорских постановлений. Передать это слово на русский язык „*обычаем*“ было неудобно, так как греческое право вносит новые начала, к которым у нас не было привычки; слово *закон* этого неудобства не представляло, им и стали переводить „*nomos*“. Извлечение из постановлений императора Юстиниана носит в кормчих книгах наименование: „Юстиниана царя закон“»¹.

Для выявления характера переработки, которой подвергались на Руси в процессе перевода на церковно-славянский язык византийские правовые сборники, необходимо сравнить переводные варианты их текстов с теми греческими текстами, с которых делался ука-

¹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Четвертое издание. Дополнено и поправлено. СПб., 1910. С. 20.

занный перевод. Наибольший интерес в данном случае представляет собой сравнительный анализ церковно-славянского варианта текста Эклоги, созданного на Руси приблизительно в X–XI веках, с одной стороны, и его греческого оригинала — с другой.

Как известно, перевод Эклоги на церковно-славянский язык осуществлялся не с официального текста этого правового памятника, появившегося в Византии в первой половине VIII века, а с его варианта, составленного в частном порядке спустя приблизительно столетие — в первой половине IX века. В распоряжении историков имеется в настоящее время два варианта частной Эклоги: первый именуют просто *Частной Эклогой* (*Ecloga privata*)¹, второй — *Частной распространенной Эклогой* (*Ecloga privata aucta*)². Какой из них был взят русскими переводчиками за основу, вряд ли возможно установить с точностью. Различия между этими вариантами Эклоги не слишком большие. Некоторые исследователи полагают, что Частная распространенная Эклога была составлена на основе Частной Эклоги. Но вполне возможно, что оба варианта частной Эклоги основывались на каком-то составленном ранее их первоначальном варианте частной Эклоги, не обнаруженном пока в архивах.

Попытки сравнить славянский текст Эклоги с его греческим оригиналом предпринимались многими историками, изучавшими судьбу византийского юридического наследия в славянских странах. В России такую попытку осуществил русский византиевист В. Г. Василевский³, в Чехословакии — историк Ф. Сатурник⁴, в Болгарии — исследователи М. Андреев⁵ и В. Ганев⁶. Однако результаты их сравнительного анализа правовых памятников византийского и славянского права обесцениваются в значительной мере тем, что в качестве

¹ Первая публикация текста Частной Эклоги, названного его исследователями Эклогодием, была осуществлена в 1977 году историком Ф. Гориа. См.: *Goria F. Sulla data e l'origine dell'Ecloga private aucta* // *Studi Parmesi*, 1977. Vol. XX.

² Первую публикацию текста Частной распространенной Эклоги осуществил в 1865 году немецкий историк К. Э. Цахариэ фон Лингенталь. См.: *Ius graeco-romanum*. Vol. I–VII / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Vol. IV. Lipsiae, 1865. В 1962 году данный текст был переиздан без каких-либо изменений П. Зепосом. См.: *Ius graeco-romanum*. Vol. I–VIII / Ed. J. Zepos et P. Zepos. Vol. VI. Aalen, 1962.

³ См.: Труды В. Г. Василевского. Том IV. Л., 1930. С. 185.

⁴ См.: *Saturnik Th. Pžispěvky k šírení byzantského práva u slovanu*. Praha, 1922.

⁵ См.: *Андреев М.* Римское право и славянската Еклога // *Годишник на Софийския Университет. Юрид. фак.* Том 1. София, 1959.

⁶ См.: *Ганев В.* Закон Соудный людьмъ. Правно-исторически и правно-аналитични проучвания. София, 1959.

текста славянской Эклоги они брали не ранние его варианты, но такие, создание которых относится к XVI и даже к XVII векам. К примеру, В. Г. Василевский брал для сравнения с греческой Эклогой сокращенный церковно-славянский текст этого правового памятника, содержащийся в печатной Кормчей книге 1649 года¹. Между тем известно, что в процессе печатания данный текст, как и в целом Кормчая книга, подвергся правке², которая придала ему немало отличий от первоначального текста, созданного русскими переводчиками.

Определенные исправления вносились в церковно-славянскую Эклогу и в предшествующие эпохи. Поэтому и в случае, когда для сравнения с греческой Эклогой берется более ранний ее текст, результаты сравнительного анализа нельзя считать несомненными.

Так, историк Л. В. Милов использовал для такого анализа текст церковно-славянской Эклоги, который вошел под названием «Леона и Константина верная цесаря» в состав сборника «Мерило Праведное», известного по рукописи XIV века³. По его мнению, древнерусский текст Эклоги отличается от греческого текста Частной Эклоги (*Ecloga privata*), главным образом, порядком расположения материала внутри отдельных титулов (в особенности, семнадцатого), более подробными заголовками титулов, отсутствием ряда статей⁴. Л. В. Милов предполагает, что данные изменения были внесены в содержание Эклоги древнерусскими переводчиками. И для этого предположения есть некоторые основания. Однако в данном случае вполне можно выдвинуть и другие гипотезы. Изменения в порядок расположения материала в рамках отдельных титулов Эклоги могли быть внесены не в процессе перевода ее текста с греческого на церковно-славянский язык, а позднее — например, составителями «Мерила Праведного». Они же могли снабдить отдельные титулы более подробными заголовками по сравнению с теми, которые име-

¹ Это принятое в исторической литературе наименование. На самом деле печатание указанной Кормчей книги только началось в 1649 году, закончилось же оно на следующий год — в 1650-м.

² Протоиерей Владислав Цыпин пишет об этой правке следующее: «Патриарх Никон подверг только что изданную „Кормчую“ ревизии. Им было исправлено 50 страниц книги; в свою очередь, в новую Никоновскую редакцию были внесены существенные дополнения» (Цыпин В. «Кормчая книга» в русском церковном праве // Древнее право. 1997. № 1(2). С. 88).

³ См.: Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961.

⁴ См.: Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. 1996. № 1. С. 205–207.

лись в греческом тексте Эклоги. И вместе с тем изъять из церковно-славянского текста Эклоги ряд статей.

Установление подлинного характера переработки оригинального текста Эклоги древнерусскими переводчиками представляется особенно сложным еще и потому, что неизвестно, какой из греческих вариантов этого правового памятника был взят ими за основу для переложения на церковно-славянский язык. Вполне возможно, что переводчики использовали текст Эклоги в такой редакции, которая не сохранилась. И эта редакция Эклоги могла отличаться от других известных современным историкам редакций именно расположением материала, более подробными заголовками титулов и отсутствием ряда статей — то есть всеми теми чертами, которые считаются в исторической литературе отличительными признаками церковно-славянского текста Эклоги.

Иначе говоря, существует вероятность, что изменения в тексте Эклоги, которые историки приписывают древнерусским переводчикам, были сделаны на самом деле еще византийскими правоведами, а переводчики всего лишь переняли их. Сопоставление текста Частной распространенной Эклоги с официальным текстом данного правового памятника показывает, что существенные изменения в его структуру и содержание могли вноситься и в самой Византии. В процессе частной обработки официального текста Эклоги, в результате которой возникла так называемая *Ecloga privata aucta*, изменялся порядок расположения материала, исключались некоторые статьи, включались дополнительные статьи.

Описывая переработку текста Эклоги древнерусскими переводчиками, историк Л. В. Милов отмечает, что наиболее резкой трансформации был подвергнут ими титул XVII. По его словам, в этом титуле «древнерусский юрист довольно неожиданно произвел кардинальную структурную перестройку порядка расположения практически всех 52 статей»¹. Любопытно, что и в Византии титул XVII Эклоги подвергался в процессе частной обработки ее официального текста довольно значительным изменениям. Византийские правоведы меняли в нем порядок изложения статей, некоторые из статей вообще изымали, добавляли новые статьи².

Если древнерусские переводчики действительно вносили в текст Эклоги при его переводе на церковно-славянский язык отмеченные

¹ Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правды Ярослава). С. 206.

² См.: Литвищ Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981. С. 38–41.

структурные изменения, то они использовали при этом те же самые приемы, которые ранее применяли в процессе частной обработки официального варианта Эклоги византийские правоведы.

Переложение греческой Эклоги на церковно-славянский язык и включение ее в поле русской духовной культуры сопровождалось определенными изменениями не только в структуре данного правового памятника, но и в его содержании. Если в части структуры текста Эклоги работу древнерусских переводчиков не всегда можно отделить от усилий позднейших составителей юридических сборников, с одной стороны, и от трудов византийских правоведов, с другой, то в сфере содержания указанного текста воздействие на него переводчиков является почти несомненным.

В статье 10 титула XVII греческого варианта Эклоги предусматривалось наказание отсечением руки тому, кто украдет в армейском лагере или в походе «ἀλόγων» (то есть — бессловесное животное: коня, осла или мула). При переводе на церковно-славянский язык греческое слово «ἀλόγων» было сужено в своем значении и передано как «коня».

Другой пример: имевший хождение на Руси церковно-славянский текст Эклоги не включал в себя статью 50 титула XVII. Историк Л. В. Милов предположил, что данный пропуск является результатом случайного недосмотра или излишней спешки переводчиков. По его словам, «не исключено, что при спешной работе древнерусских кодификаторов... ее действительно забыли вставить в эту серию (статей о наказаниях за преступления. — В. Т.), может быть, в силу чистой случайности»¹. Однако содержание статьи 50 заставляет склониться более к мысли о сознательном ее изъятии из текста русской Эклоги. В данной статье говорится о том, что разбойничающий, и устраивающий засады, и убивающий подлежит распятию на вилах (фурке). Такой род жестокой казни, заменивший в Византии древнеримское распятие на кресте, был совершенно чужд русскому правосознанию. Поэтому переводчики греческого текста Эклоги на церковно-славянский язык опустили статью, предусматривавшую его.

Титул XVIII Эклоги посвящен дележу военной добычи. В греческом тексте декларировалось правило, согласно которому в случае победы в государственную казну отходила шестая часть добычи, остальные пять частей ее делились поровну между воинами. Право

¹ *Милов Л. В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава). С. 208.

на дополнительные доли добычи давалось при этом только особо отличившимся военачальникам. В тексте Эклоги, переведенном на церковно-славянский язык, устанавливалось, что шестая часть военной добычи должна принадлежать не казне, а князю. Право же на дополнительные доли предоставлялось не только военачальникам, но и простым воинам, проявившим на поле битвы храбрость и совершившим подвиги.

§ 4. Первоначальные попытки систематизации правового материала. Древнерусские юридические сборники

В условиях средневековой Западной Европы переработка древнеримского и византийского юридического наследия сопровождалась определенной систематизацией изучаемых правовых текстов. Уже во второй половине XII века среди западноевропейских правоведов были в ходу сборники, называвшиеся ими «*corpus juris*» или «*corpus juris civilis*». Так, книжный каталог, составленный в Англии в 1177 году, упоминает в перечне рукописных книг «*totum corpus juris in duobus voluminibus* (весь корпус юрис в двух томах)». О своде права упоминал в своем комментарии к Кодексу Юстиниана болоньский глоссатор Ацо (1150–1230)¹. Фраза «*totum corpus juris civ. quod corpus est unus codex* (весь свод гражданского права, который является единым кодексом)» приводится в одном из документов, датированном 1262-м годом. Правовой сборник, называемый словосочетанием «*corpus juris civilis*», упоминается и в западноевропейских каталогах книгопродавцев XIII–XIV веков².

Факты свидетельствуют, что *corpus juris civilis* делился в XII–XIII веках на разное количество томов. В частности, существовали и однотомные и двухтомные своды. Однако самым распространенным среди глоссаторов, преподававших римское право в университетах, было деление *corpus juris civilis* на пять томов. В данном де-

¹ Дословно Ацо писал следующее: «*Nec intellige de legibus quao sunt in corpore juris*».

² Между тем в нашей историко-правовой литературе распространенным является мнение о том, что название «*Corpus Juris Civilis*» возникло только во второй половине XVI века. «По аналогии со Сводом канонического права — *Corpus Juris Canonici* — Свод римского права, состоявший из подлинных текстов кодификации Юстиниана, в конце XVI века стали называть *Corpus Juris Civilis*» — такое представление о появлении указанного названия выражает Д. В. Дождев в своей книге «Римское частное право» (М.: Инфра-М — Норма, 1996. С. 4–5).

лении первые три тома охватывали Дигесты Юстиниана, четвертый том включал в себя первые девять книг Кодекса Юстиниана, в пятый же, который был по размеру меньше каждого из предыдущих и потому именовался «*volumen parvum* (малый том)», входили: 1) Институции Юстиниана, 2) Аутентики в девяти сборниках¹, 3) Сборник конституций императоров Фридриха I, Фридриха II и Конрада, 4) троекнижие, то есть 10, 11 и 12 книги Кодекса Юстиниана.

Во второй половине XVI века словосочетанием «*Corpus Juris Civilis*» западноевропейские правоведы стали обозначать сборник, состоящий из Институций, Дигест, Кодекса и Новелл Юстиниана.

В условиях Древней Руси переработка византийского юридического наследия так же, как и в Западной Европе, сопровождалась определенной систематизацией воспринятых правовых текстов. Однако юридические сборники, создававшиеся в XI–XIII веках в русском обществе, отличались по своему составу и характеру от современных им западноевропейских «сводов гражданского права».

Corpus juris civilis состоял почти целиком из текстов, созданных в Древнем Риме и систематизированных в Византии. Исключение составляли императорские конституции, включавшиеся в «малый том» свода, составленного глоссаторами. Юридические сборники, создававшиеся на Руси, также включали в себя тексты правовых памятников Византии. Однако данные тексты занимали здесь небольшое по объему место. Чаще всего в древнерусские юридические сборники входили сокращенные варианты византийских правовых произведений. Основной же объем этих сборников занимали правовые нормы, выработанные и систематизированные в русском обществе.

Corpus juris civilis создавался прежде всего с учебной целью. Он должен был способствовать развитию юридического образования. Порядок расположения правового материала в данном своде соответствовал порядку обучения юриспруденции в западноевропейских университетах. На Руси юридические сборники — обширные своды правовых текстов — создавались более с практической целью.

Самые ранние юридические сборники появились в древнерусском обществе, вероятно, еще в XI–XIII веках. Однако ни один из таких правовых памятников не сохранился в первоначальном виде. С. В. Юшков, поднимавший в свое время тему древнерусских юри-

¹ Аутентиками именовалось собрание фрагментов Новелл Юстиниана, включенных глоссатором Ирнерием в Кодекс.

дических сборников, был убежден в том, что в XIII веке они «существовали в большом количестве»¹. По его словам, «в них нуждались и князья, и древнерусские судьи, и духовенство, и, наконец, отдельные вотчинники, осуществлявшие право суда над поселенцами в своих вотчинах по иммунитетным, или несудимым, грамотам»².

О составе древнерусских юридических сборников XIII века С. В. Юшков судил на основании содержания сборников позднейшего времени, в которых сохранились следы их существования. По его словам, отсюда «можно заметить, что состав их был весьма разнообразен; иногда они были чисто юридического содержания, иногда смешанного, в которых юридические памятники перемежались или с житиями святых, или поучениями отцов церкви»³.

В работе, посвященной истории древнерусских юридических сборников, Юшков подробно описал состав таких произведений этого рода, как 1) Сборник княжеских уставов, 2) Сборник, состоящий из русских статей.

Основное содержание Сборника княжеских уставов составляли:

1. Предисловие к этому сборнику, известное в исторической науке под названием «Правило законно о церковных людех» или «Установленное законение».

2. Правило 165-ти святых отцов Пятого Вселенского собора «о обидающих церкви Божия и священныя власти их», запрещавшее всем, в том числе и «венец носящим» восхищать церковные суды, творить насилие над священным чином, отнимать церковное и монастырское имущество.

3. Устав Святого Владимира в краткой и обширной редакциях.

4. Устав Ярослава в краткой и обширной восточно-русских редакциях.

Сборник, состоящий из русских статей, сохранился, так же как и Сборник княжеских уставов, в нескольких редакциях. Состав каждой из них, соответствуя в целом общему образцу, допускал все же некоторые отступления от него.

Сборник из русских статей редакции, относившейся к XV веку, состоял из следующих установлений:

1. Судебник правоверного великого самодержца царя Константина («Греческого закона судебник людем»).

¹ Юшков С. В. К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.) // Серафим Владимирович Юшков. М., 1989. С. 29.

² Там же.

³ Там же.

2. Устав великого князя Владимира, крестившего Русскую землю, о церковных судах.

3. Правило 165-ти святых отцов Пятого Вселенского собора «о обидающих церкви Божия и священные власти их».

4. «Правило о церковных людех и о десятинах и о судех епископских и о мерилех городских».

5. «Устав великого князя Ярослава Володимировича о судех». Правда Русская.

Как видим, древнерусские юридические сборники соединяли в своем составе тексты византийского и русского права, духовные и светские произведения. Причем все они излагались на русском языке.

Традиция собирать отдельные правовые установления в сборники общего характера способствовала совершенствованию систематики и других приемов юридической техники, а значит, и развитию русской юриспруденции в целом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Русская Правда как памятник древнерусской юриспруденции

§ 1. Происхождение Русской Правды, ее общая характеристика

Древнерусский юридический сборник, известный под названием «Русская Правда», без сомнения, является самой главной загадкой в истории русской правовой культуры. Загадочно его появление на свет: ни летописи, ни другие дошедшие до нас документальные материалы не дают сколько-нибудь убедительного ответа на вопросы, когда был создан этот правовой памятник. Загадочно его предназначение и происхождение, неизвестны его составители, неясны обстоятельства, при которых был составлен его первоначальный вариант. Пытаясь найти ответы на эти вопросы, исследователи выдвигали самые разные версии, но они не приближали к истине, а лишь запутывали клубок тайн¹.

¹ Н. В. Калачов высказывал мнение, что «Русская Правда в той форме, какую она имеет в известных нам списках, есть очевидно сборник, составленный частными лицами и в разное время таким же образом дополненный, под влиянием различных условий. Несмотря, однако, на такое значение Русской Правды, косвенным образом она нередко была признаваема официально источником права, именно включением ее в том или другом виде в Кормчие и некоторые сборники, писанные по повелению великих и удельных князей или высших духовных лиц и признаваемые ими за руководство в делах судебных» (Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846. С. 45). Этой точки зрения придерживались также Г. А. Розенкампф, Ф. Л. Морошкин, Н. Л. Дювернуа, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Сергеевич и др. Н. И. Ланге считал утверждение о том, что Русская Правда являлась не официальным документом, а всего лишь частным юридическим сборником, совершенно неосновательным. По его мнению, она представляла в различных ее списках «копии с подлинных уставов уголовного и гражданского права нескольких князей, именно: Ярослава, Изяслава с братьями и Мономаха» (Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860. С. 4). Мнение об официальном происхождении Русской Правды высказывали В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, И. Ф. Г. Эверс, А. М. Ф. Рейц, П. Н. Мрочек-Дроздовский, Ф. И. Леонтович и др.

Празднование в 2016 году тысячелетнего юбилея Русской Правды подразумевает, что этот юридический сборник был составлен, если не во всем своем объеме, то хотя бы в своей начальной части, в 1016 году.

В действительности датировка времени появления Русской Правды названным годом — это не исторический факт, а всего лишь мнение, причем весьма шаткое в своем основании.

Если оценить указанную дату с точки зрения, во-первых, событий, происходивших тогда на Руси, во-вторых, содержания того текста Русской Правды, составление которого относится к данному времени, и, в-третьих, просто здравого смысла, то можно прийти к парадоксальному выводу: предположение о появлении этого документа в 1016 году является самым сомнительным из всех возможных вариантов. Можно даже сказать — совершенно неправдоподобным.

* * *

Название «Русская Правда» было дано рассматриваемому юридическому сборнику его составителями или теми, кто переписывал его текст. В сохранившихся старинных списках он представляется как «Правда Роськая» или «Правда Рускаа»¹ (в других вариантах: «Правда Роуьская»², «Правда Русьская»³, «Правда Роуская»⁴, «Правда Руская»⁵).

В учебной исторической и историко-правовой литературе данный правовой памятник представляется в виде самостоятельного юридического сборника. Между тем все дошедшие до нас списки «Русской Правды» являются частью каких-либо произведений — летописей, Кормчих книг, Мерил праведных⁶ или просто сводов юридических материалов.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 176.

² Соуд Ярославль Володимирица. Правда Роуьская // Русские достопамятности, издаваемые императорским Обществом истории и древностей российских, учрежденным при императорском Московском университете. Ч. 1. М., 1815. С. 28.

³ Софийский временник, или Руская летопись с 862 по 1534 год / Издал Павел Строев. Ч. 1. С 862 по 1425 год. М., 1820. С. 111.

⁴ Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций / Издал Н. Калачов. М., 1846. С. 21.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Древнейший из сохранившихся сборников под названием Мерил Праведного датируется XIV столетием. Он имеет следующее оглавление, приведенное на лицевой стороне 2-го листа: «Сия книга Мерило Праведное, извес истинный,

Первооткрыватель начального текста Русской Правды выдающийся русский государственный деятель, историк и мыслитель Василий Никитич Татищев (1686–1750) обнаружил его в 1737 году в одном из списков Новгородского летописца XV века (Новгородской первой летописи младшего извода), повествовавшем о том, что происходило на Руси с 946 по 1441 год. Данный текст приводился при описании событий, случившихся «в лето 6524» или в 1016 году, если перевести тогдашнее летоисчисление на современный стиль. Летописец рассказывал о том, как новгородский князь Ярослав Владимирович, получив от своей сестры Переславы из Киева известие о смерти отца и убийстве братьев Бориса и Глеба старшим братом Святополком, захватившим обманом великокняжеский престол, обратился к новгородцам за помощью. Новгород дал Ярославу 3000 воинов в дополнение к тысячной дружине варягов, имевшейся в его распоряжении. С этим войском, общей численностью в 4000 человек¹, Ярослав двинулся к Киеву освобождать престол от братоубийцы Святополка. Решающая битва состоялась ближе к зиме, после трехмесячного стояния войск Святополка и Ярослава по обеим сторонам Днепра. Разгромив войско своего окаянного брата, Ярослав пошел в Киев и воссел на престол своего отца. А воинов-новгородцев решил отпустить домой, вознаградив их деньгами и, как указано в летописи, «дав им правду, и устав списав, сказав им так: по се грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите»².

После этих слов в Новгородской летописи было сказано: «**А се есть правда рускаа**» и далее излагался ее текст: «Убить мужь мужа, то мстьтъ брату брата, любо сынови отца, а любо отцю сына, любо

свет — уму, око — слову, зеркало — совести, тьме — светилу, слепоте — вожь, припутен ум (т.е. путеводный ум. — В. Т.), скровен разум, прикрут помысл, пастьрь — стаду, кораблю — кормьник, волком — ловец, татем — пес, воронам — сокол, нетопырем — солнце, оку — квас, червем — соль» (Мерило праведное. Троице-Сергиевой лавры Главная библиотека. Рукопись № 15. Л. 2).

¹ Историк С. М. Соловьев указывает в своем описании военного похода Ярослава на Святополка, что новгородскому князю удалось собрать тысячу или шесть тысяч варягов и 40 000 воинов-новгородцев (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 210). Сведения о том, что Ярослав собрал тысячу варягов и 40 000 прочих воинов, приводятся в Лаврентьевской летописи (Полное собрание русских летописей. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926. Стлб. 141). Но эти сведения нереальны: ближе к действительности выглядит количество собранных князем Ярославом воинов, сообщаемое в Новгородской первой летописи младшего извода.

² Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 175.

братучада, любо сестриню сынови; аще не будет кто мстя, то 40 гривенъ за голову; аще ли будет Русинъ, или гридѣнь, любо купцѣ, или ябетникъ, или мечьникъ, аще ли изъгой будет, любо Словенинъ, то 40 гривенъ положить за нь. Или будет кровавъ или синь надражень, то не искати ему видока челоуѣку тому; аще не будет на немъ знамения никоего же, аще ли приведет видокъ, а онъ не можетъ, ино ту тому конецъ; аще ли себе не можетъ мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривнѣ, а личью мзда. Аще ли кто кого ударить батогом, или жердью, или пястью, или чашею, или рогом или тылеснию, то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту тому конец. Аще утнеть мечемъ, а не вынезь его, любо рукоять, то 12 грѣвнѣ за обиду. Аще ли утнеть руку, и отпадетъ рука любо усъхнет, то 40 гривенъ. Аще ли будет нога цѣла, а начнетъ хромати, тогда чадь смирать. Аще ли прѣсть утнеть кои любо, 3 гривны за обиду. А въ усѣ 12 гривнѣ, а въ бородѣ 12 грѣвнѣ. Аще кто вынемъ мечъ, а не тнеть, то гривну положит...»¹ и т.д.

Приблизительно в середине приведенного в Новгородской летописи текста Русской Правды провозглашалось: «**Правда уставлена Рускою земли**, егда ся совокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микифор, Кыянин, Чюдин Микула»² (выделено мною. — В. Т.). И после этих слов опять шло изложение правовых норм, но это были уже нормы, установленные не Ярославом, а его сыновьями.

В своей рукописи Русской Правды В. Н. Татищев обозначил первоначальную часть этого правового памятника как «Право и закон, данный Новгороду от великого князя Ярослава Владимировича в 1017 году»³. В комментарии, приложенном к его последней, семнадцатой, статье, он написал: «Сие есть окончание древнего зако-

¹ Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 176.

² Там же. С. 177. Изяслав, Всеволод и Святослав являлись сыновьями великого князя Ярослава. В своем комментарии к этому перечню имен В. Н. Татищев пояснил: «Коснячко был при Ярославле главный судия. О Перенег Микифоре в истории не упоминается. Чудин в Новгороде был посадник, он внук Добрыни, вую Владимирова (т.е. дяди по матери великого князя Владимира. — В. Т.). См.: Законы древние Руские, для пользы всех любомудрых собранные и неколико истолкованные тайным советником Васильем Татищевым. 1738 года // Продолжение Древней российской вивлиофики. Часть 1, содержащая Правду Русскую и Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича с примечаниями г. тайного советника Василья Никитича Татищева. СПб., 1786. С. 16.

³ Законы древние Руские, для пользы всех любомудрых собранные и неколико истолкованные тайным советником Васильем Татищевым. С. 9.

на, который Ярослав дал новгородцам и видя в оном недостаток, обстоятельства с настоящими несогласны, а особливо, что денги в достоинстве далеко пред прежними умалились; ибо в его время гривна едва не меньше ли полфунта серебра счислялась: того ради следующим дополнил»¹. Название же второй части Русской Правды, составленной сыновьями великого князя Ярослава, Василий Никитич воспроизвел строго по летописи.

Позднее Василий Никитич нашел еще один вариант первоначального текста Русской Правды — в летописи, которую назвал «ростовской»².

Еще в 1738 году В. Н. Татищев подготовил обнаруженный им текст Русской Правды к публикации и даже написал краткие комментарии к статьям этого правового памятника, но издать данный труд до своей кончины в 1750 году не успел.

В 1767 году профессор истории при императорской Петербургской Академии наук Август Людвиг Шлецер (1735–1809) напечатал текст Русской Правды в двух частях, первая из которых была им озаглавлена как «Правда Ярославля», а вторая — как «Правда Изяславля»³. Под каждым из этих названий стоял подзаголовок: «По Новгородскому списку». В критических примечаниях к напечатанному тексту Русской Правды А. Шлецер пояснил: «Новгородский летописец, по которому сделано сие издание, довольно древен и по-видимому написан в 15 веку, между 1425 и 1437 годами: ибо, по приложенным там о великих князьях и митрополитах росписям, последние суть великий князь *Василей Васильевич*, царствовавший с 1425 по 1462 год, и митрополит Герасим, бывший в сем достоинстве с 1415 по 1437 год...»⁴

Первая часть напечатанного Шлецером текста начиналась со слов: [В лето 1016] Ярослав иде к Киевоу, седе на столе отца своего Володимера и нача вои свои делити: старостам по десяти гривен, а смердам по гривне, а новгородцам по 10 гривен всем. И отпусти

¹ Законы древние Руские, для пользы всех любомудрых собранные и неколико истолкованные тайным советником Васильем Татищевым. С. 16.

² См.: *Гейерманс Г. Л.* Татищевские списки Русской Правды // Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.—Л., 1940. С. 166.

³ Правда Руская, данная в одинацатом веке от великих князей Ярослава Владимича и сына его Изяслава Ярославича / Издание Августа Шлецера, профессора истории при императорской Академии наук и члена Королевских академий наук в Геттингене и Стокгольме. СПб., 1767.

⁴ Там же. С. 13.

их всех домов¹. И дав им Правдоу, и Оустав списав, глаголав тако: по сеи Грамоте ходити, якоже писах вам, такоже держите». Далее шло название «Правда Роськая» и краткое (немногим более трех страниц) изложение норм. Текст «Правды Изяславля» был изложен на четырех страницах.

В примечаниях к опубликованному тексту Русской Правды А. Шлецер сообщил, что «оба закона, как Ярославов, так и Изяславов, поставлены в 1016 году; оба следуют непосредственно один после другого, по-видимому, для сходственного их содержания, несмотря, что они, как ясно видеть можно, от разных государей и в разные времена изданы»².

Август Шлецер издал лишь фрагменты известного в то время текста Русской Правды. При этом он почему-то изменил некоторые слова и порядок статей. Ни в предисловии, ни даже в примечаниях к своему изданию этого правового памятника немецкий историк никак не упомянул имя русского ученого, его первооткрывателя.

Обнаруженный и подготовленный к публикации В. Н. Татищевым текст же Русской Правды был опубликован только в 1786 году, в первой части «Продолжения Древней российской вивлиофики», но не по рукописи, им отредактированной, а по сохранившемуся тексту Новгородской первой летописи младшего извода (называемой по-другому «Новгородским летописцем»). В предисловии к этой публикации специально отмечалось, что «в издании сем в рассуждении Правды Руской старание прилагаемо было следовать, сколько возможно, Новгородскому Летописцу, писанному около 15 века, яко древнейшему подлиннику»³.

Самый ранний по времени создания из дошедших до нас списков Русской Правды был найден в тексте Кормчей книги, составленной в Новгороде приблизительно в 1280 году, «стяжанием Новгородского архиепископа Климента». Он получил наименование Синодального и был опубликован в 1815 году, в первой части сбор-

¹ Так в оригинале. — В. Т.

² Правда Руская, данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича / Издание Августа Шлецера, профессора истории при императорской Академии наук и члена Королевских академий наук в Геттингене и Стокгольме. СПб., 1767. С. 13.

³ Продолжение Древней российской вивлиофики. Часть 1, содержащая Правду Русскую и Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича с примечаниями г. тайного советника Василия Никитича Татищева. СПб., 1786. С. IV.

ника «Русские достопамятности»¹. Характеризуя его, крупнейший специалист по истории русского летописания А. А. Шахматов писал 18 декабря 1912 года немецкому профессору Людвигу Гетцу: «Меня поражает в списке 1282 г. почти полное отсутствие церковно-славянизмов. Ясно, что Правда возникла не в духовной сфере... Не служит ли это доказательством весьма ранней записи, когда школы еще не функционировали, когда только еще начиналась письменность»².

Текст Русской Правды был обнаружен также в рукописном, хатейном своде юридических материалов, изготовленном приблизительно в конце XIII века. Материал этого свода был напечатан в 1843 году во второй части «Русских достопамятностей». Его составили следующие правовые памятники:

1) «Суд Ярослава князя. Устав о всячих пошлинах и о уроцах» с предисловием, заимствованным из «Слова Василия о судях и клеветах». Первую часть этого судебника составляла «Правда русская»³, вторую — «Узаконения Константиновы» (Закон судный людем)⁴, третью — «Выписка из книг Моисеевых»⁵.

2) Бессудная Мстисловова грамота, в которой излагался текст заключенного в 1229 году договора Смоленска с Ригию⁶.

3) Устав Ярослава о мостах в Новгороде⁷.

Комментируя состав свода, редактор его текста Д. Дубенский счел необходимым заметить: «Заключая в себе три статьи: *Русскую Правду, мнимые Узаконения Константиновы, извлечение из кн[иг] Моисеевых, или Божью Правду*, под одним общим заглавием: *Судная Ярославова грамота*, и вслед за тем: Договор Мстислава Смоленского с Ригию и Готским берегом под именем — *бессудной грамоты с Уставом Ярослава: о мостовых* — сборник заключает в себе, по-видимому,

¹ Соуд Ярославль Володимирица. Правда Роуськая // Русские достопамятности, издаваемые императорским Обществом истории и древностей российских, учрежденным при императорском Московском университете. Ч. 1. М., 1815. С. 28–58.

² Цит. по: Goetz L. K. Das russische recht. Bd. IV. Stuttgart, 1913. S. 63–64.

³ Русские достопамятности, издаваемые императорским Обществом истории и древностей российских, учрежденным при императорском Московском университете. Ч. 2. М., 1843. С. 10–119.

⁴ Там же. С. 143–200.

⁵ Там же. С. 221–239.

⁶ Там же. С. 245–273.

⁷ Там же. С. 291–293.

полный кодекс законов, объемлющий внутреннее и внешнее судопроизводство и полицию Древней России — до монголов»¹.

Русская Правда была светским юридическим установлением. Тем не менее ее текст чаще всего обнаруживался в Кормчей книге. Н. В. Калачов писал в своей магистерской диссертации, посвященной этому правовому памятнику: «Окончив рассмотрение всех известных мне списков Русской Правды в связи их между собою и каждого из них в отдельности, я сделаю теперь один общий и, мне кажется, не совсем бесполезный вывод, к которому привели меня довольно продолжительные поиски древних и новых рукописей, заключающих в себе вполне или в отрывках статьи этого памятника, и в справедливости которого я еще более убедился из внимательного сравнения означенных списков не только между собою, но и в отношении к тем различным источникам, где они встречаются. Мы видели выше, что летописи, Кормчие и сборники весьма разнообразного содержания (впрочем, большею частию духовного) суть единственные памятники, содержащие в себе Русскую Правду. Из них первые и последние, по-видимому, очень многочисленны; но для нашей цели они представляют, напротив, самый скудный источник. В самом деле, из всех летописей, отысканных в России и нам более или менее известных, только три (рассматривая их вообще по различию разрядов) заключают в себе текст нашего памятника; а в сборниках, кроме тех, которые по своему составу весьма близко подходят к Кормчим, каковы особенно рукописи, известные под названием «Мерила Праведного», списки Русской Правды встречаются так редко, что помещение их в том или другом сборнике должно признать за самое ничтожное исключение»².

Тот факт, что текст рассматриваемого правового памятника редко приводился в Мерилах праведных, еще реже в летописях, но чаще всего включался в Кормчие книги, во многом объясняет, почему он был назван не просто «Правдой», а «Русской Правдой». И в Кормчих книгах, и в Мерилах праведных данный правовой памятник помещался среди избранных текстов христианских произведений, а также наряду с извлечениями и главами из византийской церковной и юридической литературы — таких, как законы Моисея, правила

¹ Русские достопамятности, издаваемые императорским Обществом истории и древностей российских, учрежденным при императорском Московском университете. Ч. 2. С. 142.

² Калачов Н. В. Исследования о Русской Правде. Ч. 1: Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846. С. 72.

вселенских и поместных соборов, святоотеческие правила, законы византийских императоров, Эклога, Закон судный людем (Узаконения Константиновы), Закон градский (перевод Прохирона)¹ и др. В таком составе оказывалось вполне уместным обозначить его как «Русская Правда».

Несамостоятельность текста Русской Правды, его существование в рамках отдельных летописных сводов и каких-либо сборников не дают никакой возможности определить, в каком приблизительно году он появился. Единственным реальным основанием для датировки этого правового памятника остается только само его содержание. Но анализ текста Русской Правды в сопоставлении с другими древнерусскими юридическими текстами позволяет установить более или менее достоверно лишь столетия его написания.

В. Н. Татищев в предъизвещении (предисловии) к открытому им тексту Русской Правды утверждал, что законы, приписываемые великому князю Ярославу, существовали на Руси с давних времен: «Зде представляется во-первых, древний закон, о котором хотя преподобный Нестор, историк русский, сказует, что Ярослав I дал закон новгородцам; поп Новгородский Иоанн, живший во время Ярослава II и сына его Александра I и Невского проименованного, точно в оной своей истории положил; и Авраамий Ростовский, хотя нечто с разностию в летопись свою внес; обаче многия обстоятельства достаточно уверяют, что сей закон за неколико сот лет до Ярослава сочинен»². Какие же аргументы приводил наш историк в обоснование своего утверждения о более древнем происхождении первоначального текста Русской Правды, чем это было принято думать?

Во-первых, это назначенная в договоре великого князя Олега с византийским императором денежная сумма за убийство человека, которую надлежало платить «по закону рускому». В Русской Правде, обнаруженной Татищевым, эта сумма повторяется.

Во-вторых, свидетельство летописца Иоакима о Гостомысле, который «правосудием всюду прославлялся», и о Рюрике, который очень заботился «о суде и расправе и чтоб оное всюду равно справлялось».

¹ См. об этом: Бенеманский М. Закон градский. Значение его в русском праве. М., 1917.

² Законы древние Руские, для пользы всех любомудрых собранные и неколико истолкованные тайным советником Васильем Татищевым. 1738 года // Продолжение Древней российской вивлиофики. Часть 1, содержащая Правду Рускую и Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича с примечаниями г. тайного советника Василья Никитича Татищева. СПб., 1786. С. 1.

В-третьих, в пользу древности Русской Правды, по мнению В. Н. Татищева, свидетельствует то, что «нарекание и обстоятельства, в нем положенные, в историях Иоакима и Нестора неупотребляемы». Это означает, замечал он, что Русская Правда сочинена задолго до Юрияка.

Трудности датировки появления Русской Правды усиливаются в значительной степени от того, что первоначальный ее текст, разбитый еще В. Н. Татищевым на 17 статей, впоследствии неоднократно дополнялся. Спустя некоторое время к нему было добавлено 10 статей, затем еще 3 статьи, потом 11 статей. Указанные статьи вместе с приложенными к ним двумя положениями, излагающими «покон вирный» и урок «мостникам», составляют самую раннюю редакцию Русской Правды, названную исследователями «Краткой Правдой».

Кроме этой редакции существует еще один и значительно более обширный вариант этого правового памятника. Он получил соответственно наименование «Пространной Правды». Его текст был обнаружен в составе «рукописной книги Кормчей старинного выче-годского списка» и напечатан в 1788 году в «Продолжении Древней русской вивлиофики» историком *Василием Васильевичем Крестининым* (1729–1795)¹.

Большинство исследователей Русской Правды исходит из того, что краткий текст правового памятника всегда предшествует более обширному и на этом основании датируют составление Пространной Правды более поздним временем, отстоящим от времени появления Краткой Правды на столетие или два. Однако знатоки древнерусского языка не склонны к таким категоричным выводам и высказывают решительно или осторожно сомнения относительно общепринятой картины развития текста Русской Правды.

Наиболее решительно возражал против трактовки Краткой Правды как более раннего варианта Пространной Правды и соответственно текста Пространной Правды как результата развития текста Краткой Правды выдающийся русский ученый-славист, крупнейший в России знаток древнерусской словесности член императорской Академии наук *Алексей Иванович Соболевский* (1857–1929)².

¹ Суд Ярославль Володимировича, Правда Русская // Продолжение Древней российской вивлиофики. Часть 3. СПб., 1788. С. 16–28. Оустав Володимера князя // Там же. С. 29–45.

² См., например: *Соболевский А. И.* Язык Русской Правды // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Апрель. С. 374–382. В этой статье Соболевский подвергает критическому разбору исследование терминологии Русской Правды известного историка русского права П. Н. Мрочек-Дроздовского, показывая тем

Сравнив между собой содержание двух редакций Русской Правды, он пришел к выводу о том, что не Пространная Правда произошла из Краткой, а напротив — Краткая Правда была всего лишь сокращением Пространной Правды, причем не очень удачным¹.

Подобный вывод сделал из своего исследования текста Краткой Правды и специалист в области древнерусской палеографии член-корреспондент императорской Академии наук *Евфимий Федорович Карский* (1860–1931)². «Он, конечно, может основываться на древнейших записях, сделанных еще при сыновьях Ярослава, но мог явиться и как плод извлечения из кодифицированного после Владимира Мономаха свода в той его части, которая предшествовала уставам этого князя, явившимся уже в Киевской области. Могли оказаться здесь даже и кое-какие дополнения из тех запасов, какие отчасти устно, отчасти письменно хранились в судебной практике, хотя новые статьи появлялись и в позднейших списках. Некоторые намеки в этом роде можно встретить и в предшествовавшей литературе предмета. Подобные извлечения и сокращения в летописях дело обычное: ср. в Начальной летописи рассказ об изобретении азбуки и заложении славянской письменности Константином и Мефодием, основанный на довольно неискusном извлечении из их Паннонских житий. *Не всегда ведь более краткие редакции оказываются древнее более полных*»³ (курсив мой. — В. Т.).

В более осторожной форме высказал свое мнение о соотношении Краткой и Пространной редакций Русской Правды историк-архивист Виктор Павлович Любимов. О том, что это был общепризнанный знаток списков данного правового памятника, лучше всего свидетельствует факт привлечения его Б. Д. Грековым к работе над трехтомным академическим изданием текстов Русской Правды с

самым, что специально и углубленно изучал древнерусскую юридическую терминологию. См. также: *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 3-е изд. М., 1903; *его же.* Славяно-русская палеография. СПб., 1908. Из последних работ об этом ученом можно назвать сборник: А. И. Соболевский и русское историческое языкознание (к 150-летию со дня рождения ученого): Тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 8–11 июня 2007 г.). М.: ИРЯ РАН, 2007.

¹ *Соболевский А. И.* Две редакции Русской Правды // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 17–23.

² *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928; *его же.* Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век. Варшава, 1901. В 1926–1928 гг. под редакцией Е. Ф. Карского вышли в свет три выпуска Лаврентьевской летописи.

³ *Карский Е. Ф.* Русская Правда по древнейшему списку. М., 1930. С. 9.

комментариями. Это самое авторитетное на сегодняшний день издание Русской Правды выйдет в 1940—1947 годах,¹ и больше всего труда вложит в подготовку его первого тома В. П. Любимов (неслучайно его фамилия будет стоять первой в приведенном на титуле книги перечне ученых, подготовивших тексты Русской Правды к печати).

Во вступительной статье к данному тому В. П. Любимов сообщил, что при распределении списков Русской Правды в книге исходил из их деления на два разряда: 1) Краткие списки и 2) Пространные списки. В примечании же к этому сообщению он заметил: «Классификация наша выражает господствующий взгляд о том, что Краткая Правда в своем образовании предшествовала пространной Правде. Но предлагаемая схема классификации предоставляет возможность изучения памятника, если бы исследователь пришел и к заключению о **приоритете пространной Правды**. В этом последнем плане изучения надо только переставить разряды 1 и 2, поставив разряд 2, т.е. пространные списки, на первое место. Мнение некоторых исследователей о приоритете пространной Правды требует специального рассмотрения, какое в рамках настоящего предисловия трудно было бы дать»² (выделено мною. — В. Т.).

Русская Правда изучается уже более 200 лет, однако ключевые проблемы, позволяющие понять ее предназначение и содержание, до сих пор не решены. К таким проблемам в первую очередь относятся вопросы датировки различных ее вариантов. Затрудняет понимание Русской Правды неясность основополагающей юридической терминологии данного сборника и прежде всего присутствующего в его названии термина «правда». Это был удивительный по своей многозначности термин: он мог обозначать справедливость в разных ее смыслах, правоту, право, закон, суд, судебный приговор, правомочие, договор, присягу, клятву, обещание. Как бы то ни было, слово «правда» в названии этого древнерусского правового памятника уже само по себе придавало ему вневременной характер.

В летописном описании появления Русской Правды много сомнительного, придуманного с какой-то целью. Борьба князя Ярослава со своим окаянным братом Святополком длилась не год, а

¹ См.: Правда Русская. Том 1: Тексты / Подготовили к печати: В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс, Г. Е. Кочин / Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940. Правда Русская. Том 2: Комментарии / Сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров и Б. А. Романов / Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1947.

² Любимов В. П. Списки Правды Русской // Правда Русская. Том 1: Тексты. М.—Л., 1940. С. 30 (сноска 2).

больше. И уже по одной этой причине датировка возникновения ее первоначального текста 1016 годом не может считаться достоверной.

Русская Правда появилась на свет как бы сама собой, без какой-либо видимой связи с конкретными историческими событиями. Поэтому ее появление невозможно датировать сколько-нибудь точно.

Ее вызвало к жизни само состояние русского общества того времени. В этом и заключается самый главный смысл и величие юридического сборника, названного «Русской Правдой».

§ 2. Юридическая техника Русской Правды

Состав указанных юридических сборников и текст самого значительного правового памятника Древней Руси — Русской Правды — отражают простейшие приемы обработки правового материала, принципы его систематики или организации, характерные для русской юриспруденции начального этапа ее многовековой истории.

Система современных правовых кодексов — это, как правило, произведение абстрактного или научного юридического мышления¹. Характерной же чертой древних и средневековых правовых памятников был конкретный, казуистический способ выражения юридических норм. Могла ли в таких сборниках существовать какая-либо система?

Анализ содержания старинных юридических сборников позволяет во многих случаях обнаружить наличие в них определенного порядка расположения правового материала. Естественно, что этот порядок базируется на принципах, которые значительно отличаются от логики построения системы современных кодексов. По словам Ф. В. Тарановского, «расположение правового материала в древних записях юридических обычаев и в старинных законодательных сборниках соответствует общему характеру конкретного мышления и образного выражения мыслей в старое время. Оно не исходит из отвлеченной логической системы, построенной на расчленении общих

¹ «Кодификация, — отмечал русский правовед Н. Л. Дювернуа, — может иметь место только тогда, когда наука стоит на всей высоте своего призвания. При этом кодекс не должен задаваться стремлением предусмотреть все возможные сочетания, которые могут раскрыть случайности жизни. Полнота законодательства устанавливается иным, именно: определением руководящих принципов, из которых необходимые выводы в виду юридической практики легко и свободно создает юриспруденция» (*Дювернуа Н. Л. Значение римского права для русских юристов. Ярославль, 1872. С. 11*).

юридических понятий или сложных юридических отношений на их составные элементы, а следует какому-либо конкретному порядку, в котором реальная жизнь и вслед за ней и непривычное к абстракции мышление сочетают правовые явления, хотя бы и разнородные, однако связанные единством будь то субъекта, будь то объекта юридического отношения»¹.

Древнейшим способом упорядочивания правового материала было изложение его по хронологическому принципу, то есть по времени записи правовых норм. Ф. В. Тарановский называл таким способом расположения правового материала порядок «следования во времени юридических явлений, приуроченных к одному субъекту либо к одному объекту»². Как пример такого способа организации содержания правовых памятников он приводил, во-первых, изложение государственного права страны в порядке течения жизни монарха от его вступления на престол до смерти, а во-вторых, расположение норм, касающихся судопроизводства, «в порядке развертывания судебной драмы во времени» или изложение правовых институтов «в порядке их историко-политического развития»³.

Думается, только первый из указанных случаев может служить примером хронологического порядка расположения правового материала. Другие же случаи, приведенные Тарановским в качестве его примеров, показывают на самом деле принципы систематизации, отражающие прежде всего природу того или иного правового явления. Течение времени здесь всего лишь побочный фактор, сопровождающий процесс развертывания или развития данного явления, и не оно выступает основанием для расположения правового материала. Так, систематизация норм о судопроизводстве «в порядке развертывания судебной драмы» отражает прежде всего переход от одной стадии судебного процесса к другой. Данный переход естественно совершается вместе с течением времени, но не течение времени определяет его, а совершение участниками судебного процесса действий, знаменующих окончание одной его стадии и начало другой.

Следы хронологического порядка расположения правового материала можно обнаружить в тексте Краткой редакции Русской Правды, который приводится в Новгородской первой летописи младше-

¹ Тарановский Ф. В. Предмет и задача так называемой внешней истории права // Тарановский Ф. В. История русского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2014. С. 44.

² Там же. С. 45.

³ Там же.

го извода. Он состоит как бы из двух частей — «Правды Русской», данной великим князем Ярославом, и добавления к ней, сделанного позднее Изяславом, Всеволодом, Святославом, Коснячккой, Перегном, Микифором, Кыянином, Чюдином и Микулой¹.

Летописный текст Русской Правды не делится на статьи. Современные же его издания предполагают это деление. В соответствии с ним Ярославова «Правда» охватывает первые восемнадцать статей Краткой редакции Русской Правды. Дополнение же Ярославичей начинается со следующей — девятнадцатой статьи. О том, сколько статей оно составляет, сказать трудно. По мнению историка права В. И. Сергеевича, «указной деятельности этих князей принадлежат не все ее статьи, а не более четырех первых. Пятая статья передает судебное постановление, произнесенное одним из сыновей Ярослава, Изяславом; двадцать четвертая же статья содержит в себе постановление, сделанное еще самим Ярославом»². Известный исследователь Русской Правды М. Н. Тихомиров относил к результатам законодательной деятельности сыновей Ярослава 9–10 статей этого правового сборника — с 19-й по 27-ю или 28-ю³. С этим взглядом на состав «Правды Ярославичей» соглашался и С. В. Юшков. Статьи с 28-й по 31-ю и с 34-й по 40-ю он считал дополнительными статьями к ней⁴. Историк М. Б. Свердлов называет «Правдой Ярославичей» статьи с 19-й по 41-ю Русской Правды Краткой редакции⁵.

Помимо расположения правовых норм по хронологическому принципу, в древнейших юридических сборниках применялся и такой способ упорядочивания правового материала, как группировка норм по предмету регулирования. Так, в тексте Краткой редакции Русской Правды можно выделить группу норм, определяющих штрафы за нанесение увечий посредством меча (статьи с 3-й по 7-ю и 9-я), ряд следующих одна за другой норм, посвященных убийству княжеских слуг, смерда и холопа (статьи с 19 по 27-ю), группу норм о кражах (статьи с 35-й по 40-ю). В Пространной Правде нормы о кражах сгруппированы в статьях с 37-й по 43-ю).

¹ См.: Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950. С. 176–177.

² Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 61.

³ См.: Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М., Л., 1941. С. 63, 66–67.

⁴ Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 303.

⁵ Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 26.

Определенная логика обнаруживается в ряде случаев и в распределении материала внутри каждой из групп норм. Так, нормы об увечьях, изложенные в статьях с 3-й по 5-ю, расположены в порядке от менее опасных ударов к более опасным. Сначала определяется ответственность за удары батоном, жердью, рукой, чашей, рогом и мечом плашмя. Затем за удар мечом, не вынутым из ножен, или его рукоятью. За все эти действия назначается выплата размером в 12 гривен. После этих норм следует указание о плате 40 гривен за такой удар мечом по руке, в результате которого рука отвалится или отсохнет¹.

Изложение правовых норм по хронологическому принципу, а также группировка их по предмету правового регулирования являлись простейшими способами организации правового материала. Они применялись, как правило, при составлении юридических сборников небольшого объема — наподобие таких, как Русская Правда Краткой редакции.

Необходимость создания более обширных юридических сборников, предназначенных для применения в судопроизводстве, вызывала к жизни другие, более сложные, способы упорядочивания правового материала. Пространная Правда, вобравшая в себя ряд статей Краткой Правды и нормы княжеских установлений и судебных решений, появившиеся позднее ее, превосходила ее своим объемом почти в четыре раза. Вследствие этого хронологический принцип расположения норм и их группировка по предмету правового регулирования не обеспечивали необходимой степени упорядочения правового материала данного юридического сборника. Поэтому при составлении Пространной Правды была предпринята попытка уложить ее материал в определенную систему. Отмечая эту особенность Пространной Правды, Н. Л. Дювернуа представлял ее «систематическим сборником», тогда как Русскую Правду Краткой редакции называл сборником «хронологическим»².

О том, что содержание Пространной Правды выстраивалось в соответствии с определенной системой, свидетельствует прежде всего измененный порядок расположения правовых норм, перенесенных

¹ В оригинале эти нормы были изложены в следующем виде: «Аще ли кто кого ударить батоном, или жердью, или пястью, или чашею, или рогом или тылеснию, то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту тому конец. Аще утнеть мечемъ, а не вынезь его, любо рукоять, то 12 грѣвнѣ за обиду. Аще ли утнеть руку, и отпадеть рука любо усьхнет, то 40 гривны» (Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 176).

² См.: Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. М., 1869. С. 81, 84, 88.

в нее из Русской Правды Краткой редакции. Первой из таких статей в Пространной Правде закономерно приводится статья 1-я, но за ней следуют 19-я и 20-я, потом 42-я, далее статьи с 21-й по 27-ю Краткой Правды. Потом статьи 4-я, 9-я, 3-я, 5-я, 7-я, 2-я, с 10-й по 12-ю, 14-я, 31-я и 28-я.

Таким образом, материал Краткой редакции Русской Правды был перенесен в текст Пространной Правды не в виде единого массива норм, а в качестве разрозненной их совокупности. При этом данные нормы встраивались, иногда группами, но чаще по отдельности, в тот порядок расположения правового материала, который был принят в новом сборнике.

Так, в группе статей с 23-й по 28-ю Пространной редакции Русской Правды воспроизводилось содержание статей с 3-й по 7-ю Краткой Правды. При этом хаотичной совокупности норм последней придавался порядок, соответствующий определенной логике.

В Краткой редакции Русской Правды сначала шла речь об ударе «бато́гом, любо жердью, любо пястью, или чашею или рогом, или тылесни́ю». Затем об ударе мечом, не вынутым из ножен, или его рукоятью. Следующая статья предусматривала штраф в 40 гривен за удар по руке, вследствие которого она либо отпадет, либо усохнет. Потом о ноге, которая останется после удара целой или хромой. И наконец, о штрафе за удар по пальцу.

В тексте Пространной Правды аналогичные статьи излагались в иной последовательности. Сначала здесь говорилось об ударе мечом, не вынутым из ножен, или его рукоятью. Затем о случае, когда меч вынимался, но удар им не наносился. Потом шла норма, устанавливавшая штраф за удар «бато́гом, любо чашею, любо рогом, любо тылесни́ю (т.е. мечом плашмя)»¹. И наконец, приводились размеры штрафов за удары по руке в случае, если рука отпадет или усохнет, и по пальцу.

Порядок расположения правового материала, соответствующий определенной логике, нетрудно обнаружить и в других группах норм, составляющих содержание Пространной редакции Русской Правды.

Естественно, что при том уровне развития права и правовой мысли, который был характерен для русского общества XII века, юридический сборник мог иметь лишь весьма примитивную с современной точки зрения систему. Составители Пространной редакции

¹ Слова «жердью» и «пястью», о которых говорилось в первой статье Краткой Правды, не включались в соответствующую статью Пространной Правды. С другой стороны, в статью 31 Пространной Правды были вставлены слова об ударе «жердью», которые отсутствовали в аналогичной ей по содержанию статье 10-й Краткой Правды.

Русской Правды, хотя и владели в отличие от создателей Краткой Правды более сложными приемами обработки и организации правового материала, были не в состоянии разработать систему расположения правовых норм, единую для всего сборника. Поэтому они ограничились систематизацией содержания отдельных групп правовых норм. Данные группы легко выделяются в тексте Пространной Правды. К примеру, статьи с 3-й по 6-ю посвящены убийству, статьи с 37-й по 45-ю содержат предписания относительно кражи (татьбы), статьи со 110-й по 121-ю посвящены холопству. Системное единство последней группы статей выражено предельно отчетливо. Не случайно в исторической литературе эти статьи часто называются «Уставом о холопах».

Начинается группа статей «О холопстве» с описания процедур поступления в холопы. Затем объявляется запрет на обращение в холопство для отработки денежной и хлебной ссуды. После этого говорится о розыске и возвращении господину беглого холопа. Потом следуют нормы об ответственности господина в случаях, когда холоп брал в долг деньги или пускался своим господином в торговлю. Затем приводится правило на случай, если кто-то купит чужого холопа у того, кому он не принадлежит, не ведая об этом. Далее идет речь об ответственности господина в случае, когда беглый холоп возьмет у кого-либо товар для торговли. В последних двух статьях «Устава о холопах» говорилось об ответственности господина в случаях, когда его холоп, пускаясь в бега, уносил с собой чужой товар или крал кого-либо.

Включение в Пространную Правду материала Краткой редакции Русской Правды предполагало его переработку с целью приспособления к новым общественным условиям. Эта переработка могла заключаться в изменении отдельных терминов, в изъятии каких-то слов, в добавлении в старые формулировки отдельных новых слов и т.д. Так, в первой статье Пространной Правды вместо термина «ябетник», присутствующего в аналогичной ей первой статье Краткой Правды и обозначающего княжеского слугу¹, было применено словосочетание «тивун бояреск», которое обозначало боярского слугу. Подобное изменение было внесено составителями Пространной Правды и в норму, предусмотренную статьей 25-й Краткой Правды, согласно которой за убийство княжеского слуги — рядовича полагался штраф в пять гривен. При воспроизведении этой нормы в ста-

¹ В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (Том 3. СПб., 1903. Стлб. 1631) слово «ябедник» толкуется как «служитель, судебное должностное лицо».

ть 14-й Пространной Правды в ее содержание были добавлены слова «также и за бояреск».

Статья 3-я Пространной Правды¹ воспроизвела содержание статей 19-й и 20-й Краткой Правды². При этом слова «огнищанин» и «подъездной княж», обозначающие различные категории княжеских слуг, были заменены на словосочетание «княж муж», то есть термин более общего значения.

Помимо терминологии изменениям в новом юридическом сборнике подвергались и суммы штрафов за те или иные преступления. Так, согласно статье 4-й Краткой Правды за удар мечом по руке, в результате которого она отпадала или усыхала, устанавливался штраф в 40 гривен. В Пространной же редакции Русской Правды (в статье 27-й) за подобное увечье назначался штраф в размере полувиры — 20 гривен и 10 гривен в качестве возмещения вреда потерпевшему.

Подобные факты показывают, что древнерусские законоискусники довольно свободно обращались с правовым наследием прошлого, приспособляя его к новым общественным условиям. Но именно это обеспечивало, как ни парадоксально, сохранение древнейших правовых установлений в качестве действующих в русском обществе на протяжении целого ряда последующих столетий.

Пространная редакция Русской Правды является важнейшей вехой в истории не только русского права, но и русской юриспруденции. В процессе ее составления были выработаны и усовершенствованы приемы и способы организации правового материала, систематизации и модификации правовых норм, которые позволили создать в XIII–XIV веках целую серию различных юридических сборников.

Текст Русской Правды древнерусские законоискусники продолжали совершенствовать и в XIII столетии, а возможно, еще и в XIV-м. «По словам историка А. А. Зимина, «осмысленные исправления обнаруживаются преимущественно в первые столетия существования Правды Русской, т.е. в XII–XIII вв., и сохранились в списках, восходящих к традиции этого времени. В поздних видах Правды Русской

¹ «Об УБИЙСТВЕ. Аже кто убьет княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то вивренную платити, в чьей же верви голова лежит, то 80 гривен; паки ли Людин, то 40 гривен» (Пространная редакция. Суд Ярославль Володимирич. Правда Русская // Российское законодательство X–XX веков. Том 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 64).

² «19. Аще убьют огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убищи, а людем не надобе; а в подъездном княжи 80 гривен. 20. А иж(е) убьют огнищанина в разбои, или убища не ищють, то вирное платити, в ней же вири голова начнет лежати» (там же. С. 48).

(таких как Розенкамповский и Ферапонтовский виды) новых осмыслений, вызывавшихся переменами в общественном строе и праве, почти не вносилось. Это, возможно, указывает на то, что действительное влияние Правды Русской в XIV–XVI вв. постепенно падало»¹.

Следует иметь в виду, однако, что приемы и способы обработки правового материала, использованные при составлении Пространной редакции данного памятника права, широко применялись и после того, как Русская Правда потеряла свое значение действующего юридического сборника. В частности, юридическая техника Русской Правды нашла свое применение при создании Псковской и Новгородской судебных грамот. «Псковская Судная грамота для гражданского права представляет собою и в формальном и в материальном отношении настоящее продолжение Русской Правды»², — делал вывод Н. Л. Дювернуа. При этом он отмечал, что Русская Правда показывала «в разработке и группировке юридических положений» иногда очень ясную точку зрения юридического института. По его мнению, «методический прием» этого юридического сборника «вне всякого сомнения выше, чем в Псковской Судной грамоте или в Судебнике Ивана III»³.

Приблизительно в XV веке на северо-востоке Руси был составлен сокращенный вариант Пространной редакции Русской Правды. Если текст Краткой Правды делится на 43 статьи, а в полном варианте Пространной Правды выделяется 121 статья, то Сокращенная Правда насчитывает в разных ее изданиях от 50 до 55 статей.

Содержание сокращенного варианта Пространной Правды выражало попытку приспособить нормы Русской Правды к социально-экономическому строю и юридическому быту Московского государства. Составители этого правового памятника приняли во внимание факт отсутствия в обществе Московской Руси ряда социальных групп, существовавших в Древней Руси: по этой причине в его текст не попали такие термины Пространной Правды, как *огнищанин*, *смерд*, *закуп*, *рядович* и др. Они учли и факт разложения родовых отношений. Первая статья Пространной Правды ограничивала право кровной мести кругом таких родственников, как родной брат убитого, его отец или сын, его двоюродный брат или племянник со стороны брата⁴. Соответствующая статья Сокращенной Правды предоставляла

¹ Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. С. 283.

² Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. М., 1869. С. 307.

³ Там же. С. 110–111.

⁴ «Аже убить мужь мужа, то мстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови» (Русская Правда Пространной редакции // Па-

право мстить только брату, отцу или сыну убитого, то есть ограничивала право кровной мести исключительно кругом моногамной семьи¹.

Судебный процесс Московской Руси придавал большее значение показаниям свидетелей и письменным доказательствам, игнорируя ордалии. Поэтому в Сокращенной Правде не были воспроизведены положения Пространной Правды о применении испытаний железом и водой, предусмотренные, например, статьей 22-й.

Вместе с тем в сокращенный вариант Русской Правды не вошли статьи Пространной Правды о судебных пошлинах, уроках городнику и мостникам, поскольку в условиях Московской Руси установилась своя, отличавшаяся от древнерусской, система судебных пошлин и других сборов.

Подобным же образом составителями Сокращенной Правды были учтены перемены и в имущественных отношениях, и в договорах, и в порядке наследования, и в других деталях.

Исследователи Сокращенной Правды не пришли к единому мнению относительно времени ее появления. Тот факт, что текст этого правового памятника сохранился в двух списках XVII века, извлеченных из Кормчих книг: Толстовском списке² и списке князя Оболен-

мятники русского права. Вып. 1 / Под редакцией С. В. Юшкова. М., 1952. С. 108.

¹ «Аще убьет муж мужа, то мстити брату брата, любо отцу, любо сыну; оже ли не будет кто его мстя, то положить за голову 80 гривен, любо рассудити по муже смотря» (Там же. С. 197).

² Список Русской Правды, называемый «Толстовским», представляет собой извлечение из начертанной в середине XVII века рукописи Кормчей книги, принадлежавшей известному коллекционеру рукописных произведений графу Федору Андреевичу Толстому (1758–1849). В описании собранных им славяно-русских рукописей, составленном библиотекарем его библиотеки археографом П. М. Строевым, данный сборник указан под наименованием «Кормчая, писана скорописью в XVII веке, на 445 листах» (отд. II. № 216). Текст Русской Правды занимает здесь три листа (с 412-го по 415-й) и соединен с уставом великого князя Владимира о церковных судах под общим заголовком «Суд Ярославль ВолодимERICHA указ» (л. 411). См.: Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника, сенатора, двора Его Императорского Величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстого / Издали К. Калайдович и П. Строев. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. М., 1825. С. 364. Данное описание показывает, что графу Ф. А. Оболенскому принадлежали еще две рукописи Кормчей книги, содержавшие текст Русской Правды. Одна из них, обозначенная словами: «Книга глаголемаа Кромчий, иже сказується Номоканон. Писана в конце XV века», указана на стр. 401–402, во втором отделении описи под номером 243. Среди произведений, составивших содержание этого сборника, назван правовой памятник под названием «Суд Ярославль ВолодимERICHA». Его текст изложен на листах с 237-го по 247-й. Другая рукопись такого сборника

ского¹, — дал ряду ученых основание относить его происхождение к XVI и даже XVII векам. «Этот текст не что иное, как переделка Правды, появившаяся не раньше второй четверти XVII века, — по крайней мере в Кормчих начала и первой четверти века этой переделки еще нет»² — так писал о времени появления Сокращенной Правды П. Н. Мрочек-Дроздовский. В словах Сокращенной Правды «так и слышится современник постановлений XVI или XVII века»³, — утверждал Н. И. Ланге.

С. В. Юшков относил составление Сокращенной Правды к XV веку и категорически возражал против отнесения ее к более позднему времени. «Нельзя согласиться, — отмечал он, — и с решением вопроса о времени происхождения Сокращенной Правды со стороны тех исследователей, которые настаивали на ее московском происхождении и притом в XVI—XVII вв. Ведь все названные исследователи считают, что Сокращенная Правда была составлена для практических надобностей. Составитель имел своей целью приспособить нормы Русской Правды к существовавшему в его время правовому строю, с таким расчетом, чтобы она могла применяться в существовавших тогда судах. Но какой был смысл перерабатывать Русскую Правду после издания Царского судебника, губных и уставных грамот, появления указных книг приказов и в особенности в период московской кодификации 1649 года. В XVI и XVII вв. сложилась весьма развитая система московского права, по сравнению с которой Сокращенная Правда являлась явным примитивом, не имеющим особого практического значения. Какому судье, какому администратору могло прийти в голову руководиться нормами Сокращенной Правды, которая все-таки была *Сокращенной по сравнению с Пространной Правдой*, когда в XVI—XVII вв. все институты московского права получили свое развитие?»⁴

указана на стр. 70—72, в первом отделении описи под номером 132 и под названием: «Книги глаголемыя Кормчия, рекше Правило законно, греческим языком Номос (Номоканон)». Она датируется XVI веком. Согласно описи, на листах с 391-го по 397-й изложен текст правового памятника: «Суд Ярославль Володимерича. Правда Руская».

¹ Текст Русской Правды, именуемый «списком Оболенского», является извлечением из начерченной во второй половине XVII века рукописи Кормчей книги, которая принадлежала директору Московского главного архива Министерства иностранных дел князю Михаилу Андреевичу Оболенскому (1806—1873).

² Мрочек-Дроздовский П. Н. Новое издание Русской Правды. СПб., 1904. С. 3.

³ Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860. С. 6.

⁴ Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2009. С. 76.

Исследователь политического и юридического строя Древней Руси В. И. Сергеевич высказывал другое мнение о времени создания сокращенного варианта Русской Правды. «Составитель этой редакции, — писал он, — имел перед собой старые редакции, из которых и брал материал для своего труда; в них упоминается: Ярослав, его сыновья и Владимир Мономах; ни с одним из этих имен не соединялось у него никакого определенного представления. Эти имена ничего ему не говорили. Вот почему надо думать, что эта редакция могла возникнуть в XIII веке и никак не ранее конца XII-го»¹.

Отмеченные расхождения в определении времени появления Сокращенной Правды неслучайны: они отражают переходный характер содержания этого правового памятника, сочетающего в себе материал различных эпох — правовые нормы, терминологию и юридические идеи Древней и Московской Руси. Создание юридических сборников такого рода предполагало более высокий уровень правотворчества, приемов и способов обработки правового материала, нежели тот, который был присущ законоискусникам Древней Руси. Дальнейшее развитие юриспруденции закономерно должно было привести к формированию и новой группы носителей юридических знаний. Священнослужители, выступавшие в древнерусском обществе, помимо прочего, и в качестве знатоков права и правды, должны были уступить это место светским законоискусникам.

В XII столетии — во времена, когда создавалась Пространная Правда, — среди княжеских слуг появились так называемые дьяки — категория государственных служащих, которая сыграет в будущем огромную роль в развитии юриспруденции. В первоначальном своем значении термин «дьяк» обозначал просто грамотного человека², состоящего на службе какому-либо князю или боярину. Как правило, именно дьяки писали на Руси тексты многих княжеских грамот³. Именно они станут в XV–XVI веках составителями судебных — юридических сборников, с которыми будет связано дальнейшее развитие русского права и юриспруденции.

¹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 72.

² Старинное значение термина «дьяк (діакъ)» «письмовод», «письмоводитель», «секретарь» приводится в толковом словаре Владимира Даля (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. А–З. СПб.–М., 1880. С. 451).

³ «А грамоту писал дьяк князя великого Кострома» — такие слова начертаны под текстом Духовной грамоты великого князя Ивана Калиты, составленной в 1327–1328 годах (См.: Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского. Том 1. СПб., 1893. Стлб. 668).

Создание Русской Правды предполагало наличие людей, обладающих умением выражать общественные потребности на языке правовых норм, навыками излагать их в определенном порядке, составлять юридические сборники. Такие люди имелись в окружении князей-законодателей, но они не были профессиональными юристами или правоведами в западноевропейском смысле. Юридическая деятельность в Древней Руси не выделялась в самостоятельный род деятельности: она являлась неотъемлемой частью государственной службы. Великий князь выступал одновременно и верховным властителем, и законодателем, и судьей.

При этом идея права как силы, стоящей на страже общего интереса, утверждающей в обществе справедливый порядок, защищающей слабых от произвола могущественных, была доминантой русского правосознания. Сообщая о кончине в лето 6720-е (1212 год) великого князя Всеволода Юрьевича, по прозвищу Большое Гнездо, летописец в числе его достоинств особо отмечает способность судить истинный и нелицемерный суд, невзирая на лица сильных своих бояр, обижавших сирот и творивших насилие (дословно: судить «суд истиненъ и нелицемѣренъ, не ѡбинуѡса лица силных своих бояр, ѡбидащи сироты и насилъе творащи»)¹.

Открыто выставляя себя в качестве законодателей, творцов законов для всей Руси, русские князья представляли свое законотворчество не правом, возвышавшим их над своими подданными, а обязанностью, возложенной Богом. Не случайно княжеские уставы начинались, как правило, со слов: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа».

Возлагая на князя обязанность законодательствовать, Бог предписывал совершенно определенные рамки этой деятельности. Содержание издаваемого князем закона должно было соответствовать духу христианской религии, то есть быть проникнуто милосердием и любовью². Такая идеология законотворческой деятельности требовала соответствующего юридического языка. Наименование главного правового памятника Древней Руси «Русской Правдой» в полной мере отражало эту закономерность.

¹ ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926. Стлб. 437.

² См. подробнее об идеологии законодательной деятельности на Руси в книге: *Томсинов В. А.* История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М.: Зерцало, 2014. С. 53–58.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Термины «право» и «правда» в правовой культуре Древней Руси

Изучение правовых памятников предполагает в первую очередь выяснение подлинного смысла встречающихся в их текстах понятий и терминов. Применительно к юридическим сборникам столь отдаленной старины и неясного происхождения, каким является свод правовых норм, называемый «Русской Правдой», эта задача оказывается чрезвычайно трудной. До нас дошли весьма скудные сведения о социально-экономическом и политическом устройстве древнерусского общества. Между тем знание народного быта Древней Руси во времена появления Русской Правды представляет собой необходимое условие для понимания ее понятийного и терминологического аппарата. Текст Русской Правды был изложен языком русского народа, и его термины, обозначавшие юридические явления, составляли неотъемлемую часть народного языка, а значит, и народного сознания¹. Историк русского права

¹ В этом проявлялся народный характер русской юриспруденции. Н. Л. Дювернуа писал о правовой жизни Древней Руси, отраженной в Русской Правде: «Особенность древнего быта, поражающая христианского наблюдателя, заключается в том, что люди сами творят себе закон. Лицо с своим чувством обиды, со своим сознанием права везде на первом плане. Ближайшее определение меры своего права и средств защиты человек находит в окружающих его, в тесном кругу своей общины. Ярославов Правда говорит о мести за убийство близких людей, о насилиях над лицом, о присвоении имущества. Тотчас за нарушением права должно следовать восстановление, восстанавливает его сам потерпевший. Где менее ясно правонарушение, — потерпевший идет на извод перед 12 человеками. Сходство этого закона, господствовавшего в Древней России, с законом других народов в их младенческом состоянии — поразительное. Вопрос о праве не смущает никогда первобытного человека. Нарушения слишком грубы и слишком очевидны. Право всегда ясно. Нужно найти только меру, которою бы определялась степень обиды. Нужно, чтоб эта мера была установлена твердо и постоянно. Итак, с одной стороны, требуются внешние признаки, которые не оставляли бы сомнений в том, что произошло, с другой — твердые цифры штрафов. Русская Правда определяет и то, и другое» (*Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней Руси. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 59*).

П. Н. Мрочек-Дроздовский писал, подводя итог столетнему изучению данного юридического сборника: «В конце концов нельзя не сознаться, что, несмотря на все усилия целого ряда знатоков и исследователей наших древностей, мы до сих пор стоим пред Русской Правдой, как пред загадкой, теряемся в объяснении ее языка, ее понятий и постановлений; вместе с этим, не понимая Русской Правды, мы плохо знаем и ту давно угасшую жизнь, в строе которой Правда была основным тоном, основною мыслию. Причина этого — в отсутствии правильного объяснения, или толкования, древней русской Правды, давно умолкшей, умершей и погребенной под тяжелыми слоями позднейшего, петербургского законодательства»¹. К настоящему времени обнаружено более 110 различных списков Русской Правды, но они прибавляют мало ценных сведений к тем знаниям о ней, которые были получены в течение XIX века.

В своем исследовании данного сборника П. Н. Мрочек-Дроздовский высказал мнение о том, что название «Русская Правда», в сущности, относится только к начальной статье, текст которой оно открывает, но это мнение выглядит слишком надуманным. Петр Николаевич явно не разобрался в значении термина «правда» в этом словосочетании, иначе он не задавался бы вопросом: «В каком смысле можно принимать рубрику Правда Росьская, или Правда Русская, за название всего памятника в целом?»²

В Западной Европе эпохи раннего Средневековья подобные правовые памятники назывались термином «lex», закон³. Казалось бы, и на Руси для обозначения свода правовых норм, исходивших от верховной государственной власти, более подходили термины «закон» или «право».

Некоторые правоведы, обращающиеся к древнерусской правовой культуре, высказывают мнение, будто в древнерусской юриди-

¹ Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. Вып. 1: Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. М., 1881. С. V.

² Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. Вып. 2: Текст Русской Правды с объяснениями отдельных слов. М., 1885. С. 1.

³ В качестве примера таких правовых памятников можно привести «Lex Salica», «Lex Saxorum», «Lex Alamannorum», «Lex Baiuvariorum», «Lex Burgundionum» и др. В переводе на русский язык каждый из них называется «правдой», но этот термин применяется в данном случае лишь потому, что отраженный в них уровень развития правовой культуры аналогичен тому, который показывает Русская Правда. В текстах западноевропейских юридических сборников нет ни одного слова, которое можно было бы, хотя бы приблизительно, отождествить с древнерусским термином «правда».

ческой лексике вообще отсутствовал термин «право»¹. Но достаточно заглянуть в «Словарь русского языка XI–XVII вв.», выпущенный Институтом русского языка Российской академии наук, или в «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, чтобы убедиться в том, что термин «право» был в языке Древней Руси вполне устоявшимся юридическим термином и довольно часто употреблялся в древнерусских текстах, причем с самых ранних времен — с XI–XII веков, если не раньше, — и в нескольких смыслах, в том числе: для обозначения совокупности правовых норм или правомочия (субъективного права)².

Исследователи древнеславянской юридической терминологии давно уже установили, что слово «pravo, право» было весьма распространенным термином в славянских языках, обозначавшим свод правил, устав, законы и т.д.³. — одним словом, все, что подразумевает и современное слово «право».

Данное слово употребляется уже в самых ранних из дошедших до нас русских летописях. Например, в рассказе о приглашении Рюрика племенами, именовавшимися чудь, словене, кривичи и весь, который изложен в Лаврентьевской летописи, говорится: «В лето 6370 (862). Изгнаша варяги за море и не даша им дани, и почаша сами в себе володети: и не бе в них правды и вѣста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся; и реша сами в себе: «поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по **праву**»⁴. В Ипатьевской летописи последняя фраза выглядит немного по-другому: «поищем сами в себе князя, иже бы володел нами и рядил по ряду по **праву**»⁵.

¹ Так, в очерке «1000 лет в поисках „Русской правды“» Мария Захарова, представившаяся как член-корреспондент парижской Международной академии сравнительного права, пишет: «Термин „право“ появился в российском юридическом обороте только в XVII веке как понятие, переводное с немецкого языка» // <https://legal.report/author/1000-let-v-poiskah-russkoj-pravdy> (см. сноску 16). При этом она не указывает, откуда почерпнула эту весьма странную информацию.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18 (Потка–пренаачальный) / Под ред. Г. А. Богатова. М., 1992. С. 115; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том 2: Л–П. СПб., 1902. Стлб. 1348.

³ См.: *Иванов В. В., Торопов В. Н.* О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов. Загреб–Люблина. Сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 234.

⁴ Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археографической комиссией Академии наук СССР (далее: ПСРЛ). Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926. Стлб. 19.

⁵ ПСРЛ. Том 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стлб. 14.

О поиске князя, который бы «судил по праву», племенами русь, чудь, словене, кривичи и весь, можно прочесть и в Радзивилловской летописи¹, и в Новгородской первой летописи младшего извода², и в Псковской второй летописи³, и в других летописных сводах.

Термин «право» встречается и в текстах заключавшихся в X веке договоров Руси с Византией, например: во фразе «многожды **право** судихо»⁴.

Характеризуя юридическую терминологию Древней Руси, П. Н. Мрочек-Дроздовский придавал особое значение термину «правда». «Словом *правда*, — утверждал он, — наши предки выражали как самое понятие права, так и все его проявления: в поступках ли людей в их взаимных отношениях, в деятельности ли власти: в суде или в письменных актах, — договоре, законе. Иного слова для выражения всех этих понятий наша старина не знала: все, что *правильно, истинно, правомерно, законно*, и есть *правда*; в этом общем родовом понятии, можно сказать, выражалось все правосозерцание наших предков»⁵. Однако все указанные понятия выражал и термин «право». Он употреблялся, в частности, для обозначения юридического установления или закона, судебной юрисдикции или правомочия суда, власти, обязательства, присяги⁶. Более того, данный термин был шире термина «правда». Слово «право» в древнерусской лексике являлось не только существительным, но и наречием, означавшим «справедливо», «честно», «правильно», «верно», «правдиво», «прямо», «воистину», «действительно», «в самом деле»⁷.

О весьма широком употреблении термина «право» в юридической лексике Древней Руси свидетельствует и наличие множества производных от него слов: «правосуд», «правосудие (правосудство)», «правоправление», «правость» (в смысле законности), «праводеяние», «правомерие», «праведный», «правный», «правая грамота» и др.⁸

¹ ПСРЛ. Том 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989. С. 16.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 106.

³ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 9.

⁴ ПСРЛ. Том 2: Ипатьевская летопись. Стлб. 24.

⁵ Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. Вып. 2. Текст Русской Правды с объяснениями отдельных слов. С. 1–2.

⁶ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. С. 115.

⁷ Там же. С. 115–116.

⁸ См.: там же. С. 115–125.

Все это означает, что слово «право» было в древнерусской лексике столь же употребительным юридическим термином и таким же широким по значению, как термин «правда».

Довольно употребительным было в древнерусской письменности и слово «закон». Словосочетание «закон русский» много раз встречается, например, в текстах договоров Руси с Византией X века. Так, в договоре 911 года имеется статья, гласящая: «Аще ли оударит мечем, или оубьет кацѣм¹ любо сосоудом, за то ударение или бьенье да вдасть литрь 5 сребра **по закону Роускому**»² (выделено мною. — В. Т.). В заключительной же части этого договора, приводимого в Ипатьевской летописи, сообщается, что представители князя Олега клянутся перед византийским царем «по закону и по покону» своего народа³.

Как уже отмечалось, термином «закон русский» в договорах Руси и Византии, то есть в X веке, обозначалось, скорее всего, неписаное обычное право русского народа. Такое значение данный термин сохранял и в более поздние времена. С укреплением же государства в Древней Руси слово «закон» стало применяться в древнерусских текстах для обозначения постановления или предписания верховной государственной власти. В новгородском списке Кормчей книги 1280 года встречается выражение «аще и вѣѣшний законъ повелѣваетъ...». Оно приводится в Словаре древнерусского языка XI–XIV веков (т. 3. М., 1990. С. 318) как пример использования этого слова в значении светский, мирской закон. Однако в самом распространенном смысле термин «закон» означал веру, вероисповедание, свод религиозных предписаний. Соответственно «законником» назывался знаток не светских юридических норм, а религиозного закона, христианской религии; определение же «законный» обозначало все то, что соответствовало религиозным канонам.

Все это свидетельствует, что слово «правда» было использовано в названии рассматриваемого юридического сборника совсем не потому, что оно было единственным в древнерусской лексике термином, пригодным для обозначения такого рода правовых памятников. Для этого вполне можно было применить и слово «право». Очевидно, что термин «правда» оказался в данном случае более подходящим, чем термины «право» или «закон».

Письменные памятники Древней Руси показывают, что слово «правда» имело по меньшей мере десять различных смыслов.

¹ В смысле: будет бить кацем («кац» — ручная кадьница).

² ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 34.

³ ПСРЛ. Том 2: Ипатьевская летопись. Стлб. 28.

Во-первых, оно могло применяться для обозначения суда, решения споров судебным порядком, то есть мирным путем, не допускающим междоусобных войн. Об этом свидетельствует следующий текст из «Повести временных лет»: «В лето 6370 (862). Изгнаша варяги за море и не даша им дани, и почаша сами в себе володети: и не бе в них **правды** и вѣста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся; и реша сами в себе: „поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву“»¹.

Во-вторых, термином «правда» мог обозначаться оправдательный приговор суда. Согласно Никоновской летописи, в 1385 году новгородцы, собравшись на вече, постановили: владыке (архиепископу) Новгородскому в своем суде «судити по греческому закону, **в правде** и в вине бытии у них, а посаднику и тысяцкому судити свои суды по русскому обычаю»². Выражение «**в правде** и в вине» означало в этом фрагменте соответственно оправдательный и обвинительный приговор.

В-третьих, слово «правда» подразумевало право какого-либо человека, восстановленное судом. Именно в таком значении употреблялось оно в договоре Новгорода с немцами, заключенном в конце XII века. В тексте этого соглашения говорилось, в частности: «Оже тяжа родится бес крови, снидуться послуши: и Русь, и немци, то вергуть жеребее: кому ся выимъть, роте шедъ, свою **правду** възмуть»³.

В-четвертых, «правдою» могло быть названо право кого-либо на власть. В Архангелогородском летописце под 1447-м годом приводятся следующие слова игумена Кирилло-Белозерского монастыря Трифона, сказанные великому князю Василию Васильевичу (Темному): «Государь, тот грех на мне буди и на моеи братии и на главах наших, что еси целовал крест и крепость дал на себя князю Дмитрию Шемяке; поиде, государь, з богом и с своею **правдою** на свою вотчину на великое княжение Московское, а мы, государь, за тебя бога молимся и за твоих детеи и благословляем»⁴. Фраза «с своею **правдою** на свою вотчину, на великое княжение Московское» обозначает в данном тексте **право на вотчину**, то есть **на княжение, на верховную власть** в Московском государстве.

¹ ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 19.

² Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Том 11. СПб., 1897. С. 85–86.

³ Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1868. С. 2.

⁴ ПСРЛ. Том 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 88.

В-пятых, термин «правда» нередко использовался для обозначения чьего-либо интереса. В Лаврентьевской летописи под годом 1176-м, в описании спора города Владимира с Ростовом и Суздалем, приводятся следующие слова: «И вси боляре, хотящее свою **правду** поставити, не хотяху сотворити **правды Божия**, но како нам любо — рекоша — тако же створим»¹.

Слово «правда» во фразе «и вси боляре, хотящее свою **правду** поставити, не хотяху сотворити **правды Божия**» означает: в первом употреблении — эгоистический интерес бояр, а во втором — справедливость (правда Божия).

В-шестых, термином «правда» часто называлась присяга или клятва. Владимир Мономах в своем «Поучении» наставлял сыновей: «Да оже начнеши каятися Богу и мне добро сердце створиши, послав соль свой или епископа, и грамоту напиши **с правдою**, — то и волюсть възмеши с добром»².

В-седьмых, термин «правда» мог использоваться в значении договора. Так, в договорной грамоте Александра Невского и его сына Дмитрия Александровича с немцами, заключенной в 1257 году, говорилось: «Мир докончахъм на сей **правде**: новгородцам гостити на Гоцкыи (т.е. Готский. — *В. Т.*) берег бес пакости. И всему латиньскому языку на старьи мир. ... А се старая наша **правда** и грамота, на чем целовали отци ваши и наши крест»³.

В-восьмых, «правда» могла обозначать правоту кого-либо или какого-либо дела. В Лаврентьевской летописи под датой 6604 (1096) год описывается конфликт, возникший вследствие захвата Муром, принадлежавшего князю Олегу Святославичу, войском князя Изяслава Владимировича. Князь Олег предложил Изяславу очистить город, но Изяслав, надеясь на своих воинов, отказался кончить данный конфликт миром. Летописец по этому поводу заметил: «И не послуша Изяслав словес сих, надеясь на множество вои[нов]. Олег же надеясь на правду [свою], яко прав бе в сем Олег»⁴.

¹ ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Л., 1927. Стлб. 378.

² Там же. Стлб. 254. В этом значении слово «правда» употреблялось и в XV веке, о чем свидетельствует статья 47 Судебника 1497 года, в которой говорится: «А кто купит на чюжей земли что, а поймаются у него, и толко у него свидетелей два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались, и целования ему нет; а не будет у него свидетелей, ино ему **правда** дати».

³ Русско-Ливонские акты. С. 9.

⁴ ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 237.

Другой яркий пример употребления термина «правда» в значении «правоты» представляет встречающееся в летописной литературе выражение «Не в силах Бог, но в **правде**». В Житии благоверного св. князя Александра Ярославича рассказывается, что именно такими словами он ободрял свою дружину перед битвой на реке Неве. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище» князя Андрей и Дмитрий Ольгердовичи советовали Дмитрию Донскому применить в предстоящей битве на Куликовом поле наступательную тактику. «Аще хочещи крепкого бою, — говорили они, — то повели сего дни реку возитися, да не будет ти ни единого мыслящего назад; всяк бьется безо лъсти; а велицей силе его (Мамая) речем несть веровати, яко не в силах Бог, но в **правде**»¹. Бог помогает правому, — подразумевает данное выражение, т.е. слово «правда» обозначает в нем правоту.

В-девятых, словом «правда» в древнерусском обществе называлась справедливость. В качестве примера такого употребления этого термина можно указать на приведенное в «Слове о законе Моисеевом и Благодати Божьей» следующее обращение митрополита Илариона к великому князю Владимиру: «Радуйся, учителю наш и наставниче блаверию! Ты **правдою** бе облечен, крепостию препоясан, истиною обут, съмысломъ венчанъ и милостынею, яко гривною, и утварью золотою красуюся»².

И наконец, **в-десятых**, термин «правда» употреблялся для обозначения свода правовых норм. Именно такой смысл придается ему в выражениях «А се есть **правда** рускаа»³ и «**Правда** уставлена Руской земли...»⁴, которые приводятся в Новгородской первой летописи младшего извода. Или в сообщении из «Псковской первой летописи»: «В лето 6567 (т.е. в 1059 году по христианскому календарю). Преставися князь Ярослав, иже **Правду** оустави»⁵ (выделено мною. — В. Т.).

Указанными значениями древнерусский термин «правда» не исчерпывался. Каждое из этих значений имело несколько оттенков.

¹ Поведание и сказание о побоище великого князя Димитрия Ивановича Донского // Русский исторический сборник, издаваемый императорским Обществом истории и древностей российских. Том 3. Книжка 1. М., 1838. С. 39.

² Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева и др. Том 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 52.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 176.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Псковская первая летопись // Псковские летописи. Вып. 1. М.—Л., 1941. С. 9.

В рамках судебной деятельности слово «правда» обозначало иногда не только судебное решение, но и свидетельские показания. В применении к договору данный термин мог означать не только соглашение, но и договорные условия, т.е. один из элементов договора.

Обобщающая оценка всех значений, которые заключал в себе древнерусский термин «правда», позволяет более или менее точно определить его отличие от термина «право». *«Правдой» чаще всего назывались явления, связанные так или иначе с процедурой суда, с судебной деятельностью.* Оба этих термина применялись для обозначения свода правовых норм, но термин «право», в отличие от термина «правда», явно имел более общий смысл. Им можно было назвать просто свод правовых норм. *Но если требовалось обозначить свод правовых норм, специально предназначенных для применения в судах, для вынесения судебных решений, то для этого случая более подходил термин «правда».*

В свете подобных фактов становится более ясным подлинный смысл названия юридического сборника «Русской Правдой». Это название указывало на главное свойство сборника, а именно: *его предназначение служить судебником.* Поэтому название **«Русская Правда»** можно с полным основанием считать синонимичным названию **«Судебник для Русской земли»**.

Любопытно, что в варианте Псковской первой летописи, изданном историком М. П. Погодиным в 1837 году, в сообщении о смерти великого князя Ярослава, после слов «правду устави» было добавлено весьма примечательное, с этой точки зрения, уточнение. Текст сообщения получил поэтому следующий вид: «В лето 6567 преставися Князь Ярослав, иже правду устави, **Судебник**»¹ (выделено мною. — В. Т.). Сейчас уже невозможно установить, было ли слово «судебник» в летописном тексте, с которым работал М. П. Погодин, или историк сам вставил его, в качестве уточнения к словам «правду устави», но в любом случае это добавление подтверждает вывод о том, что **«Русская Правда»** есть не что иное, как **«Русский судебник»**.

* * *

Многозначность таких основополагающих терминов древнерусской правовой культуры, как «право» и «правда», свидетельствует, что их смысловое значение формировалось одновременно и

¹ Псковская летопись, изданная на иждивении Общества истории и древностей российских, при Московском университете, М. Погодиным. М., 1837. С. 5.

в светской, и церковной сфере, в судебной практике и в народном быту.

Исследуя процесс формирования правовых норм в Древней Руси, Н. Л. Дювернуа пришел к выводу о том, что русское право развивалось «не в законе, а в обычае», что оно было еще скрыто в сознании людей и обнаруживалось «только в их действиях». По его словам, право наследования вырабатывалось и формировалось в завещаниях, «право договорное — в сделках»¹.

Немаловажную роль в становлении древнерусской юридической терминологии играли переводы византийских юридических текстов на русский язык. О методике и объеме этой деятельности можно судить по такому ее результату, как сборник византийских законов, переведенных в XI–XII веках с греческого языка на русский, и представленный в рукописном виде под названием «Книги законные». В состав данной компиляции были включены: 1) последняя часть предисловия к Эклоге императоров-иконоборцев Льва Исаврянина и Константина Копронима, созданной приблизительно в 740–741 годах; 2) византийский земледельческий закон²; 3) 39-й титул Прохирона византийского императора Василия Македонянина, составленного в конце 80-х годов IX века, с присоединением 40-го титула (о разделе военной добычи) и 2-й главы 26-го титула (о прекращении власти преступника над своими детьми, с момента его осуждения); 4) сокращенный вариант 11-го титула Прохирона (об основаниях развода), с присоединением записей норм брачно-семейного права из других титулов; 5) 27-й титул Прохирона, с добавлением пяти глав по этому предмету из 14-го титула Эклоги.

Список этого юридического сборника, изготовленный в XVII веке и приложенный к рукописи Судебника 1550 года, был в 1746 году подарен российской императорской Академии наук канцеляристом Устюжской епархии Иваном Поповым. В 1768 году переводчик Академии наук Семен Башилов напечатал эти произведения типографским способом, присоединив к ним указы, дополнявшие Судебник, и Таможенный устав Иоанна IV (Грозного). Вся эта компиляция на-

¹ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней Руси. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 327.

² Данный закон действовал в Византии в течение целого ряда столетий и при этом неоднократно перерабатывался и дополнялся. Его вариант, переведенный на русский язык и включенный в «Книги законные», был, скорее всего, издан примерно тогда же, когда составлялась Эклога.

звалась «Древние законы из Юстиниановых книг», а отдельные ее части были озаглавлены следующим образом:

- 1) «Предисловие книг законных, имиже годится всякое дело исправляти всем православным князем»¹;
- 2) «Законы земледельнии от Оустьяновых книг о земледельцах»²;
- 3) «Закон о казнях»³;
- 4) «О разделении браков»⁴;
- 5) «Главы о послухах»⁵.

Профессор юридического факультета императорского Московского университета А. С. Павлов, специально изучавший этот древнерусский юридический сборник, писал о значении переводов византийских правовых установлений на русский язык для юриспруденции Древней Руси: «Источники византийского права переводились и переписывались у нас не для назидательного или занимательного чтения, а для возможного приложения их к жизни, к местной юридической практике. С тою же, конечно, целью переведены и „Книги законные“... Назначая таким образом свой труд в руководство русским князьям, при отправлении ими правосудия, переводчик естественно должен был по возможности обрусить византийские законы, приспособить их к русскому быту и понятиям. Отсюда — частые, более или менее знаменательные отступления перевода от подлинника. Переводчик не только перелагает на русский лад или „толк“ отдельные византийские термины, имевшие техническое значение, но и делает в тексте иноземных законов разные перемены, сокращения и дополнения»⁶.

При этом следует признать, что строгие постановления византийских законов, переведенные на русский язык, если и применялись в судебной практике древнерусских князей, то лишь эпизодически. Вряд ли можно говорить о них как о действующих в древ-

¹ Судебник Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, Законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к Судебнику и Таможенный устав Царя и Великого Князя Ивана Васильевича. СПб., 1768. С. 1. Каждый раздел этого собрания имеет свою нумерацию.

² Там же. С. 2—17.

³ Там же. С. 17—34.

⁴ Там же. С. 34—38.

⁵ Там же. С. 39—43.

⁶ «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. Издал вместе с греческими подлинниками с историко-юридическим введением А. Павлов. СПб., 1885. С. 20.

нерусском обществе правовых нормах. В связи с этим переводы византийских законов на русский язык имели большее значение для развития юриспруденции в Древней Руси, нежели права и правовой культуры.

В летописи «Повесть временных лет» под годом 6545-м (1037) сообщается, что великий князь Ярослав, любивший книги и часто читавший их и ночью, и днем, собрал писцов многих, и они переводили с греческого языка на славянский, и написали множество книг, которыми верующие люди поучаются и наслаждаются учением божественным (дословно: «собра писцѣ многы и прекладаше ѿ Грек на Словѣнское писмо и списаша книги многы и сниска имиже поучашесѣ вѣрнии людѣе наслаждаются оученыѣ бжѣтвенѣаго»)¹. Комментируя это сообщение, авторитетный исследователь древнерусской письменности А. И. Соболевский подчеркивал: «Оно позволяет предполагать, что переводы произведений греческой литературы с греческого на славянский делались на Руси не только при Ярославе, но и при его преемниках, вообще в до-монгольскую эпоху, так как в эту эпоху не могло быть у нас недостатка в людях, способных переводить с греческого на славянский и так как переводы на славянский язык сочинений русских митрополитов-греков уже несомненно принадлежат русским»².

О том, что переводческая деятельность, способствовавшая усвоению образованными русскими людьми византийского литературного наследия, имела в Древней Руси значительный размах, свидетельствует и масса сохранившихся ее произведений — переводческой литературы.

Особое место в этой литературе занимали юридические тексты. Они перерабатывались при переводе на русский язык в значительно большей степени, нежели произведения другого рода. Сборник переведенных в XI–XII веках с греческого языка на русский византийских законов — так называемые «Книги законные» — показывает, что древнерусская юридическая словесность была достаточно развитым явлением, чтобы, впитав в себя византийский правовой материал, превратить его в часть русской правовой культуры.

¹ ПСРЛ. Том 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926. Стлб. 152.

² Соболевский А. И. О древних русских переводах в до-монгольский период. М., 1897. С. 1.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Юриспруденция Московского государства (XIV–XVI вв.)

§ 1. Источники права в Московском государстве

«Московским государством» в исторической литературе называют Русское государство с центром в Москве, возникшее во второй половине XIII века¹. Данное название часто встречается в памятниках русской письменности XVI–XVII веков. Так, в «Истории о Казанском царстве», датируемой второй половиной XVI — началом XVII века, говорится о державе Московской², о казанцах, покорившихся «Московьскому государству»³. В Уложении о холопстве, принятом 1 февраля 1597 года, предписывается, чтобы «Московского государства всяким людем холопы имена и на них крепости всякие записывати с нынешняго нового уложения безсрочно»⁴.

¹ Ядром Московского государства стало Московское княжество, выделившееся в самостоятельное государственное образование из Владимирского княжества приблизительно в конце 70-х годов XIII века. Родоначальником династии Московских князей являлся Даниил Александрович. В Никоновской летописи он фигурирует в записи, относящейся к «лету 6790» (к 1280 году) как «князь велики Московской Данило Александрович, внуку Ярославль, правнук Всеволож, праправнук Юрья Долгорукаго» (ПСРЛ. Том 10: Летописный сборник именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1885. С. 160). Это самый ранний из обнаруженных мною в русских летописях случай употребления такого титула. Великий князь Московский Даниил Александрович был сыном знаменитого Александра Невского. Именно поэтому в статьях, предшествующих Комиссионному списку Новгородской Первой летописи, говорится, что «от сего князя Александра пошло великое княжение Московское» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 468).

² См.: История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М., 2000. Стлб. 3.

³ Там же. Стлб. 226.

⁴ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л., 1986. С. 64.

Приблизительно в 1654 году было создано произведение, посвященное катастрофическим событиям Смуты начала XVII века, в котором термин «Московское государство» использовался уже в самом заглавии — «Повесть о разорении Московского государства и всеа Российския земли, како и от чего и откуда начало изыде тех бед и напастей». Словосочетание «Московское государство» неоднократно употребляется в тексте Соборного уложения 1649 года¹. Вместе с тем Русское государство с центром в Москве часто называется в документах XVI—XVII веков «Московским царством». В сочинении Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» данный термин используется применительно к государству Ивана IV и его наследников в качестве синонима термина «Московское государство»². В сочинениях иностранцев о России XVI—XVII веков Русское государство часто именуется просто «Московией»³.

С XVI века в русских документах для обозначения Русского государства стало применяться словосочетание «Российское царство». Так, в предисловии к Соборному уложению 1649 года говорилось о том, что «указал государь то все Уложение написать на список, и закрепить тот список святейшему Иосифу, патриарху Московскому и всея Руси... и всему освященному собору... и торговым и посадыцким людям *Московского государства* и всех городов *Российского царства*» (курсив мой. — В. Т.)⁴.

В современной исторической литературе Московское государство часто именуется Русским централизованным государством. Так, по словам С. И. Штамм, «XV — середина XVII в. — период создания и

¹ См., например: предисловие, статьи первую и третью главы шестой, статью первую главы седьмой Соборного уложения. Седьмая глава данного правового памятника называется «О службе всяких ратных людей Московского государства».

² См.: Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича / Подготовка публикации, вводная статья, комментарии и словник профессора Г. А. Леонтьевой. М., 2000. С. 22, 24.

³ См., например: Герберштейн С. Записки о Московии / Перевод с немецкого. М., 1988; Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906; Witsen N. Moscovische Reyse. 1664—1665. Journaal en Aentekeningen. S-Gravenhage, 1966 (в переводе со староголландского языка на русский: Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664—1665. Дневник. СПб., 1996); Де ла Невиль. Записки о Московии / Перевод с французского и комментарии А. С. Лаврова. М., 1996; Гваньини А. Описание Московии / Перевод с латинского, вводная статья и комментарий Г. Г. Козловой. М., 1997.

⁴ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 18.

укрепления централизованного Русского государства и единого русского права»¹.

Русская Правда к XV веку утратила значение действующего правового сборника² и превратилась в образец, «которым надлежало руководствоваться в повседневной практике, скорее следуя ее духу, чем букве»³. В течение указанного столетия предпринимались попытки приспособить нормы этого правового памятника к новым общественным условиям. В их результате появилась так называемая «Сокращенная Правда», которую историк Н. А. Максимейко считал «Московской редакцией Русской Правды» — последним этапом на пути постепенного приспособления Русской Правды к нуждам судебной практики и ее основательной переработки в духе московского права⁴.

Одним из основных источников права в Московском государстве выступал обычай. По словам В. И. Сергеевича, «и в Москве обычай продолжает действовать, не только сохраняя то, что прежде сложилось, но и являясь творческой силой, которая созидает вновь нормы права... Еще в XVI в. великие князья московские находят нужным оправдывать свои распоряжения ссылкой на старину. Ясно, что еще нет сознания о том, что воля их, как субъекта верховной власти, творит право»⁵.

¹ Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С. 5.

² Русский правовед М. Ф. Владимирский-Буданов, рассматривая историю источников права в Московском государстве, отмечал, что здесь «уже с XIV в. нет никаких следов действия Русской Правды (кроме одной — 55 статьи судебногоника 1497 г.)» (*Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права*. Киев, СПб., 1900. С. 228).

³ *Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999. С. 321. О подобном характере влияния Русской Правды на правовую культуру Московского государства писал и русский правовед Н. Л. Дювернуа, отмечавший, в частности, в своей магистерской диссертации, появившейся в свет в 1869 году, что «можно найти в XV в. такие акты юридической практики (например, завешания), которых значительная часть написана под самым ясным руководством положений Русской Правды» (*Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в древней России. Очерки по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 204).

⁴ *Максимейко Н. А.* Опыт критического исследования Русской Правды. Вып. 1: Московская редакция Русской Правды (проблемы источниковедения). Сб. 3. М.—Л., 1946. С. 162. См. об этом также: *Юшков С. В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 90–92.

⁵ *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 14, 16.

Вместе с тем в условиях Московского государства дальнейшее развитие получили письменные источники права. В течение XIV–XV веков главную роль среди них играли уставные грамоты наместничьего управления, среди которых наиболее авторитетными были Двинская уставная грамота 1398 года¹ и Белозерская уставная грамота 1488 года². Данные грамоты регулировали не только отношения, возникавшие в сфере местного управления и суда, но и некоторые вопросы гражданского и уголовного права.

В 1497 году появился первый общерусский судебник, который по своему объему значительно превосходил любую из уставных грамот. Оригинальный текст этого правового памятника не имел постатейного деления, но при публикации в XIX веке он был разбит на 68 статей. В 1550 году в Московском государстве был принят новый, более обширный, судебник. Его содержание было разделено на 100 статей.

В 1551 году в Москве состоялся церковный собор. Свод его постановлений, созданный в том же году, получил впоследствии³ название «Стоглава» — по числу глав, на которые было разделено его содержание⁴. Вплоть до Московского церковного собора Стоглав являлся самым авторитетным в Московии собранием норм церковного права.

В 30-е годы XVI века в числе письменных источников права Московского государства стали появляться губные грамоты. В 3-й Псковской летописи об этом событии говорится следующее: «В лето 7049 (1541 год по летоисчислению от Рождества Христова. — В. Т.)... И князь великий Иоан Васильевич пожаловалъ свою отчину Псковъ, далъ грамоту судити и пытати и казнити псковичам разбоиников и лихих людей; и бысть Пскову радость, а злыя люди разбегошася, и бысть тишина, но на не много, и паки намѣстницы премогаша, а то

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Том 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 181–182.

² См.: там же. С. 192–195.

³ Название «Стоглав» впервые появилось в рукописях рассматриваемого памятника, датированных концом XVI века. Так, рукопись, принадлежавшая Соловецкому монастырю, имела название: «Книга Стоглав Соловецкого монастыря...» (то есть книга, составленная из ста глав). См.: *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 8.

⁴ Это деление на сто глав приводится в самом начале текста данного памятника, после слов: «Сказание главам в настоящей сей книзе» (Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 253).

было добро велми по всеи земли»¹. Одной из наиболее ранних из дошедших до нас губных грамот является «Губная Белозерская грамота» 1539 года².

Немногим позднее губных грамот стали появляться земские уставные грамоты. Одной из первых среди этого рода источников права была принятая в 1552 году «Уставная Земская грамота волостей Малой Пенежки, Выйской и Суры Двинского уезда»³.

В числе источников права Московского государства можно выделить также документы, получившие название «жалованных грамот», которые закрепляли за теми или иными лицами какие-либо привилегии или иммунитеты. Подобного рода грамоты являлись по своей первоначальной природе актами частного характера. Однако вследствие того, что содержание многих подобных документов было одинаковым, исключения превращались в правила — частные привилегии и иммунитеты становились общесословными.

Появление большого количества новых письменных источников права способствовало дальнейшему развитию юриспруденции, то есть совершенствованию навыков формулирования и толкования правовых норм, приемов и способов организации правового материала. Характеризуя новые условия развития законоведения в русском обществе, сложившиеся в XV–XVI веках, А. Г. Станиславский писал: «При таком состоянии источников права задача законоведцев стала гораздо труднее: частью потому, что материал, подлежащий их изучению, был теперь гораздо обильнее прежнего; частью и в особенности потому, что в практике приходилось часто сличать разнородные постановления законодательной власти как между собою, так и с льготными грамотами и обычаями местными; частью, наконец, потому, что обнародование законов, состоявшее преимущественно в *прокличании их на торгах*, было весьма недостаточно для доставления знакомства с их содержанием»⁴.

§ 2. Роль дьяков в развитии юриспруденции

Как известно, в древнерусском обществе X–XIII веков основными социальными носителями юридических знаний, а также навыков

¹ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 229–230.

² См.: Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 213–215.

³ См.: там же. С. 227–234.

⁴ Станиславский А. Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. СПб., 1853. С. 22.

формулирования и толкования правовых норм, приемов организации правового материала выступали священники. В условиях Московского государства на эту роль выдвинулись «государевы дьяки» — служащие государственного аппарата.

Термин «дьяк» или «диак» употреблялся в памятниках древнерусской письменности XI–XIII веков в смысле, тождественном значению слова «дьякон», которым, в свою очередь, обозначался церковный служитель. Дьяки-дьяконы сопровождали князей в их государственных делах. Данный вывод можно сделать, например, из текста Ипатьевской летописи, в которой под годом 6656-м от сотворения мира (1148-м от Рождения Христа) имеется следующая запись: «...И пакты рекоша Новгородци: княже ать же поидемъ [в военный поход] и всяка душа аче и *диак* а гоуменце емоу прострижено а не поставленъ бонде а ть Бога молить и тако поидоша Новгородци с Изяславом...» (курсив мой. — В. Т.)¹. Вместе с тем в окружении древнерусских князей неизменно присутствовали и люди, называвшиеся писцами. Так, при описании событий, произошедших в 6797 году от сотворения мира (в 1289 году по нашему летоисчислению), в Ипатьевской летописи говорится о том, что князь Мстислав Данилович установил на берестян «ловчее² за их коромолоу, абы мь не позрѣти на нихъ кровь и повелѣ писцю своемуу писати грамотоу»³.

В XIV веке для обозначения «писца», состоявшего на службе в великокняжеской администрации, стало употребляться слово «дьяк», обозначавшее прежде священнослужителя. Со времен Ивана Калиты именно дьяки писали княжеские грамоты. На это указывает, в частности, «древнейшая из подлинных духовных грамот Княжеских, нам известных»⁴, составленная Иваном Калитой в самом начале его княжения, перед тем, как он отправился к хану Узбеку в Золотую Орду⁵. Завершалась данная грамота следующими слова-

¹ ПСРЛ. Том 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стлб. 370.

² В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», собранных И. И. Срезневским (том 2. СПб., 1902. Стлб. 40), «ловчее» определяется в качестве рода налога. Само слово указывает на то, что это была добыча охотников или рыболовов.

³ ПСРЛ. Том 2: Ипатьевская летопись. Стлб. 932.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Издание пятое в трех книгах. Кн. 1. СПб., 1842. Стлб. 150.

⁵ Историк Н. М. Карамзин писал об этом следующее: «Древняя Русская пословица: *близ Царя, близ смерти*, родилась, думаю, тогда, как наше отечество носило

ми: «Грамоту писал *Дьяк Великокняжеский* Кострома, при духовных отцах моих, Священниках Ефреме, Феодосии и Давиде; кто нарушит оную, тому Бог судия» (курсив мой. — В. Т.)¹. Дьяк Нестор писал духовную грамоту великого князя Дмитрия Иоанновича (Дмитрия Донского).

Социальное положение дьяков было различным. Многие из них принадлежали к категории несвободных людей. Сохранилось немало документов, в которых говорится о предоставлении князьями свободы своим дьякам. Так, великий князь Иоанн Иоаннович (Иван II) объявлял в своей духовной, составленной за год или два до смерти, о том, что он дает волю тем, кто будет его казначеем, тиуном или дьяком². Русский правовед Ф. Л. Морошкин называл русскую юриспруденцию рассматриваемой эпохи «дьяческой». «Дьяк или клерк — сие таинственное, дивное существо в истории законодательств, с успехами единодержавия растет и с течением времени из карла делается великаном»³, — отмечал он, восклицая при этом: «Вот начало русской юриспруденции — начало весьма неблистательное: *холопи защищают в суде права своих господ*»⁴.

На самом деле среди дьяков было немало и лично свободных людей. На это обстоятельство обращал внимание, в частности, историк В. И. Сергеевич. По его словам, «на службе князей были и свободные дьяки. Дьяки, отпускаемые на волю, не всегда же уходили от наследников своих прежних господ; как люди уже известные и пользовавшиеся доверием умерших князей, они могли продолжать службу и у их преемников, но в качестве вольноотпущенных. В известиях XV и XVI веков встречаем термин *введенного* дьяка. Так названы Федор Стромилов, дьяк великого князя Ивана Васильевича, и Василий Щелкалов, дьяк Ивана Грозного. По аналогии с боярами введенны-

цепи Моголов. Князья ездили в Орду как на Страшный суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостию Царскою или, по крайней мере, с головою! Так Иоанн Данилович, в начале своего Великокняжения отправляясь к Узбеку, написал завешание и распорядил наследие между тремя сыновьями и супругою, именем Еленою...» (там же).

¹ Цит. по: Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Стлб. 151.

² См.: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Том 1. СПб., 1893. Стлб. 669.

³ Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. Февраль. № 8. С. 214.

⁴ Там же.

ми, во введенных дьяках надо видеть вольных людей, введенных во дворец и близость к государю»¹.

Статья первая Судебника 1497 года называет в числе судей также дьяка («судити суд бояром и околничим. А на суде бытии у бояра и околничих диаком»²). При этом в соответствии со статьей третьей Судебника дьяк так же, как и боярин, получает вознаграждение «от рублевого дела на виноватом»: «боярину на виноватом два алтына, а диаку осмь денег»³. В. И. Сергеевич высказывал мнение о том, что «великий князь Иван Васильевич и его братья, удельные князья, подмешивали уже дьяков к боярам еще до издания Судебника 1497 года»⁴. В доказательство своего суждения историк приводил выдержки из сохранившихся документов XV века.

В первой половине XVI века роль дьяков в осуществлении правосудия еще более возросла. По словам В. И. Сергеевича, «для описи земель московские князья нередко посылали сына боярского и при нем дьяка. Эти так называемые *писцы* не только описывали земли, но и производили суд по спорам о землевладении, которые возникали при описи. Суд этот творился не только сыном боярским, но и дьяком»⁵. В материалах судебного дела, которое рассматривалось на основании приказа великого князя Василия III в 1511 году, об участии дьяков в судопроизводстве говорилось следующее: «По великого князя слову, Василия Ивановича всея Руси, сий суд судили великаго князя *писцы* белозерские, Иван Микулич Заболоцкий, да *диак*, Андрей Харламов. Став перед *писцы* у деревни у Шюклинские, тягался Лева и пр. ...И *писцы* спросили Левы... И по великого князя слову... *писцы* белозерские Иван Микулич Заболоцкий да *диак*, Андрей Харламов, ответчика, старцу Иону, *оправили*, а ищюю, Леву Зайцева, *обвинили*»⁶.

Участие дьяков в отправлении правосудия было предусмотрено и Судебником 1550 года. Оценивая значение дьяков в данной сфере великокняжеского управления в эпоху судебников, Н. Л. Дювернуа отмечал: «Судебник обеспечил за ними влияние на весь процесс, начиная с приготовительных действий (срочные и отписные, на ко-

¹ Сергеевич В. И. Древности русского права. Том 1: Территория и население. СПб., 1909. С. 561.

² Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 54.

³ Там же. С. 55.

⁴ Сергеевич В. И. Древности русского права. Том 1. С. 561.

⁵ Там же. С. 562.

⁶ Цит. по: там же.

торых основывается бессудная, находятся на их руках и ими подписываются, подпись дьяка требуется и на приставных) и до самого судебного решения. Ни суд, ни доклад без дьяков не может быть производим»¹.

Об участии дьяков в судопроизводстве свидетельствует также текст Наказного списка постановлений церковного собора 1551 года. В нем, в частности, говорится: «А у бояр в суде седеши старостам поповским и пятидесяцкимъ, и десятцким по недѣлямъ по два и по три, да городцким старостамъ и целовалником, и земьскому дьяку, которым царь прикажет. И тѣм старостамъ и целовалником, и земьскому дьяку с тѣхъ судныхъ дѣлъ списавати противни слово в слово, да дрѣжати ихъ у себя, а к тѣмъ спискомъ дьяки руки свои прикладываютъ... Да тѣ судные списки дрѣжати у себя дьякомъ в ларце за боярскими печатми по государеву Судебнику, а подъячим ихъ не довати, доколе судные списки бояре перед святители положат и обоихъ исцовъ перед ними поставять»². Из приведенного отрывка видно, что именно дьякам принадлежала главная роль в судебном производстве.

С развитием во второй половине XVI века системы приказов роль дьяков в правотворчестве и в судопроизводстве стала ведущей. Историк И. И. Смирнов, исследовавший законодательный процесс в Русском государстве середины и второй половины XVI века, пришел к выводу, что «именно приказы, в частности, казначеи, фактически держали в своих руках московское законодательство как в подготовительной стадии — разрабатывая проекты законов (представляемые в виде „докладов“ на рассмотрение царя), так и в заключительных этапах законодательного процесса, где именно в руках казначеев находилось формулирование и редактирование текста законов на основе норм царского приговора»³. Дьяки являлись при этом помощниками казначеев. Именно они были хранителями юридических документов, а значит, и знаний действовавших законов.

Дьяки были, по всей видимости, главными составителями судебныхников. Русские летописи не сохранили сколько-нибудь ясных сообщений о том, каким образом и кем создавался Судебник 1497 года. Запись о введении его в действие, содержащаяся в тексте Типографской летописи, явно дефектная. В ней говорится, в частности, что

¹ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. С. 354.

² Наказной список постановлений Стоглавого Собора // Емченко Е. Б. Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 449.

³ Смирнов И. И. Судебник 1550 г. // Исторические записки. 1947. Том 24. С. 352.

«в лето 7006, фев[раля], князь великий Иванъ Васильевич посадилъ на княженіе вноука своего князя Дмитріа Ивановича. Того же лѣта князь великий Иванъ Васильевич¹ и околничимъ и всѣм соу-дьямъ, а уложилъ соудъ судити бояромъ по судебникуоу, Володимера Гусева писати»². После этих слов в оригинале Типографской летописи оставлено пустое место в несколько строк. Сотрудник Археографической комиссии С. П. Розанов, подготовивший оригинальный текст данного письменного памятника к изданию, предполагал, что здесь могла идти речь о том, что «В. Гусев был приставлен дьяком, так как по Судебнику полагалось «на судѣ бытии оу боярь и оу окольничихъ діакомъ»³. По мнению историка Л. В. Черепнина, упоминание о Гусеве в приведенной записи стало следствием случайного включения в текст Типографской летописи имевшейся в ее протографе пометы о необходимости записать вслед за словами о введении в действие Судебника сообщение о казни Владимира Гусева, которая последовала в декабре 1497 года⁴. Данное предположение подтвердил впоследствии историк А. Н. Насонов. Он обнаружил Троицкий летописец № 365, в тексте которого сообщение об аресте Владимира Гусева было отделено от записи о введении в действие рассматриваемого Судебника. О последнем событии здесь говорилось следующее: «Того же лета князь великий Иван Васильевич *придумал з бояры* и уложил суд судити и бояром околничим, *а у боярина и бытии диаку*. А судити по Судебнику *великого князя*»⁵.

Исследование правых грамот 90-х годов XV века дало Л. В. Черепнину основание для вывода о том, что наиболее вероятными составителями Судебника 1497 года были князь И. Ю. Патрикеев, а также дьяки: Василий Долматов, Василий Жук, Федор Курицын⁶.

¹ Здесь очевидный пропуск: после слов «князь великий Иванъ Васильевич», вероятно, шла фраза «суложил с дѣтми своими и с бояры о судѣ, как судити бояромъ».

² Полное собрание русских летописей. Т. 24: Типографская летопись. М., 2000. С. 213. Данное издание является репринтным: оно воспроизводит петроградское издание 1921 года.

³ Там же (см.: примечания).

⁴ См. подробнее об этом: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 289–306.

⁵ Цит. по: Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 384.

⁶ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 303–306.

§ 3. Судебники 1497 и 1550 годов как памятники русской юриспруденции

Судебник 1497 года ознаменовал своим появлением начало нового этапа в истории русского права и юриспруденции. Он создавался в качестве юридического сборника для всей Руси. Его содержание было составлено, *с одной стороны*, из материала предшествовавшего законодательства: уставных грамот, Псковской судной грамоты, Русской Правды, *с другой стороны*, из новых норм. С. В. Юшков насчитал в Судебнике 1497 года «40 ст[атей], т. е. около 3/5 всего состава Суд., не стоящих ни в какой связи с дошедшими до нас памятниками»¹. По его словам, «огромное большинство этих ст[атей] или определяют размер судебных судебных пошлин, или же трактуют о различного рода процессуальных моментах на основе типично Московской судебной практики»². Кроме того, источником Судебника 1497 года стало обычное право русского общества и судебная практика. Очевидно, что создание такого юридического сборника предполагало дальнейшее развитие практических навыков компиляции законодательного материала, способов его группировки, приемов модификации правовых норм, переработки их с целью приспособления к изменившимся социально-экономическим и политическим условиям. Вместе с тем решение данной задачи требовало совершенствования навыков правотворчества, умения формулировать новые правовые нормы. «Судебник был не только простой сводкой старого материала, — отмечал С. В. Юшков, — он был сборником, в котором уже с достаточной определенностью были провозглашены новые правовые принципы в Московском государстве. Конечно, нет кодификации без привнесения новых принципов, новых норм, новых институтов; очень часто бывает, что кодификаторы вливают новое вино в старые меха. Можно привести ряд примеров, когда кодификацией пользуются как предлогом для изменения существовавшей правовой системы. Но в Суд. 1497 г. пожалуй более, чем в другом каком-либо кодексе, проявляются реформирующие и правотворческие стремления законодателя»³.

¹ Юшков С. В. Судебник 1497 г. // Серафим Владимирович Юшков. М., 1989 (серия «Труды выдающихся юристов»). С. 402.

² Там же. С. 402–403.

³ Там же. С. 382.

Весь текст Судебника 1497 года состоит из преамбулы и тридцати шести нумерованных глав, выделенных в оригинале киноварными заголовками. М. Ф. Владимирский-Буданов при публикации в 1873 году текста Судебника во втором выпуске своей «Христоматии по истории русского права» разделил его на 68 статей¹. Такое деление с тех пор стало традиционным в историко-правовой науке. Уже из одних этих цифр ясно, что данный правовой памятник имел небольшой объем и ни в коей мере не мог охватить правовым регулированием всех сфер общественной жизни.

Текст Судебника 1550 года включал в себя сто статей² и был по своему объему в два с половиной раза больше Судебника 1497 года. Но и в его нормах многие стороны общественной жизни Московской Руси не нашли никакого отражения.

Причина данных пробелов в содержании судебных и других правовых памятников Московского государства часто усматривается историками в неразвитости русской юриспруденции. Историк Ф. В. Тарановский считал, что «такое объяснение нельзя признать ни достаточным, ни по существу правильным. Старые законодательные и юридические сборники никогда не задавались целью схватить и исчерпать все вопросы жизни, требующие правовой регламентации, и останавливались только на тех из них, которые в условиях времени и места почему-либо требовали нарочитого вмешательства закона или вообще писаного права; все же прочие отношения продолжали при этом регулироваться иными юридическими нормами, действовавшими наряду с законом; регулировались они неписаным правом, в море которого всякого рода правовые записи и законодательные акты являлись не более как отдельными разрозненными островами или даже островками»³.

Оценивая Судебник 1497 года, Н. Л. Дювернуа признавал, что он содержит настолько мало норм частного права, что если бы мы стали сравнивать «только количественно его положения с положениями Русской Правды, то оказалось бы, что после трех веков восточная Россия сделала очень заметный шаг назад; так скудны и бледны московские гражданские законы»⁴. На это обращал внимание также

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия по истории русского права. Вып. 2. Ярославль, 1873. С. 67–97.

² В некоторых списках Судебника 1550 г. дано деление текста на 99 статей.

³ Тарановский Ф. В. Предмет и задача т. н. внешней истории права // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. I. Белград, 1930. С. 81.

⁴ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России. С. 284.

историк М. А. Дьяконов, писавший, что названный юридический сборник «очень краток и беден содержанием даже по сравнению с Р. Правдой, не говоря уже о Псковской судной грамоте»¹. Данная особенность правовых памятников Московской Руси вполне объяснима. На практике отсутствие в судебниках целого ряда правовых институтов и норм восполнялось частными документами, оформлявшими те или иные сделки. В этих документах правоотношения сторон определялись в таких подробностях, что какой-либо общий закон оказывался здесь излишним. В качестве примера указанной ситуации Н. Л. Дювернуа приводил практику оформления завещаний и договоров заклада или залога, отмечая, что «частный человек в своей духовной так многосторонне и полно описывает всю сферу своих имущественных отношений и так ясно определяет обязанности наследника, что эти частные акты в самом деле заменяют собой закон. Но в одних ли вопросах наследственного права видна скудость законных постановлений? Далеко нет! Их также мало и для договоров, и здесь, стало быть, также частным актом надо восполнить эту скудость. Прежде чем явится какое-либо законное постановление о закладном праве, мы видим, что в частных сделках понятие заклада или залога давным-давно уже существует и всякий раз точнейшим образом фиксируется. Правда, что в этом образовательном процессе юридических институтов их трудно наблюдать. Они часто представляются слишком изменчивыми, неуловимыми, случайными»².

С другой стороны, следует отметить, что судебники были предназначены, главным образом, для регулирования наиболее важных сторон государственного управления и отправления правосудия. В заголовке, предпосланном основному тексту Судебника 1497 года, объявлялось: «ЛЕТА 7006-ГО МЕСЯЦА СЕПТЕМВРИА УЛОЖИЛ КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВСЕЯ РУСИ С ДЕТМИ СВОИМИ И С БОЯРЫ О СУДЕ, КАК СУДИТИ БОЯРОМ И ОКОЛНИЧИМ»³. Заголовок же Судебника 1550 года был следующим: «ЛЕТА 7000 ПЯТДЕСЯТ ОСМАГО ИЮНЯ ... ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВСЕА РУСИИ С СВОЕЮ БРАТЬЕЮ И З БОЯРЫ СЕСЬ СУДЕБНИК УЛОЖЫЛ: КАК СУДИТИ БОЯРОМ, И ОКОЛНИЧИМ, И ДВОРЕЦКИМ, И КАЗНАЧЕЕМ, И ДЬЯКОМ, И ВСЯКИМ ПРИКАЗНЫМ ЛЮДЕМ, И ПО ГО-

¹ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912. С. 211.

² Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. С. 218.

³ Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 54.

РОДОМ НАМЕСТНИКОМ, И ПО ВОЛОСТЕМ ВОЛОСТЕЛЕМ, И ТИУНОМ И ВСЯКИМ СУДЬЯМ»¹. Соответственно названному предназначению судебныхников и строилось их содержание. В нем находили свое место преимущественно такие нормы и делались такие поправки, которые способствовали усилению роли центральной государственной власти в общественной жизни.

Так, при составлении ст. 55 Судебника 1497 года, где регламентировался порядок ответственности купца в случае утраты данных ему в кредит товаров, за основу была взята ст. 54 Русской Правды Пространной редакции, содержание которой подверглось существенной переработке. Смысл внесенных при этом поправок проступает вполне отчетливо при одном только сравнении указанных статей.

Статья 54 Русской Правды: «Аже который купец, кде любо шед с чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть от лета платити, тако же платит, зане же пагуба от бога есть, а не виноват есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумы чюжь товар испортит, то тако любо тем, чии то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля»².

Статья 55 Судебника 1497 года: «А которой купец, идучи в торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утерается товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возметь, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печятию, платити исцеву истину без росту. А кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропиет или иным каким безумием погубит товар свой без напразднства, и того исцю в гибели выдати головою на продажу»³.

Сравнение приведенных статей показывает, что в то время как по Русской Правде просто устанавливалась обязанность купца платить, то Судебником 1497 года было введено правило о расследовании случая утраты товаров представителем государственной власти. Примечательно и то, что содержание нормы изложено в Судебнике в более императивной и категоричной форме, чем в Русской Правде. Видимо, полагая, что в новых условиях всякое религиозное обоснование излишне, составители Судебника исключили из заимствован-

¹ Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 97.

² Суд Ярославль ВолодимERIC Правда Русьская. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Том 1: Законодательство Древней Руси. М., 1985. С. 68.

³ Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 61.

ной ими нормы Русской Правды слова «зане же пагуба от бога есть, а не виноват есть».

Сопоставление текстов судебныхников между собою обнаруживает то же самое направление переработки правового материала, которое показывает сравнение приведенных статей Судебника 1497 года и Пространной редакции Русской Правды. Так, при формулировании статей 9–10 Судебника 1550 года было воспроизведено содержание статей 4–5 Судебника 1497 года, но при этом было определено наказание за правонарушение, которое ранее не устанавливалось. При составлении статьи 35 Судебника 1550 года было заимствовано содержание статьи 17 Судебника 1497 года с одним добавлением, согласно которому правомочие выносить судебное решение по делам о холопах и выдавать холопам отпускные грамоты предоставлялось, помимо боярина, также служащим государственного аппарата: дворянским и казначеям.

Тексты судебныхников 1497 и 1550 годов не показывают четкой системы расположения правового материала¹. Применительно к этим юридическим сборникам можно говорить лишь о группировке норм, касающихся одного и того же предмета. Так, в содержании Судебника 1497 года можно выделить четыре группы норм: 1) статьи с 1-й по 36-ю, посвященные центральному суду — боярскому и княжескому; 2) статьи с 37-й по 45-ю, регулирующие деятельность местного суда; 3) статьи с 46-й по 66-ю, содержащие нормы материального права; 4) статьи 67 и 68, добавленные к тексту Судебника уже после составления его основного проекта.

Группировка норм, относящихся к одному и тому же предмету регулирования, была осуществлена и при составлении Судебника 1550 года. При этом сводились в единый комплекс и включавшиеся в него нормы Судебника 1497 года, которые ранее не группировались. Так были, например, сгруппированы ст. 39 и 9 Судебника 1497 года. Они составили соответственно ст. 60–61 Судебника 1550 года. Одновременно была осуществлена определенная редакционная переработка данных статей.

Судебники не показывают даже простейшей группировки правовых норм по отраслям. Можно говорить лишь о некоторых попытках

¹ «Что касается системы судебныхников, — отмечал С. В. Пахман, — то в целом трудно уловить какую-либо определенную систему: статьи, относящиеся к одному предмету, разбросаны по разным местам, что в особенности относится к первому судебнику» (Пахман С. В. История кодификации гражданского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 203).

обособить уголовно-правовое содержание от гражданско-правового. Так, при формулировании ст. 87 Судебника 1550 года была воспроизведена без каких-либо существенных изменений ст. 62 Судебника 1497 года. При этом, однако, из ее текста была исключена фраза «и за рану присудят, посмотри по человеку и по ране и по рассуждению».

Самым распространенным способом расположения норм в тех или иных юридических сборниках Московского государства была организация его по хронологическому принципу, то есть по времени издания правовых норм. Данный принцип прямо провозглашался в ст. 98 Судебника 1550 года, в которой говорилось: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывать»¹.

Дополнительные статьи к Судебнику 1550 года сохранились в многочисленных его списках, составлявших во второй половине XVI века. Они касались самых различных предметов правового регулирования: долговых обязательств, наследования имущества, местничества при замещении должностей в государственном управлении, отдельных видов уголовных преступлений и т. д. Большая часть дополнительных статей была посвящена, однако, судебному процессу. По мнению С. В. Пахмана, «поводом к постановлению новых статей, сообразно естественному ходу развития законодательства, служили обыкновенно возникавшие в судебной практике новые дела и случаи, которые не могли быть решены на основании действовавших узаконений»². В таких ситуациях царю обыкновенно посылался запрос о том, каким нормам следовать при рассмотрении подобного дела. В ответ на этот запрос издавался указ, который в соответствии со ст. 98 Судебника 1550 года приписывался к его тексту. Указ мог быть издан в устной форме (чаще всего именно так и бывало): в этом случае дьяки приказа, которого данный устный указ касался, сами придавали ему письменную форму, изложив его содержание на бумаге в общепринятых для указов выражениях.

Если указ имел общенормативный характер, то его текст рассылался по всем приказам. Если же он регулировал более конкретное дело, то его передавали только в тот приказ, в ведении которого такого рода дела находились. Для записи дополнительных указов в приказах заводились специальные указные или уставные книги. Так, су-

¹ Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 120.

² Пахман С. В. История кодификации гражданского права. С. 207.

ществовала Указная книга Поместного приказа, включавшая указы по поместным и вотчинным делам, принятые во второй половине XVI — первой половине XVII века¹, Указная книга Ямского приказа², Уставная книга Разбойного приказа³ и др. Законодательный материал во всех указных книгах располагался в хронологическом порядке. В уставных же книгах отдельные указы группировались по предмету правового регулирования, но группы их излагались также в соответствии с хронологическим принципом.

Развитию русской юриспруденции в XV–XVII веках в огромной степени способствовало становление в рамках Московского государства системы письменного делопроизводства. Этот процесс нашел отражение в правовых памятниках. Первым свидетельством существования письменного делопроизводства в исторической литературе считается статья 10 Двинской уставной грамоты 1397–1398 годов, в которой устанавливался размер пошлин, взимавшихся в пользу наместника за скрепление грамоты печатью и дьяка за написание судебного документа. «А от печати наместником по три белки, — говорилось в названной статье, — а дьяком от писма от судные грамоты две белки»⁴. В тексте Судебника 1497 года термин «грамота» встречается уже многократно. Так, в статьях 15 и 40 упоминается просто правая грамота с печатью, в статье 17 — холопья правая грамота, статьи 18 и 42 посвящены правой «отпустной грамоте», статья 25 — правой «безсудной грамоте»⁵, статья 66 — «полной грамоте». В статье 16 речь идет о другой разновидности документа — «докладном списке» («А докладной список боярину печати своею печатью, а диаку подписывать. А имать боярину от списка с рубля по алтыну, а диаку от подписи с рубля по четыре денги, а подьячему, которой на списке

¹ См.: Указная книга Поместного приказа // Памятники русского права. Вып. 5: Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. / Под редакцией Л. В. Черепнина. М., 1959. С. 431–483.

² См.: Указная книга Ямского приказа // Там же. С. 539–547.

³ См.: Уставная книга Разбойного приказа. 1555–1556 // Памятники русского права. Вып. 4: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / Под редакцией Л. В. Черепнина. М., 1956. С. 356–370.

⁴ Двинская уставная грамота // Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 182.

⁵ Определение правой «безсудной» грамоты дано в ст. 9 Двинской уставной грамоты, в которой говорится: «А кто на кого челом бьет, дворяне и подвоиские позовут к суду, а он не станет у суда, и на того наместники дадут грамоту правую бессудную» (Двинская уставная грамота. С. 182).

напишет, с рубля по две денги»¹. Статья 24 называет «докладной список с великого князя докладу и с детей великого князя печатнику»².

Судебник 1550 года отразил в своем тексте более развитую степень письменного делопроизводства. Здесь шла речь не только о правых грамотах различного рода и докладных списках, но специально устанавливался порядок записи и хранения судебных документов. Описанию данного порядка была посвящена статья 28 Судебника, гласившая: «А которое будет дело судит царь и великий князь, или дети царя и великого князя или бояре, и которой суд не кончается, оставят его в обговоре, и дьяку исцовы и ответчиковы речи велети записать перед собою; или о чем ся пошлют на послешество, и дьяку³ велети то записывать перед собою ж; да те ему дела держати у себя за своею печатью, доколе дело кончается. А которые дела дадут дьяки подъячим с черна начисто переписывать, и дьяком к тем жалобницам и к делом по ставом руки прикладывати. А как подъячей с черна начисто перепишет дело, и дьяку те все дела справити самому, да к тем делом дьяку руку свою приложить; а держать те дела дьяку у себя за своею печатью. А подъячему у себя дел некоторых не дръжатит; а вымут у подъячего список или дело за дьячею печатью, а руки дьячей у того списка или дела не будет или у жалобницы, и тот список и пошлины и езд взятии на дьяке, а подъячего казнити торговою казною да выкинути ис подъячих, и ни у кого ему в подъячих не бытии»⁴.

О значительном возрастании к середине XVI века в Московском государстве роли письменного делопроизводства при ведении судебного процесса свидетельствует и статья 29 Судебника 1550 года. В ней предписывается: «А которые дела судят бояре, и тот суд велети записывать перед собою; а исцом у записки не стояти; а будет надобе на которое дело истца или отвещика спросити, ино его к себе позвать да, спросив его, от записки отослати. А как дело их дьяк запишет, и того дела перед истцы не чести, а прочести его бояром»⁵.

Статья 4 Судебника 1550 года устанавливает наказание в виде тюремного заключения тому дьяку, который «список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, без боярского, или без

¹ Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 56.

² Там же. С. 57.

³ Так в оригинальном тексте: в одном месте слово «дьяк» пишется через «я», в другом — через «а».

⁴ Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 101–102.

⁵ Там же. С. 102.

дворецкого, или без казначеева ведома, а обыщется то в правду, что он от того посул взял»¹.

В 1558 году Иван IV «приказал бояром своим словом», чтобы они присылали в Москву не свидетелей по тем или иным судебным делам, а записи свидетельских показаний. Какие списки губные старосты пришлют «за своими руками и за печатми, и за обыскных людей руками, — указал царь, — и по тем спискам и управа чинити, как в тех списках будет написано»². Отсюда следует, что письменное делопроизводство велось в то время и далеко за пределами стольного града Москвы.

§ 4. Понятийный и терминологический аппарат юриспруденции Московского государства

Развитие письменного делопроизводства неизбежно вело к появлению устойчивых канцелярских выражений, штампов, терминов. В рамках московских приказов в течение XV–XVI веков сформировался особый, деловой — «приказной» русский язык. Он отличался от языка летописей и повествовательных произведений, «во-первых, крайне ограниченным использованием славянизмов; во-вторых, специфическими терминами, устойчивыми сочетаниями слов и синтаксическими явлениями; в-третьих, почти полным отсутствием каких-либо приемов литературной отделки»³.

Отличие языка судебных документов, составлявшихся дьяками, от русского литературного (церковно-славянского) языка хорошо сознавал в свое время Андрей Курбский (1528–1583)⁴, писавший в предисловии к книге «Новый Маргарит» о том, что беспрестанное чтение им с юных лет судебных документов не позволило ему приобрести необходимые навыки писания сочинений на книжном языке («Азь же бояхся, иж от младости не до конца навыкохъ книжнаго словенскаго языка, понежь безпрестанне обращахся и лѣта изнуряхъ, за повелѣніемъ царевымъ, в чину стратилацкомъ, по томъ въ синглицкомъ, исправляхъ дѣла, овогда судебные, овогда

¹ Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 97.

² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л., 1986. С. 50–51.

³ См.: Улуканов И. С. О языке Древней Руси. М., 2002. С. 143.

⁴ О литературной деятельности Андрея Курбского см.: Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. М., 2003. С. 115–124.

совѣтническіе, многождо же и частократъ с воинствомъ ополчахся противъ враговъ креста Христова»¹). Обособлению «приказного» языка от церковно-славянского способствовало и господствовавшее в русском образованном обществе убеждение о неприемлемости использования церковно-славянского языка для написания деловых документов. Выражая данное убеждение, Киевский митрополит Петр Могила (1596–1647) в своем литературно-полемиическом трактате «Лифос», написанном для защиты православия от нападков латино-униатов и опубликованном на польском языке в Киеве в 1644 году, заявлял о том, что неправильно и непристойно было бы, если бы кто-нибудь в Сенате или Посольской избе говорил по-гречески или по-церковнославянски².

Тексты судебныхников 1497 и 1550 годов были изложены московским «приказным» языком. На его основе и сформировался новый понятийный и терминологический аппарат русской юриспруденции эпохи Московского государства. Его основу составили понятия и термины правовых памятников предшествовавших эпох, среди которых особое значение имела Русская Правда. Как известно, текст этого правового сборника был написан русским письменным языком, созданным на базе бытового русского языка, на котором говорили в городах Древней Руси. Указанный язык отличался от церковно-славянского языка, на котором были изложены воспринятые древнерусским духовенством византийские юридические тексты.

В исследованиях филологов по истории русского литературного языка, в которых затрагиваются проблемы формирования древнерусской юридической терминологии, часто выражается мнение о том, что диглоссия — одновременное существование в обществе двух письменных языков — приводила к тому, что понятийный и терминологический аппарат древнерусской юриспруденции формировался по двум руслам: одно из них представляли собой тексты, написанные на русском языке, другое — церковно-славянские тексты. В результате возникло два параллельных один другому ряда юридических терминов. Так, В. М. Живов отмечает в своей работе, посвя-

¹ «Новый Маргарит» кн. Курбского // Архангельский А. С. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI — перв. пол. XVII в. Приложения // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1888. Кн. 1. С. 13.

² ЛІФОС або KAMIEN Z PROCY PRAVDY CERKWIE SWIETEY PRAWOSŁAWNEY RVSKIEY // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском военном генерал-губернаторе. Киев, 1893. Ч. 1. Том 9. С. 375–376.

щенной древнерусской юридической терминологии, что «в этой области церковнославянские и русские лексемы последовательно противопоставлены, образуя целый набор коррелянтных пар — русские термины не встречаются в церковнославянских юридических текстах, церковнославянские термины не характерны для древнейших русских юридических памятников»¹. Подобной точки зрения придерживается и филолог Б. А. Успенский. Соглашаясь с Живовым, он пишет: «Действительно, русские термины, вообще говоря, могут употребляться в церковнославянских текстах, но они, как правило, не наблюдаются в корпусе церковнославянских юридических памятников, переведенных с греческого. Равным образом церковнославянские термины могут встретиться в русских текстах, но они нехарактерны — особенно на начальном этапе — для русских юридических кодексов. Это ограничение относится не к языку, а к определенной разновидности текстов»².

Задолго до В. М. Живова и Б. А. Успенского приведенную мысль высказал Б. О. Унбегаун — русский лингвист, проживавший в эмиграции³. В качестве примера раздвоения древнерусской юридической терминологии им приводились, в частности, термины «правда» и «закон». При этом Унбегаун констатировал, что в юридических текстах, написанных на русском языке, для обозначения понятия права или совокупности правовых норм использовался первый из них, в текстах на церковно-славянском языке — второй⁴. Проявлением такого же раздвоения в древнерусской юридической терминологии Унбегаун считал использование в текстах, написанных на русском языке, слова «обида», а в церковно-славянских произведениях — термина «проказа»⁵.

Факт существования в рамках древнерусской правовой культуры двух систем юридической терминологии является очевидным. Однако вряд ли правильно делать отсюда вывод о том, что «церковнос-

¹ Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 657.

² Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 106.

³ См.: *Unbegan B. Russe et slavon dans la terminologie juridique* // *Revue des etudes slaves*. 1957. V. 34. P. 129–135; *Unbegan B.O. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology*. Oxford, 1969. P. 176–184.

⁴ *Unbegan B.O. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology*. P. 180.

⁵ См.: *Unbegan B. «Le crime» et «le criminel» dans la terminologie juridique russe* // *Revue des etudes slaves*. 1959. V. 36. P. 47–58.

лавянские и русские лексемы последовательно противопоставлены, образуя целый набор коррелянтных пар», и что «русские термины не встречаются в церковнославянских юридических текстах», а «церковнославянские термины не характерны для древнейших русских юридических памятников». О противопоставлении церковнославянских терминов и терминов русского языка вполне можно было бы говорить, если бы данные термины образовывали «коррелянтные пары», то есть обозначали одно и то же юридическое понятие. Но в действительности этого не было и не могло быть.

Терминология церковно-славянского языка создавалась главным образом для обозначения понятий, выражающих различные аспекты религиозно-нравственной жизни человека и общества. Немецкий путешественник и лингвист Генрих Вильгельм Лудольф, пребывавший в России в 1692–1694 годах, опубликовал в 1696 году в Англии «Русскую грамматику». Он отмечал в этой книге, что «названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по каким научаются славянскому языку»¹. Содержание произведений церковно-славянской литературы показывает, что для восполнения подобных пробелов применялись, как правило, обиходные слова народного русского языка. Что же касается юридической терминологии текстов, изложенных на русском языке, — таких как, например, текст Русской Правды, — то в них большинство терминов, приспособленных для обозначения юридических понятий, возникли именно в рамках языка, на котором разговаривало в повседневной своей жизни население Древней Руси. Если же в народном русском языке отсутствовали подходящие для выражения каких-либо юридических понятий слова, то в этих случаях использовались отдельные термины церковно-славянских текстов.

Различия в происхождении и в предназначении между использовавшимися для выражения юридических понятий терминами церковно-славянского языка, с одной стороны, и терминами русского языка — с другой, неизбежно влекли за собой существенные расхождения и в их значениях.

Характер этих расхождений хорошо виден на примере двух вышеуказанных пар терминов, а именно: слов «правда» и «закон», «обида» и «проказа».

¹ Лудольф Г. В. Русская грамматика / Перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937. С. 114.

Тексты письменных памятников Древней Руси и Московского государства показывают, что термин «правда» используется в них для обозначения совокупности правовых норм, договора, присяги, обещания, честности, справедливости, истины¹. Термин же «закон» употребляется в значениях совокупности правовых норм, религиозного завета, религиозной веры и ее правил². Как видим, значения терминов «правда» и «закон» сходятся только в одном пункте, а именно: тогда, когда эти термины применяются в смысле совокупности правовых норм. Однако данное сходство лишь внешнее.

Рассмотрение конкретных случаев применения названных терминов в указанном смысле позволяет сделать вывод о том, что словом «правда» обозначались на Руси правовые нормы, установленные великокняжеской властью. Согласно Новгородской первой летописи младшего извода, «**правда**» — это то, что великий князь Ярослав дал новгородцам³, или то, что приняли Изяслав, Всеволод, Святослав и другие князья⁴.

Термин «закон», употребленный в смысле совокупности правовых норм, впервые встречается на Руси в тексте русско-византийского договора 911 года, который приводится в Ипатьевской летописи. В заключительной части этого договора говорится о том, что представители князя Олега клянутся перед византийским царем «по закону и по покону» своего народа⁵. Очевидно, что под термином «закон русский» здесь подразумеваются правовые нормы, сложившиеся

¹ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Том 2. Стлб. 1355–1359.

² См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Том 1. Стлб. 921–923.

³ «...А Ярослав идее къ Киеву, съде на столѣ отца своего Володимира; и абие нача вои свои дѣлитѣ, старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцомъ по 10 гривень всѣм, и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давъ имъ **правду**, и уставъ списавъ...» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 175).

⁴ «**Правда уставлена** Руской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволод, Святославъ...» (там же. С. 177).

⁵ «Мы же кляхомся къ царю вашему, иже от Бога суще, яко Божие здание, по **закону** и по покону языка нашего, не переступити нам ни иному от страны нашае от оуоставленныхъ главъ мира и любве» (ПСРЛ. Том 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стлб. 28). В Лаврентьевской летописи записан несколько иной вариант этой фразы: ««Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от Бога соуща, яко Бжѣ здание, по **закону** и по **закону** языка нашего, не престоупити нам ни и ому от страны нашае от оуоставленныхъ главъ мира и любви» (ПСРЛ. Том 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временныхъ лет. Л., 1926. Стлб. 37).

в народном быту и являющиеся частью народной традиции, то есть нормы действовавшего в русском обществе устного обычного права.

Сопоставление между собой терминов «обида» и «проказа» также показывает значительную степень различия их значений.

«Обидой» в древнерусских текстах называется оскорбление, а также действия, причинившие смерть или материальный ущерб. Иногда данным термином обозначается вражда или ущерб, причиненный войной¹.

В отличие от термина «обида», слово «проказа» применяется в памятниках древнерусской письменности, для обозначения не совершенного преступного действия или его последствия, а замышляемого в голове злодеяния². Любопытно, что церковно-славянский термин «проказа» встречается так же, как и термин «закон», в текстах русско-греческих договоров 911 и 944 годов, написанных, по признанию филологов, на таком же языке, на котором изложены различные варианты текста Русской Правды³. Данный факт показывает, что две системы юридической терминологии — церковно-славянская и терминология делового русского языка — с самого начала существовали не в обособленности одна от другой, а в тесном взаимодействии. Церковно-славянские термины стали утверждаться в сфере русского делового языка уже в X веке. Постепенное их проникновение в систему светской юридической терминологии продолжалось на протяжении всей эпохи Древней Руси.

Однако по-настоящему широким применение церковно-славянских терминов для выражения юридических понятий в текстах, написанных на русском деловом языке, стало только в эпоху Московского государства. Эволюция социально-экономических отношений, создание Русского централизованного государства, усиление роли центральной государственной власти в области правосудия, развитие системы письменного делопроизводства — все это требовало обновления и расширения системы светской юридической терминологии. Использование церковно-славянских терминов оказывалось в этих условиях наиболее эффективным способом решения

¹ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том 2. Стлб. 502–504.

² См.: там же. Стлб. 1534.

³ По словам Б. А. Ларина, указанные договоры «надо рассматривать как документы, отражающие состояние русского языка в X веке, конечно, не в его полном объеме, а в одном только типе языка юридического, дипломатического, правового, или, как шире стали его называть, языка делового» (*Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975. С. 44).

данной задачи. *Во-первых*, за прошедшие столетия в русский деловой язык перешло много церковно-славянских слов — так что накопился большой опыт применения терминов одной языковой системы в рамках другой. *Во-вторых*, церковно-славянские термины, как правило, не имели синонимов в русском деловом языке и поэтому при своем внедрении в его лексику не испытывали никакой конкуренции. *В-третьих*, указанные термины, как правило, не были новыми для людей, составлявших светские юридические сборники и применявших на практике их нормы. *В-четвертых*, термины церковно-славянского языка несли в себе определенное религиозное содержание, а потому более эффективно могли воздействовать на сознание людей. *В-пятых*, по сравнению с русским деловым языком церковно-славянский язык имел в своем составе значительно большее количество абстрактных, а значит, и более пригодных для выражения юридических понятий терминов.

Таким образом, слова церковно-славянского языка, внедренные в аппарат светской юридической терминологии, не только количественно расширяли объем данного аппарата, но и придавали ему качественно иные свойства. В ряде случаев они заменяли собой прежде употреблявшиеся для обозначения юридических понятий исконно русские слова.

Так, произошло, например, с термином «видок», обозначавшим очевидца преступления. Данный термин использовался в Русской Правде (в ст. 2 Краткой редакции текста по Академическому списку¹ и ст. 29 Пространной редакции²). Наряду с ним здесь употреблялся и термин «послух». Он присутствовал в статье 30 Краткой редакции Русской Правды («Аще же приидеть кровав муж любо синь, то не искати ему **послуха**»³), но эта статья, скорее всего, являлась более поздней вставкой.

О «послухе» говорилось в целом ряде статей Псковской судной грамоты⁴. Вместе с тем в статье 56 данного правового сборника упо-

¹ «Или будеть кровав или синь надъражен, то не искати ему **видока** человеку тому...» (Российское законодательство X–XX веков. Том 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 47).

² «Аже придеть кровав муж на двор или синь, то **видока** ему не искати, но платити ему продаю...» (там же. С. 65).

³ Там же. С. 48.

⁴ См., например: ст. 22 («А на которого **послуха** истец послется, и **послух** не станет, или став на суде не договорит в ты ж речи, или переговорит, ино тот **послух** не в **послух**, а тот не доискался»), а также ст. 20, 21, 23, 24 (Российское законодательство X–XX веков. Том 1. С. 333).

минались «свидетели»¹. Данный термин нашел свое применение и в судебниках. Статья 47 Судебника 1497 года гласила: «А кто купит на чужей земли что, а поймаются у него, и толко у него **свидетелей** два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались, и целования ему нет; а не будет у него **свидетелей**, ино ему правда дати»². О «свидетелях» шла речь и в статье 95 Судебника 1550 года: «А в служебном походе, кто у кого купил лошадь, и кто у него за ту лошадь поимается, и тот, хто купил, поставит свидетелей человек пять или шесть на того, у кого купил, а запрется тот, у кого он купил, ино им суд»³. Употребляя термин «свидетели», судебники не отказывались от применения термина «послух». О послухе говорилось, в частности, в статье 48 Судебника 1497 года, которая следовала за статьей, посвященной свидетелям. Статья 67 названного правового памятника, предписывающая, чтобы послухам, «не видево, не послушествовати», проливает свет на смысл, вкладывавшийся в термин «послух». Под ним явно подразумевался очевидец правонарушения.

Термин «свѣдѣтель» являлся по своему происхождению термином церковно-славянского языка. Приведенные примеры показывают, что, *во-первых*, в аппарат светской юридической терминологии он вводился постепенно, а *во-вторых*, будучи введенным в него, получил в его рамках значение, которого не имело ни одно слово русского делового языка. Термином «свидетель», как явствует из содержания статьи 47 Судебника 1497 года и статьи 95 Судебника 1550 года, стало обозначаться лицо, призванное удостоверить сделку купли-продажи. Такое же значение придавала свидетелям Псковская судная грамота. Сам факт появления фигуры «свидетеля» на страницах названных правовых памятников служит явным свидетельством произошедшего в их времена усложнения юридического быта русского общества. Вместе с тем — это самый яркий, пожалуй, пример благотворного влияния церковно-славянской терминологии на развитие в России светской системы юридических понятий и терминов.

Помимо этого можно привести множество других примеров внедрения церковно-славянской лексики в состав делового русского

¹ «...А не будет у коего **свидетелей**, ино ему правда дати, а то(т) не доискала» (там же. С. 337).

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 60.

³ Там же. С. 119.

языка. Так, в Русской Правде понятие движимого и недвижимого имущества обозначалось термином «дом». «Аже кто умирая разделить **дом** свои детем...»¹, — говорилось в статье 92 Русской Правды Пространной редакции. В некоторых правовых памятниках имущество могло обозначаться и как «живот». Указанным терминам народного русского языка соответствовали церковно-славянские термины «имение» или «стяжание». Утверждение данных терминов в документах, написанных на деловом русском языке, также происходило в эпоху Московского государства.

Развивавшаяся в указанную эпоху светская система юридических понятий и терминов расширялась и обогащалась не только за счет лексики церковно-славянского языка, но и благодаря многочисленным заимствованиям из словаря западнорусского языка. Одно из таких заимствований составлял термин «статькъ». Данный термин встречается в статьях 8, 10, 11, 13, 39, 60 Судебника 1497 года, присутствует он и в Судебнике 1550 года (ст. 52, 92). Смысл термина «статькъ» раскрывается в том контексте, в котором он употребляется. Так, в статье 10 Судебника 1497 года говорится: «А не будет у того татя статка, чем исцево заплатитъ, ино его бив кнутиемъ, да исцу его выдать въ его гибели головою на продажу, а судье не имати ничего на нем»². Статья 92 Судебника 1550 года гласит: «А которой человек умрет без духовной грамоты, а не будет у него сына, ин остаток весь и земли взятии дочери; а не будет у него дочери, ино взятии ближнему от его роду»³. Из этих примеров очевидно, что рассматриваемый термин обозначал имущество или наследство⁴.

Первое упоминание термина «статькъ» в русских деловых документах датируется 1449 годом. В указанном году был заключен договор между Московским государством и Литвой. В тексте, изложенном на русском языке, содержалась следующая фраза: «А которые люди выведены отколе невольню, <...> ино ихъ отпустить добровольно зъ их **статьки** к ихъ местомъ»⁵. По словам венгерского специалиста по истории западнорусского языка А. Золтана, «Для великорусского делового языка середины XV в. слово *статок* является новым

¹ Российское законодательство X–XX веков. Том 1. С. 70.

² Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 55.

³ Там же. С. 119.

⁴ См. о термине «статькъ» также: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Том 3. Стлб. 509.

⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подготовил к печати Л. В. Черепнин / Отв. ред. С. В. Бахрушин. М.–Л., 1950. С. 15.

словом, между тем как в западнорусском оно имело более древнюю традицию употребления, и, судя по фиксации слова в Киевской летописи, а также по широкому распространению этого слова в современных украинском и белорусском языках, в Западной Руси оно имело поддержку и со стороны разговорного субстрата. В великорусском, наоборот, это слово распространилось канцелярским путем и оставалось до конца своего существования типичным канцеляризмом, как об этом свидетельствует его дальнейшая судьба¹.

Период, охватывающий XIV–XVI века, стал для русской юриспруденции временем формирования новой знаковой системы. Данная система вбирала в себя юридический понятийный и терминологический аппарат предшествовавших эпох, она обогащалась лексикой, сложившейся в рамках церковно-славянского языка, впитывала в себя юридические термины западно-русского языка. Тем самым создавались важнейшие предпосылки для дальнейшего развития русской юриспруденции.

¹ Золтан А. Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // Из истории русской культуры. Том 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 787.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Основные черты юриспруденции западно-русского государства (Великого княжества Литовского)

Юриспруденция западно-русского государства, носившего название Великого княжества Литовского, была так же, как и юриспруденция Московского государства, результатом дальнейшего развития древнерусской юриспруденции. Образовавшееся во второй половине XIII века Великое княжество Литовское являлось государством, в котором русское население преобладало как по численности, так и по уровню культурного развития. Русский ученый и литератор Н. И. Надеждин писал в связи с этим, что при возникновении данного государства победила не Литва, а ее *название*¹. Не случайно Литовское княжество часто называется в исторической литературе «Литовско-Русским государством».

Определяя историческое значение Великого княжества Литовского, профессор М. К. Любавский писал: «Прежде всего надо иметь в виду, что в настоящем случае приходится иметь дело с государством, которое во время оно объединяло добрую половину Руси. На образование великого княжества Литовского пошла не только область, населенная литовским племенем. Но и старинные русские земли в бассейнах З. Двины и Днепра — Полоцкая, Смоленская, Чернигово-Северская, Киевская и Волынская. Это была исконная Русь, сидевшая на старом корню, медленно эволюционировавшая, но не срывавшаяся с своих жизненных устоев, — в противоположность Руси Суздальской, которая, расселившись по верхней Волге и ее притокам, устроила там свою жизнь на новых основаниях, отличных от Приднепровской и Подвинской Руси. Правда, Подвинская и Поднепровская Русь подчинилась власти литовских князей. Но при этом подчинении западная Русь не только не теряла своего исторического наследия, но и передавала его господствующей земле, которая сама во многом устраивалась по образцам этой Руси, вводи-

¹ См.: Журнал Министерства внутренних дел. 1843. № 3. С. 230.

ла у себя русский язык, русские учреждения, русское право и даже русскую веру. Вследствие всего этого и история Литовско-Русского государства является в известном смысле прямым продолжением, дальнейшим развитием истории Киевской Руси. В жизни Литовской Руси можно подметить гораздо больше традиций, архаических черт киевского периода, чем в жизни Суздальской Руси»¹.

Историк А. Е. Пресняков говорил в своих лекциях, которые читал в Санкт-Петербургском университете в 1908—1910 годах: «Здание первой литовской государственности было построено на русской (исторически и этнографически русской) территории; ее первым центром был русский Новгородок, ставшим Новгородком-Литовским. Начала организации военного дела, культуры, нужные для разрешения политических задач, были унаследованы строителями литовской государственности у русской народности, точнее, не унаследованы, а восприняты, вместе с вовлечением русских сил, признававших литовскую власть, в общую творческую деятельность»².

Факты свидетельствуют, что вплоть до XVI века на территории Великого княжества Литовского сохранялись древнерусские традиции общественной жизни³. Соответственно этому живучи были и культурные традиции Древней Руси.

Официальным языком Великого княжества Литовского выступал русский язык. На нем велось делопроизводство, писались законодательные акты. В течение XV—XVI веков происходила эволюция данного языка: он менялся, в него переходили слова и речевые обороты из церковно-славянского языка, внедрялись элементы польского языка⁴. Однако в документах того времени он продолжал именоваться русским. «А писар земский мает по-руску литератми и словы

¹ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 1.

² Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Том 2. Вып. 1: Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 53.

³ См. об этом: Хорошкевич А. Л. Сословное землевладение украинских и белорусских земель XIV — начала XVI века и древнерусские традиции // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 203—204; Бычкова М. Е. Сословная структура правящего класса и III Литовский Статут // Третий Литовский Статут 1588 года. Вильнюс, 1989. С. 137—138.

⁴ Микулич Т. Н. Особенности этноязыкового развития Белоруссии XIII—XVIII вв. как проявление специфики культурной жизни // Наш Радавод. Материалы международной научной конференции по региональной истории Восточной Европы «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии. XIII — нач. XX вв.». Гродно, 1991. Кн. 3. Ч. 3. С. 417—422.

русскими вси листы, выпиши и поэвы писати, а не иным языком и словы»¹, — гласил артикул 1 раздела 4-го Статута Великого княжества Литовского 1588 года.

Сохраняя культурную традицию Древней Руси, Литовское княжество сохраняло тем самым и традицию правовую. На его территориях продолжали действовать нормы древнерусского права, выражавшиеся как в обычаях, так и в письменных юридических сборниках. А. В. Семенов писал, сравнивая между собой законодательные акты Московской Руси и Литовского княжества: «Судя токмо по времени издания сих законов надлежало бы полагать, что законы восточной Руси, предшествуя законам Руси западной, служили для сих последних как бы источником, но ближайшее соображение сих узаконений и грамот данных областям Литовского княжества ведет к заключению, что обычное Русское право в 15, 16 и 17 столетиях постоянно сохранялось одинаково как в восточной, так и в Западной Руси, и потому сходство сих прав, усматриваемое в Уложении 1649 г. и в Литовском статуте 1588 г., свидетельствует не одну простую выписку статей подобных из другого узаконения, но что законы сии заимствованы из одного родного источника, то есть из обычного русского права, общего тогда как западной, так и восточной Руси»².

Исследование текстов правовых актов Великого княжества Литовского позволяет сделать вывод о том, что в судебной практике этого государства в XV веке широко применялись нормы «Русской Правды»³. А в деловой и юридической письменности использовались понятия и формулы древнерусского права⁴.

Продолжение действия в Литовском княжестве древнерусского права означало сохранение и выработанных в Древней Руси приемов обработки правового материала, формулирования и толкования правовых норм, способов их систематизации и т. п. Естественно, что с течением времени они изменялись, но в общих своих чертах юриспруденция Великого княжества Литовского сохраняла преемствен-

¹ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989. С. 140.

² Семенов А. В. О сходстве древних узаконений восточной и западной Руси // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 19. М., 1854. С. XI.

³ См. об этом: Максимейко Н. А. «Русская Правда» и литовско-русское право. Киев, 1904.

⁴ См.: Третий Литовский статут 1588 года. Вильнюс, 1989. С. 156.

ность с древнерусским законоискусством и имела большое сходство с юриспруденцией Московского государства.

Если для юриспруденции Московской Руси крупными вехами в исторической эволюции были Судебник 1497 года, Судебник 1550 года, Соборное Уложение 1649 года, то для юриспруденции западно-русского государства — Великого княжества Литовского такими вехами являлись: Судебник 1468 года, Статут 1529 года, Статут 1566 года, Статут 1588 года.

Подобно юриспруденции Древней Руси и Московского государства, юриспруденция Литовского княжества носила прикладной, практический характер. Она не обособлялась от народной культуры в такой мере, как западноевропейская юриспруденция. Язык западно-русской юриспруденции это, в основном, народный язык — язык, на котором говорила большая часть населения Литовского княжества. Речевой словарь его был уже во второй половине XV века «достаточно богат для выражения весьма сложных юридических понятий»¹. Подканцлер Лев Сапега писал в «Обращении ко всем сословиям Великого княжества Литовского», представляя Статут 1588 года, что «народу стыдно права своего не знать, особенно нам, которые не чужим каким языком, но своим собственным права записанные имеем и в каждое время что нам необходимо к отражению всякой обиды можем знать»².

В «Привилее на исключительное право Льва Сапегу издавать Статут Великого княжества Литовского», данном 11 февраля 1588 года Сигизмундом III, королем польским и великим князем литовским, русским, прусским, жомойтским, мазовецким, инфляндским и т. д., объявлялось о том, что Льву Сапеге поручена забота «печатадения и издания законов и статутов Великого княжества Литовского на польском и *русском* языках» (курсив мой. — В. Т.).

Юриспруденция Литовского княжества так же, как юриспруденция Древней Руси и государства Московского, развивалась своим самобытным путем. Римское право, сыгравшее важнейшую формообразующую роль в эволюции юриспруденции в странах Западной Европы, не оказало на западно-русскую юриспруденцию скольконибудь значительного влияния.

Но особенности социально-экономического, политического и культурного развития западно-русского государства — Литовского княжества, связанные в огромной мере с его географическим поло-

¹ Пичета В. И. Белоруссия и Литва. XV–XVI вв. М., 1961. С. 631.

² Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. С. 350.

жением, обусловили, однако, и специфические черты его юриспруденции по сравнению с юриспруденцией как Древней Руси, так и Московского государства.

Прежде всего, в отличие от них, юриспруденция Великого княжества Литовского испытывала на протяжении своего развития значительно более сильное воздействие западноевропейской правовой культуры. Это воздействие заметно, например, в представлениях Льва Сапегы о том, как создаются права высших сословий в Литовском княжестве, и о правовом характере власти главы государства. «И правильно за правду имеем, за что господу Богу благодарны, — заявлял он, обращаясь к сословиям Великого княжества Литовского, — что под властью королей их милости и великих князей, панов наших ту власть и вольность в руках своих имеем, а права сами себе создаем, как наиболее можем вольность свою во всем оберегаем. Ибо не только сосед и совместный наш житель в отечестве, но и сам государь пан наш никакого верховенства над нами употреблять не может единственно столько, сколько ему право допускает»¹.

Содержание Литовского статута 1588 года показывает зачатки идей разделения властей, государственного суверенитета и естественного права. По мнению историка права Ю. Бардаха, Великое княжество Литовское только в XVI веке «оказалось в большей степени в сфере воздействия культуры Запада»². Но факты позволяют отнести данное влияние и к более раннему периоду. По словам историка И. П. Старостиной, исследовавшей литовское правотворчество XV века, «рассмотрение некоторых его идей на основе сохранившихся правовых источников в контексте истории соседних государств уже в первом приближении открывает знакомство литовских юристов с современными общеевропейскими правовыми идеями, показывает его творческий подход, умелое приспособление новых принципов к реальной жизни»³.

Каналы, по которым шло воздействие западноевропейской правовой культуры на юриспруденцию Великого княжества Литовского, были различными. *Во-первых*, элементы указанной культуры перетекали в последнюю в процессе рецепции немецкого (магдебург-

¹ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. С. 350.

² Бардах Ю. Литовские статуты — памятники права периода Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 79.

³ Старостина И. П. К вопросу об отражении в III Литовском статуте 1588 г. прогрессивных идей литовского правотворчества XV в. // Третий Литовский статут 1588 года. Вильнюс, 1989. С. 156.

ского) права. *Во-вторых*, западноевропейская правовая культура распространялась в Литовском княжестве через систему образования. В течение XVI–XVII веков на территориях Великого княжества Литовского открывается целый ряд специальных юридических учебных заведений, в которых прямо преподавались элементы римского, саксонского, магдебургского права — причем в том виде, в каком они действовали в Западной Европе. Кроме того, западноевропейскую юриспруденцию изучали в существовавших здесь кальвинистских и арианских школах.

Наиболее мощный канал воздействия западноевропейских идей на правовую культуру Великого княжества Литовского составляли, однако, не местные, а иностранные учебные заведения. А. С. Лаппо-Данилевский писал, что «новая образованность стала распространяться здесь не столько через посредство школ, сколько благодаря личным сношениям и чтению „подозрительных“ книг: польская и литовская молодежь охотно посещала заграничные центры образованности, а писатели прибегали к литературным заимствованиям»¹. В университетах Западной Европы обучались, в частности, Франциск Скорина, А. Волан, А. Олизаровский и другие видные белорусские мыслители, являвшиеся проводниками западноевропейских правовых идей в духовную культуру Литовского княжества.

В-третьих, нельзя не отметить и роль местных библиотек в распространении на литовскую юриспруденцию влияния западноевропейской правовой культуры. В них большое место занимала юридическая литература, книги видных западноевропейских правоведов, комментарии к Дигестам Юстиниана.

В Великом княжестве Литовском, в отличие от Московии, существовали одновременно две церковные организации — католическая и православная. В связи с этим в западно-русских правовых памятниках закреплялся принцип веротерпимости. Он провозглашался, в частности, в артикуле 3 раздела 3 Статута 1588 года: «А так как в Речи Посполитой существует не малая рознь в отношении веры христианской, предупреждая то, чтобы по этой причине между людьми столкновения какие-либо вредные не начались, которые в иных королевствах ясно видим, обещаем то себе совместно за нас и за потомков наших на вечные времена под обязанностью присяги, под верою, честью и совестью нашей, что мы, которые являемся разными в вере, мир между собой сохранять, а в связи с разностью веры

¹ Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 30.

и отличия в церквях крови не проливать и не наказывать отчуждением имущества, лишением чести, тюремным заключением и изгнанием, и ни какому верховенству, ни вряду, к таковому поступку никаким способом не помогать, и наоборот, где бы ее кто проливать хотел, по той причине будем защищаться, о том все будем обязаны хотя бы также под страхом осуждения либо за каким судебным действием кто бы то хотел учинить»¹.

Закрепление в правовых памятниках Великого княжества Литовского принципа веротерпимости не означало, что западно-русская юриспруденция была свободна от влияния религиозной культуры. Статут 1588 года призывал следовать «христианскому долгу», жить в соответствии с христианской этикой, проникнутой уважением, любовью к человеку. Артикул 31 заключительного — четырнадцатого — раздела Статута гласил: «Устанавливаем, желая это иметь на вечные времена, чтобы подданные наши, проживающие под властью нашей, жили почтительно и не искали мерзкой корысти, противной Богу и честным людям»². «Также устанавливаем, — говорилось в артикуле 18 первого раздела, — что никто ни за чей поступок не должен быть осужден и наказан, только тот, который в чем сам виновен будет, когда ж тому право божеское и справедливость христианская учит»³. Артикул же 16 третьего раздела, определяя того, кто может назначаться опекуном оставленного бесхозным по какому-либо случаю имения, специально указывал, что это должен быть человек не просто «хороший», «расторопный», «честный», но и «набожный».

Еще более интересный пример использования религиозной нормы в целях исправления общественных нравов литовскими законодателями демонстрирует артикул 7 одиннадцатого раздела Статута 1588 года: «А если бы случилось родителям свое дитя убить не случайно и не за вину, но умышленно, тогда таковой отец или мать должны быть за то наказаны годом и шестью неделями заключения в замке нашем в башне, а отсидев год и шесть недель, должен еще на году четырехкратно при церкви, при костеле какого вероисповедания христианского будет, приносить покаяние и исповедоваться в явном грехе своем перед всеми людьми христианского собрания»⁴. «Сожалением явным каяться перед господом Богом и принести по-

¹ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. С. 364.

² Там же. С. 454.

³ Там же. С. 355.

⁴ Там же. С. 428.

каание» должен был совершивший проступок и согласно артикулу 15 того же раздела Статута¹. Религиозное покаяние было характерно для древних правовых памятников. В данном случае любопытно, что оно имеет место в такую сравнительно позднюю эпоху, как XVI столетие.

Русский правовед Н. Л. Дювернуа, анализируя Статут Великого княжества Литовского 1588 года, отмечал отсутствие в нем принципа равенства: «Возможно ли найти в этом статуте юридические определения, формулирующиеся абстрактно, как в законах вольных северных территорий, на псковитянина, новгородца? Их вовсе нет в литовском статуте. Наименование литвина, литовца совсем не встречается в юридической терминологии этого памятника. Там есть князья, дворяне, духовные лица, шляхта, мещане, гости, евреи, татары, крепостные, данные люди, челядь, рабы. У всякого своя правоспособность, но общей нет, как ее не было на Западе в эпоху феодального права»². Между тем, принцип равенства, разрушавший сословные перегородки, в Статуте 1588 года уже появился, пусть и в зачаточном виде, и появился во многом благодаря христианской религии, тесному сплетению религиозной этики с юриспруденцией.

Н. Л. Дювернуа не обратил внимания на присутствующую в тексте Статута 1588 года еще одну категорию населения — «христианин». Хотя данная категория применялась нередко для установления разделения по религиозному признаку — между христианином, с одной стороны, и евреями с татарами — с другой, в нем исчезал злополучный сословный критерий. Артикул 14 девятого раздела Статута устанавливал, что «свидетели по земельным спорам и о доказательствах владения земель, так же и по любому делу, не могут к свидетельству допущены быть евреи, только люди христианской веры **всякого** сословия...» (выделено мною. — *В. Т.*). Подобная норма содержалась и в артикуле 76 четвертого раздела Статута 1588 года.

Влияние религиозной культуры на правовые памятники способствовало появлению в них не только идеи равенства, но и свободы. Артикул 9 двенадцатого раздела Статута Великого княжества Литовского 1588 года запрещал еврею и татарину занимать должности в администрации и иметь в неволе христиан. «А если бы который из них купил христианина в вечную неволю, таковой деньги теряет, а тот христианин должен быть свободным»³.

¹ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. С. 430.

² Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. СПб., 1902. Том 1. С. 207–208.

³ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. С. 396.

Различия в религиозной вере, а значит, и в психологии, стереотипе поведения, добавленные к различиям классовым, социально-экономическим и политическим, могли на практике вести к усугублению его эксплуатации. Статут Великого княжества Литовского учитывал данное обстоятельство. Он принимал во внимание также и то, что различие в вере могло влечь за собой излишнюю жестокость и в отношениях между управляющим и управляемым. Поэтому он препятствовал занятию должностей иудеями и мусульманами в стране, где население в подавляющей массе было христианским.

Как и в Московском государстве, в Великом княжестве Литовском юриспруденция развивалась главным образом по линии совершенствования практических навыков систематизации правового материала, способов группировки, классификации юридических норм, их модификации, приспособления к изменяющимся общественным условиям. Сравнительный анализ юридической техники таких правовых памятников Великого княжества Литовского, как Судебник 1468 года и Статут 1529 года, показывает, что за шесть десятилетий западно-русская юриспруденция сделала скачок в своем развитии. В первом из названных правовых памятников сколько-нибудь стройной системы правового материала не просматривается. Юридические нормы располагаются скорее случайно, нежели в каком-либо систематическом порядке¹. Статут же 1529 года имел уже вполне стройную систему. При ближайшем рассмотрении в ней можно увидеть даже зачатки классификации правовых норм по отраслям. Так, первые два раздела — это государственное право, четвертый и пятый — наследственное, седьмой, двенадцатый и тринадцатый — уголовное и т. д.²

Столь же существенные перемены в западно-русской юриспруденции происходили и после издания Статута 1529 года. Сравнивая юридическую технику этого правового памятника с юридической техникой Статута 1566 года, И. И. Лаппо писал, что последний представляет собой «такую переработку первого Статута, что заслуживает признания его кодексом, знаменующим собою новую эпоху в истории законодательства Литвы»³. По словам белорусского историка права И. А. Юхо, в Литовском княжестве «с принятием Статута

¹ См. об этом: *Jakubowski J.* Studya nad stosunkami narodowosciowemi na Litwie przed unia Lubelska. Warszawa, 1912. S. 72–73.

² См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960.

³ *Lanno И. И.* Литовский статут 1588 года. Каунас, 1934. Том 1. С. 134.

1566 г. кодификация и систематизация собственного законодательства в значительной степени опередила подобные работы в других феодальных государствах»¹.

Западно-русская юриспруденция имела в XVI веке значительно более сильную и ярче выраженную тенденцию к теоретизации юридического знания, нежели современная ей юриспруденция Московского государства. Высокий уровень систематизации действующего права, которым отличались литовские статуты XVI века, предполагал широкое использование научных приемов организации правового материала. Не случайно, что в создании названных памятников права принимали участие, помимо канцелярских служащих и духовных лиц, ученые-юристы, получившие подготовку в западно-европейских университетах. Так, по некоторым данным, в разработке проекта Статута 1529 года участвовал знаменитый белорусский просветитель Франциск Скорина². Для разработки Статута 1566 года, согласно привилею Сигизмунда Августа, образовалась комиссия, в которую входили: «особы певные, рады наши, маршалкове, врядники земские, хоружие и иные особы роду и народу шляхетского и *доктори прав чужоземских*...»³ Среди последних И. И. Лаппо выделял Петра Роизия — «гишпана», первоклассного юриста, руководителя «школы права гражданского, римского, саксонского, литовского»⁴. Статут Великого княжества Литовского 1588 года создавался, как это признавал в своем «Привилее...» от 11 февраля 1588 года король Сигизмунд III, «при многих содействиях ученийших мужей, сведущих в законах».

В изданном 11 февраля 1588 года «Привилее на исключительное право Льва Сапеги издавать Статут Великого княжества Литовского» король Сигизмунд III признавал, что принял решение «напечатать и издать» «законы и статуты Великого княжества Литовского» потому, что «на этом зиждется основа власти речи посполитой, постоянство человеческого общества и зажиточность населения», а также по той причине, что «из рукописных законов возникает некая **трудность познания права** и вредное разнообразие в большом количестве» (выделено мною. — *В. Т.*).

¹ Юхо И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Минск, 1978. С. 65.

² См. об этом: Юхо И. А. Хто складаў Літоўскі Статут // Беларусь. 1958. № 3. С. 31.

³ Цит. по: Лаппо И. И. Литовский статут 1588 года. Том 1. С. 40–41.

⁴ Там же. С. 40.

В течение XVI века в Великом княжестве Литовском вышло шестнадцать книг, посвященных праву. А в первой четверти XVII века — еще девятнадцать¹. Наиболее значительным из этих сочинений был труд «Решения П. Роизия, королевского юрисконсульты, по спорам, рассмотренным в судебных заседаниях Литвы и апелляционные приговоры», изданный в Кракове в 1563 году.

Примечательной уже по своему названию являлась и напечатанная в 1663 году книга Е. Тышкевича-Скуминовича *«О праве личностей или католическое объяснение первой книги кодекса Юстиниана в теологическом, естественном и политическом смысле и в соответствии с европейским обычным правом»*. Название книги не было случайным: если практическая юриспруденция Литовского княжества отличалась самобытностью, то возникавшая здесь теоретическая юриспруденция формировалась преимущественно за счет элементов правовой культуры, выработанных в западноевропейском обществе.

Круг ученых-правоведов в Литовском княжестве был слишком узким и состоял в основном из тех, кто получил образование в Западной Европе. В связи с этим в эволюции западно-русской теоретической юриспруденции XVI–XVII веков наблюдалась закономерность, проявившаяся позднее и в развитии юриспруденции в России. А. С. Лаппо-Данилевский характеризовал ее следующими словами: «В самом деле, произведения нашей литературы XVII–XVIII веков, касавшиеся правоправедения и политики, были в большинстве случаев продуктами заимствований, иногда довольно сложных, а не результатами оригинального и непрерывного творчества собственно русской мысли или попытками последовательной и дальнейшей ее разработки. Такие произведения слишком мало влияли друг на друга; они большей частью не оказывались звеньями одного и того же эволюционного ряда; большинство их представляет только внешнюю последовательность: каждое из них зависело от одного из моментов развития западноевропейской мысли и, становясь в значительной мере ее функцией, слишком мало обуславливало возникновение последующих продуктов подобного же рода. С такой точки зрения, вглядываясь в процесс развития старинного нашего правосознания, приходится назвать его скорее эпигенезисом, чем развитием»².

¹ См.: Анушкин А. На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970. С. 13.

² Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. С. 21.

Развитие теоретической юриспруденции Великого княжества Литовского на основе заимствования элементов западноевропейской правовой мысли влекло за собой отрыв ее от практической жизни. Уже в первой половине XV века в законодательных актах Литовского княжества провозглашался принцип личной неприкосновенности (ст. 1 Привилея 1434 года, ст. 3 Привилея 1447 года)¹. Указанный принцип был зафиксирован и в трех Литовских статутах. Формулировка, в которой он выражался в артикуле 2 первого раздела Статута 1588 года, была очень похожа на формулировку статьи 39 Великой Хартии Вольностей, принятой в Англии в 1215 году.

Названный артикул гласил: *«Мы, г[о]с[по]д[а]рѣ, шлюбуемъ никого не карати на заочное поведанье, хотя бы дотыкалося маестату нашего г[о]с[по]д[а]рѣского ображен[ь]я або здрады речы посполитое. А хто бы тежѣ на кого што несправедливе в тыхъ речахъ велѣ около ображенья маестату нашего г[о]с[по]д[а]рѣского або здрады речы посполитое, а не довелѣ, тымѣ самѣ каранѣ быти маеть»*.

Тежѣ предреченымѣ прелатомъ, княжатоу, паномѣ радамѣ, духовнымъ и светскимѣ, паномъ хоругвнымѣ, шляхтѣ и местамѣ земель великого князства литовского и всихъ иныхъ земель, здавна и тепер до того панства великого князства литовского належачыхъ, обещуемѣ словомѣ нашимѣ г[о]с[по]д[а]рскимѣ, ижѣ на жадного чловека выданье або осочен[ь]е явное, таемное подозренье тыхъ станомъ, вышей мененыхъ, которою колвекѣ виною пѣнежною, кривавою, везеньемѣ albo достоенствѣ, врьдов або имѣнья одыймованьемѣ винити и карати не маемъ и не будемѣ, ажбы перво на соймѣ у суду явнымъ рядомѣ и поступкомѣ права, коли жалобникѣ, то естъ поводѣ и отпоръ обжалованный очевисте стануть и достаточне наконецъ будутъ поконаны. Которые по судѣ и по таковомъ поконанью винные маютъ быти карани виною въ арьтыкулахъ, нижей описаныхъ, меновитѣ назначоною. А хто бы тежъ колвекѣ кого обмовляючи в тыхъ речахъ около ображенья маестату нашего або здрады речы посполитое винилъ ку соромоте а зельживости, а шло бы таковому обвиненному о честь або о горьло, або которое колвекѣ каранье, тогды тотъ, хто на кого мовить и ведеть, а не доведетъ, тымъ караньемѣ самѣ каранъ быти маеть».

Однако в условиях Великого княжества Литовского, существовавших в XVI столетии и даже позднее, принцип личной неприкосновенности не мог быть реализован на практике: провозглашение

¹ См.: Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 324–326.

его не сопровождалось созданием соответствующих судебных процедур.

Не соответствовавшая своим содержанием реальной жизни, оторванная от законодательной практики теоретическая юриспруденция играла в западно-русском государстве в большей мере роль идеологии, нежели инструмента, обслуживавшего практическое функционирование права.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Развитие русской юриспруденции в XVII столетии

§ 1. Смута начала XVII века и ее влияние на развитие правового сознания русского общества

Начало XVII века ознаменовалось в русской истории чередой катастрофических событий, получивших обобщенное наименование Смуты. Русская государственность подверглась в этих событиях самому тяжелому испытанию со времен нашествия на Русь татаро-монголов. Москва и русский царский престол оказались в 1610 году в распоряжении иностранцев. «И бысть во 118-м (1610) году в Московском государстве смятение велие и измена злая, яковая же из начала света не бывала в царствующем граде Москве»¹ — так описывалась данная ситуация в произведении под названием «Повесть известна о победах Московского государства...»².

Историк И. Е. Забелин главную причину катастрофы, постигшей Русское государство в начале XVII века, видел в деградации правящего сословия. «В общих чертах „Смута“ представляет явление весьма своеобразное, — отмечал он. — Это не революция, не перестановка старых порядков по-новому. Это только глубокое потрясение, великое „шатание“ именно государства в сказанном смысле; ибо в это время всесторонним банкротом оказался не народ, а само правительство, сама правящая и владеющая власть, и в своей единице, и в общем составе своих представителей, между тем как народ-то именно обнаружил такое богатство нравственных сил и такую проч-

¹ Повесть о победах Московского государства / Издание подготовил Г. П. Енин. Л., 1982. С. 22.

² Приведенные слова составляют только первую фразу из весьма длинного оригинального названия указанного произведения. Современные историки называют его просто «Повестью о победах Московского государства». Время создания этой «Повести» датируется историками второй половиной 20-х годов XVII века.

ность своих исторических и гражданских (именно гражданских) устоев, какой в нем и предполагать было невозможно»¹.

Автор самого подробного и объемного курса русской истории профессор С. М. Соловьев обнаруживал истоки Смуты не только в духовном разложении правящей группировки, но и в неудовлетворительном состоянии нравственности всего русского общества. Приступая к описанию событий начала XVII века, он обращал внимание на распространение в Московском государстве в период царствования Ивана Грозного страшной привычки «не уважать жизни, чести, имущества ближнего». По его словам, «сокрушение прав слабого пред сильным при отсутствии просвещения, боязни общественного суда, боязни суда других народов, в общество которых еще не входили, ставило человека в безотрадное положение, делало его жертвою случайностей, заставляло сообразоваться с этими случайностями, но эта привычка сообразоваться со случайностями, разумеется, не могла способствовать развитию твердости гражданской, уважения к собственному достоинству, уменья выбирать средства для целей. Преклонение пред случайностию не могло вести к сознанию постоянного, основного, к сознанию отношений человека к обществу, обязанности служения обществу, требующего подчинения частных стремлений и выгод общественным. Внутреннее, духовное отношение человека к обществу было слабо; все держалось только формами, внешнею силою, и, где эта внешняя сила отсутствовала, там человек сильный забывал всякую связь с обществом и позволял себе все на счет слабого. Во внешнем отношении земля была собрана, государство сплочено, но сознание о внутренней, нравственной связи человека с обществом было крайне слабо; в нравственном отношении и в начале XVII века русский человек продолжал жить *особе*, как физически жили отдельные роды в IX веке. Следствием преобладания внешней связи и внутренней, нравственной особенности были те грустные явления народной жизни, о которых одинаково свидетельствуют и свои, и чужие, прежде всего эта страшная недоверчивость друг к другу: понятно, что когда всякий преследовал только свои интересы, нисколько не принимая в соображение интересов ближнего, которого при всяком удобном случае старался сделать слугою, жертвою своих интересов, то доверенность существовать не могла». Неприглядную картину распада духовных скреп общественной организации русских людей историк

¹ Забелин И. Г. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1883. С. 1.

завершал восклицанием: «Страшно было состояние того общества, члены которого при виде корысти порывали все, самые нежные, самые священные связи!»¹

* * *

Освобождение Москвы в октябре 1612 года русскими войсками под командованием князя Дмитрия Пожарского создало предпосылки для прекращения Смуты. Избрание Земским собором 7 февраля 1613 года на Московское государство царем и великим князем Михаила Федоровича Романова стало событием, ознаменовавшим собой окончание Смуты и начало процесса восстановления Русского государства. Утверждение новой царской династии не повлекло за собой коренной перемены традиционных устоев русской государственности и правовой культуры. Тем не менее в результате осмысления событий Смуты русским обществом в его политическом и правовом сознании появился ряд новых идей. По словам историка права Ф. В. Тарановского, «восстановлена была исконная для Москвы монархическая форма верховной власти. Но если самая идея власти великого государя опиралась на вековую старину и пошлину, то все же в руках Михаила Федоровича власть эта являлась чем-то новым. Новым был самый способ ее приобретения через соборное избрание, применение которого повелось всего лишь с 1598 года, и до этого времени было для Московского государства делом необычным»².

Избрание царя Земским собором трактовалось при этом не в качестве выбора его человеческим хотением, но в качестве действия, выражавшего волю Бога³. В «Утвержденной грамоте Великого Московского Земско-Поместного Собора», принятой 21 февраля 1613 года, царь Михаил Федорович Романов назывался поэтому «избранником Божиим». В ней приводилось обращение к нему архиепископа Феодорита со следующими словами: «Тем же тебя убо, превеликий государь Михайло Федорович, не по человеческому единомышлению, ниже по человеческому угодию предызбра; но по

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Том 8. С. 388–389.

² Тарановский Ф. В. Соборное избрание и власть великого государя в XVII столетии // Тарановский Ф. В. История русского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 83–84.

³ См. подробнее об этом: Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М.: Зерцало, 2003. С. 142–145.

праведному суду Божию сие царское избрание на тебе, великом государе, возложи»¹.

Прямым следствием событий Смуты начала XVII века стало изменение и взгляда русского общества на государственную власть. «Старые государи-вотчинники смотрели на государство как на свое частное дело и вековой практикой правления приучили к такому воззрению и народ. Смута сняла пелену с глаз народных. Непригодность государя в лице Шуйского и, после его свержения, полное отсутствие царя заставили народ самостоятельно промышлять о судьбе отечества и убедили его в том, что государство не частное достояние царя, но общее дело земли. Прежние государи думали о том, чтобы государство было их государством. В Смуту земля осознала, что существует и для народа *наше* государство»².

Посольство, направленное Земским собором в Ипатьевский монастырь после избрания Романовых на царство для того, чтобы просить Михаила Федоровича вступить на царский престол, было названо посольством «ото всего Московского государства». Таким образом, государство мыслилось отныне существующим и без государя — до того, как он появился. Царская власть представлялась при этом как восстановленная власть прежних русских государей³, но сам акт восстановления признавался осуществленным «всею землею», пришедшей «в совет и соединенье». Романовы получали в управление не совокупность отдельных княжеских уделов, а Московское государство в целом. Царям из новой династии не было даровано права наделять уделами своих сыновей, как это делал в своем завещании царь Иван IV. Территория государства стала мыслиться в русском общественном сознании не совокупностью отдельных вотчин-княжеств, но единой «землей» — пространством, на котором разворачивается жизнь русской нации в целом.

Произошедшие в начале XVII века перемены во взглядах русского общества на характер государства и верховной государственной власти повлекли за собой изменения и в его правовых воззрениях.

¹ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С предисловием С. А. Белокурова. М., 1906. С. 56.

² *Тарановский Ф. В.* Соборное избрание и власть великого государя в XVII столетии. С. 104—105.

³ В «Утвержденной грамоте об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова» подчеркивалось, что он, великий государь, «от благородного корени благоцветущая отросль, благочестивого и праведного великого государя царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Руси самодержца, племянник».

В частности, по-новому стало мыслиться такое явление правотворчества, как создание единых для всей Руси правовых установлений.

В предшествующую эпоху оно считалось делом исключительно государя, его детей, «братии» и приближенных к нему бояр. Об этом свидетельствуют сами заголовки Судебников 1497 и 1550 годов¹. В XVII веке создание общерусских правовых установлений стало рассматриваться как дело не только царя с боярами, но «государево царьственное и земское дело».

Так, начертанный на свитке текст Соборного уложения 1649 года был подписан триста пятнадцатью членами Земского собора, принадлежавшими к различным сословиям и представлявшими сто шестнадцать городов России². В краткой истории создания Соборного уложения, изложенной в преамбуле к его основному содержанию, рассказывается о том, как собирались выборные для его принятия: «А для того своего государева и земского великого царьственного дела указал государь по совету со отцем своим и богомольцем святейшим Иосифом патриархом Московским и всея Руси, и бояре приговорили выбрать из столников, и из стряпчих, и из дворян московских, и из жилцов ис чину по два человека, также всех городов из дворян и из детей боярских взятии из больших городов, опричь Новгорода, по два человека, из новгородцов с пятины по человеку, а из меньших городов по человеку, а из гостей трех человек, а из гостиные и из суконные сотен по два человека, а ис черных сотен, и из слобод, и из городов с посадов по человеку добрых и смышленных людей, чтобы его государево царьственное и земское дело с теми со всеми выборными людьми утвердить и на мере поставить, чтобы те все великие дела по нынешнему его государеву указу и Соборному уложению впредь были ничем нерушимы»³.

Среди лиц, подписавшихся под текстом Соборного уложения 1649 года, были: патриарх Московский и всея Руси Иосиф, митрополит Крутицкий Серапион, три архиепископа, епископ, архимандриты Спасо Нового монастыря, архимариты Троицы Сергиева, Чудова,

¹ «Лета 7006-го месяца септемвриа уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим», — гласит заголовок Судебника 1497 года. «Лета 7000 пятьдесят осмаго июня... царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси [с] своею братьею и з бояры сесь судейник уложил...» — так написано в заголовке Судебника 1550 года. См.: Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 54, 97.

² См.: Список рукоприкладств на свитке Соборного уложения 1649 г. // Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 403–410.

³ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 17.

Андроникова и Казанского Преображенского монастырей, игумен Соловецкого монастыря, четырнадцать бояринов, десять окольничих, казначей, думный дворянин, думный дьяк, князья, священнослужители низших рангов, стрельцы, подьячие, посадские люди, купцы, мещане и др.

§ 2. Создание Соборного уложения

Из преамбулы к основному содержанию Соборного уложения 1649 года следует, что инициатором создания этого юридического сборника был царь Алексей Михайлович, принявший данное решение после совета с Освященным собором и Боярской думой. «В лето 7156 го июля в 16 день, — говорится в первых строках преамбулы, — государь царь и велики князь Алексей Михайловичь всея Руси самодержец в двадесятое лето возраста своего, в третье лето богом хранимая своя державы советовал с отцем своим и богомольцом святейшим Иосифом патриархом Московским и всея Руси, и с митрополиты, и со архиепископы, и с епископом, и со всем освященным собором, и говорил с своими государевыми бояры, и с околничими, и з думными людьми, которые статьи написаны в правилех святых апостол и святых отец и в градцких законех греческих царей, а пристойны те статьи к государственным и к земским делам, и те бы статьи выписать, и чтобы прежних великих государей царей и великих князей российских и отца его государева блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руси указы и боярские приговоры на всякие государственные и на земские дела собрать, и те государские указы и боярские приговоры с старыми судебниками справити. А на которые статьи в прошлых годах прежних государей в судебниках указу не положено, и боярских приговоров на те статьи не было, и те бы статьи по тому же написать и изложить по его государеву указу общим советом, чтобы Московского государства всяких чинов людем от большаго и до меншаго чину суд и росправа была во всяких делех всем ровна. И указал государь царь и велики князь Алексей Михайловичь всея Руси то все собрати и в доклад написать бояром князю Никите Ивановичю Одоевскому, да князю Семену Васильевичю Прозоровскому, да околничему князю Федору Федоровичю Волконскому, да дьяком Гаврилу Левонтьеву, да Федору Грибоедову»¹.

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 17.

Приведенная версия истории создания Соборного уложения не вполне, однако, соответствует действительности. В ней умолчен, и скорее всего сознательно, факт подачи царю Алексею Михайловичу двух челобитных от представителей различных сословий. Об этом факте говорится в так называемой «Памяти приказа боярина князя Н. И. Одоевского с товарищи от 16 июля 1648 года в Новгородскую четверть о созыве выборных от посадов, ведомых в Новгородской четверти городов на Земский Собор к 1 сентября 1648 года»¹. Из содержания этого документа явствует, что первая из указанных челобитных была подана государю 10 июня 1648 года. «В нынешнем во 156-м году, июня в 10 день, били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси дворяне Московские, и жильцы, и дворяне, и дети боярские розных городов, и иноземцы, и гости, и гостиные и суконные и всяких розных сотен и слобод торговые люди, чтоб государь их пожаловал, — велел учинити Собор, и быти б на Соборе из стольников, и из дворян Московских, и из жильцов, и из городовых дворян и детей боярских выборным лутчим людем. И они на Соборе учнут бить челом государю о всяких своих делех».

Царь Алексей Михайлович немедленно отреагировал на эту челобитную и созвал Земский собор. Дата 16 июля 1648 года от Сотворения мира (1648 год от Рождества Христова), указанная в преамбуле к основному тексту Уложения, является датой заседания Собора, на котором и было принято решение о составлении рассматриваемого юридического сборника. Цитированная выше «Память приказа боярина князя Н. И. Одоевского...» описывает это событие следующим образом: «И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу был у него, государя, Собор в Столовой избе, а на Соборе был отец иво государев и богомолец святейший Иосиф, патриарх Московский и всеа Руси, и власти, и бояре, и околничие, и думные люди; да на Соборе ж были стольники, и дворяне Московские, и жильцы, да дворяне и дети боярские первых половин Замосковных городов, которые ныне на Москве, и нынешнего лета бытии им на государственой службе на Украине, по два человека из города; да на Собо-

¹ Названный документ был обнаружен в одном из архивов историком П. П. Смирновым в 1913 году. См.: *Смирнов П. П.* Несколько документов из истории Соборного Уложения и Земского Собора 1648–1649 гг. // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1913. Кн. 4. Отдел IV. С. 1–20; *его же*. О начале Уложения и Земского Собора 1648–1649 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 9. С. 36–66.

ре ж были гости, и гостинные и суконные и всяких розных сотен и слобод лутчие люди. И били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси дворяне Московские, и жильцы, и дворяне и дети боярские из городов, и иноземцы¹, и гости, и всяких чинов торговые люди о всяких своих делах и о том, чтоб указал государь написать на всякие розправные дела Судебник и Уложенную книгу, чтоб вперед по той Уложенной книге всякие дела делать и вершить»² (курсив мой. — В. Т.).

Из приведенных слов очевидно, что свое решение о создании Уложения царь Алексей Михайлович принял не по собственной инициативе, а в ответ на челобитную, поданную представителями различных сословий, собравшимися 16 июля 1648 года на заседание Земского собора.

Этот факт подтверждается и грамотой новгородского воеводы губному старосте Обонежской пятины Нагорной половины Ивану Кобылину от 28 июля 1648 года о созвании выборных на Земский собор. В ней говорилось: «В нынешнем во 156 году июля в 28 день в государеве царе и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Руси грамоте, за приписью дьяка Григорья Ларионова, писано в Великий Новгород к околничему и воеводе ко князю Федору Андреевичу Хилкову да к дьяку к Савину Зависину: по государеву указу и отца его государева и богомолца святейшего Иосифа, патриарха Московского и всеа Руси, и по приговору государевых бояр, а по челобитью столников, и стряпчих, и дворян Московских, и жильцов, [и] дворян и детей боярских всех городов, и иноземцов, и гостей, и гостинных [и] суконных сотни, и всяких чинов торговых людей, велено на Москве государевым боярам князь Никите Ивановичу Одоевскому с товарищи на всякие расправные дела написать Судебник и Уложенную книгу, чтобы впредь по той Уложенной книге всякия дела делать и вершить без всякого переводу и безволокитно; а для того государева и земского дела указал Государь взять в Москве из всех городов дворян и посадских людей добрых, чтоб государевы и земские дела утвердить и на мере поставить, чтоб государевы дела, по его государеву указу и по Уложению, были нечим не рушемы; а срок выбор-

¹ О присутствии на Земском Соборе 1648–1649 годов выборных от иноземцев см.: Зерцалов А. Н. Новые данные о земском соборе 1648–1649 гг. // Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1887. Кн. 3. С. 7.

² Смирнов П. П. Несколько документов из истории Соборного Уложения и Земского Собора 1648–1649 гг. С. 6.

ным людям всем учинен стать на Москве сентября 1 число 157 году¹ (курсив мой. — В. Т.)»².

Любопытно, что с просьбой о создании «уложенной судебной книги» дворяне русских городов выступали еще в период правления Михаила Федоровича — данная просьба выражалась в одной из челобитных царю, поданных в 1637 году³. В 1648 году главными инициаторами составления Соборного уложения стали члены Земского собора, избранные городами. По словам историка В. И. Сергеевича, «этот вывод, на первый взгляд, может показаться маловероятным, но он совершенно согласен с московским порядком вещей. Неудобства, проистекающие от неопределенности закона, его неполноты, непоследовательности, неясности, должны были чувствоваться выборными людьми гораздо сильнее, чем боярами, окольными, думными людьми и другими приближенными к Государю лицами, которым недалеко было идти для разрешения всех возбуждаемых законом сомнений. Для городских же людей это разрешение являлось в форме московской волокиты, которая была для них пуще татарского погрома. Понятно, для них вопрос о приведении законов в порядок был самым настоятельным, тогда как для бояр, окольных и других сильных людей всякая неясность закона в то темное время могла быть даже полезна. Уложение 1649 года действительно отменяет некоторые установившиеся в XVII веке помимо государевых указов порядки, выгодные сильным людям и невыгодные казне и людям мелким»⁴.

Сформированная по царскому указу от 16 июля 1648 года комиссия из пяти человек: двух бояринов (князей Никиты Ивановича Одоевского и Семена Васильевича Прозоровского), окольного (князя Федора Федоровича Волконского) и двух дьяков (Гаврилы Левонтьева и Федора Грибоедова) — немедленно приступила к работе по составлению проекта Уложения. В качестве источников правовых

¹ Эта цифра означает 7157 год от Сотворения мира, или 1649 год от Рождества Христова.

² Память Обонежской пятины Нагорной половины губному старосте Ивану Кобылину о присылке в Москву выборного человека для участия в составлении Уложения // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Том 4. 1645–1700. № 27. С. 40.

³ См. об этом: *Смирнов П. П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. М., 1915. С. 41.

⁴ *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 158–159.

норм ими были использованы в соответствии с вышеназванным государевым указом: 1) «Правила Святых Апостолов и Святых Отцов»¹, 2) «градские законы греческих царей»², 3) «старые судебники прежних великих государей», то есть Судебники 1497 и 1550 годов, 4) Указы царя Михаила Федоровича и боярские приговоры. Кроме того, две статьи составители Соборного уложения заимствовали из Стоглава³ (ст. 10 главы XIV и ст. 6 главы XXII) и шестьдесят шесть (!) статей — из Статута Великого княжества Литовского 1588 года.

Указ царя Алексея Михайловича от 16 июля 1648 года предполагал, что составители Соборного уложения напишут в дополнение к статьям старых судебныхников и указов прежних государей некоторые новые статьи. Таких статей в тексте рассматриваемого правового памятника оказалось несколько десятков. Многие из них были сформулированы на основе челобитных выборных людей. Так, из сорока статей главы XIX Соборного уложения «О посадских людех» семнадцать (1, 2, 5—18, 39)⁴ происходили из этого источника⁵.

Работа по сбору, сверке и систематизации огромного по тем временам правового материала была совершена менее чем за три месяца. Уже 3 октября 1649 года⁶ началось слушание его содержание в созванном для этого случая Земском соборе. В преамбуле к основному тексту Соборного уложения это событие описывается следующими словами: «И в нынешнем во 157-м году октября с третьего числа государь царь и велики князь Алексей Михайлович всея Руси самодержец со отцем своим и з богомльцем святейшим Иосифом, патриархом Московским и всея Руси, и с митрополиты, и со архиепископы,

¹ Данные «правила» находились в составе Кормчей книги.

² Под «градскими законами греческих царей» подразумевались тогда юридические сборники, созданные при византийском императоре Юстиниане, Эклога, составленная по приказу византийских императоров Льва и Константина, Прохирон императора Василия Македонянина.

³ Московский церковный собор, проходивший в декабре 1666 — январе 1667 года признал постановления Стоглавого собора (и соответственно положения Стоглава) не соответствующими богословской системе и обрядовой практике Греко-православной церкви

⁴ См.: Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 99—103.

⁵ Еще одним примером влияния челобитных на правотворческую деятельность царя Алексея Михайловича служит его указ 1649 года о дозволении английским купцам приезжать для торго только в Архангельск и запрете им везжать в другие русские города. Этот указ был издан в ответ на целую серию челобитных, поданных государю русскими торговыми людьми в 1646 году (см. об этом: *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. С. 160).

⁶ Новый год начинался в то время с 1 сентября.

и с епископом, также и с своими государевыми бояры, и с околничими, и з думными людьми того собранья слушал, и выборным людем, которые к тому общему совету выбраны на Москве и из городов чтено, чтобы то все Уложение впредь было прочно и неподвижно»¹.

После завершения чтений текста Соборного уложения он был по распоряжению государя написан на свитке, который все члены Земского собора, присутствовавшие на этих чтениях, скрепили своими подписями. Затем царь Алексей Михайлович приказал переписать все содержание Соборного уложения в книгу и закрепить ее подписями дьяков Гаврилы Леонтьева и Федора Грибоедова. Вся эта работа была завершена 29 января 1649 года, о чем свидетельствует запись, сделанная в конце данного правового памятника. «Совершена сия книга, — говорится в ней, — повелением великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси самодержца в третье лето богом хранимая его державы и при сыне его государеве благоверном царевиче и великом князе Дмитриии Алексеевиче, в первое лето рожения его лета 7157-го генваря в 29 день»².

В исторической литературе высказывается иногда мнение, что 29 января 1649 года Соборное уложение было *утверждено* и *подписано* членами Земского собора. «В конце Уложения, в показанном месте, содержится сведение, — отмечает, например, С. В. Пахман, — что Уложение утверждено и подписано 1649 г. января в 29 день»³. На самом деле содержание последних строк Соборного уложения не дает основания для такого высказывания. Здесь констатируется лишь то, что «*совершена сия книга... лета 7157-го генваря в 29 день*». И данные слова употреблены здесь совсем не случайно.

Содержание заключительной части преамбулы к основному тексту Соборного уложения показывает, что никакого обсуждения его норм на Земском соборе и специального акта утверждения, отдельного от скрепления списка Уложения подписями членов Собора, — посредством голосования или каким-либо другим способом — не было. Текст Уложения читался по отдельности двум палатам Земского собора, из которых высшую составляли царь, представители высшего духовенства, государевы бояре, окольничие и думные люди, а низшую — выборные из городов. Вторая палата в преамбуле именуется «ответной». При чтении Соборного уложения «в ответной пала-

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 18.

² Там же. С. 136.

³ Пахман С. В. История кодификации гражданского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 210.

те по государеву указу сидел боярин князь Юрьи Алексеевич Долгорукой, да с ним выборные люди»¹. Судя по всему, по завершении данного чтения всем членам Земского собора, присутствовавшим во время его, было просто предложено начертать свои подписи под текстом Соборного уложения на свитке. По всей видимости, именно это скрепление Уложения подписями царь Алексей Михайлович счел актом его утверждения выборными людьми из городов.

Изготовленная рукописная книга с текстом Соборного уложения и с оглавлением к нему («указом главам») сделалась макетом, с которого по государеву велению «для утверженья на Москве во все приказы и в города» были напечатаны «многие книги». На основании сведений, отраженных в расходной книге Печатного двора, можно сделать вывод о том, что первое печатное издание Соборного уложения было осуществлено в период с 7 апреля по 20 мая 1649 года. Всего напечатали 1200 экземпляров. Государевым указом от 1 июня 1649 года была разрешена продажа их. К 7 августа продали 1100 экземпляров². 27 августа 1649 года царь Алексей Михайлович издал указ о печатании еще одного тиража Соборного уложения — со слегка исправленным текстом³. 1200 экземпляров нового его издания были напечатаны к 21 декабря 1649 года. Они продавались больше года.

Соборное уложение 1649 года стало первым в России юридическим сборником, выпущенным в свет в печатном виде. Уже один этот факт свидетельствует, что им открывалась новая эпоха в развитии русской юриспруденции. Этот сборник значительно превосходил по своему объему общероссийские судебники 1497 и 1550 годов. Его содержание было составлено из юридических норм различного происхождения: оно впитало в себя опыт многовекового предшествовавшего развития русского права, в нем нашли свое место элементы иностранной правовой культуры, приспособленные для применения в русском обществе. Русский правовед Н. И. Крылов говорил об этом правовом памятнике, сравнивая его с другими законодательными сборниками: «Уложение царя Алексея Михайловича

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 18.

² См. об этом: *Мейчик Д. М.* Дополнительные данные к истории Уложения // Сборник Археологического института. СПб., 1880. Кн. 3. С. 116.

³ В первом печатном издании Соборного уложения «гости» (купцы) были поставлены ниже «дьяков». В связи с этим царю поступила челобитная от представителей этой социальной группы, в которой дьяки Гаврила Леонтьев и Федор Грибоедов обвинялись в нарушении порядка перечисления чинов. Государевым Указом от 17 августа 1649 года было повелено писать гостей выше дьяков (см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Том 1. № 247. С. 484).

есть самое редкое явление в истории законодательств, блистательное для России. В современном сравнении его с памятниками законов у других народов — оно представляется, как классическое произведение письменности юридической, недостижимое тогдашним веком. В нем отразился весь юридический быт России; в нем видим мы уже покой, примирение двух враждебных стихий нашего древнего законодательства. Анализис понятий, который мы в Уложении замечаем, почти неподражаем, отчасти сходен уже с анализисом римских классических юрисконсультов (глава X). Откуда же, как бы вдруг получили мы такой такт в разрешении идей на мелкие явления? Откуда эта образцовая юридическая письменность? В истории права всегда есть связь органическая, и один век передает свои труды другому. Мы видим и на Уложении влияние римско-греческого элемента, и притом и в *формальном* отношении, и в *материальном*¹. Но здесь чужие элементы переработаны, усвоены и получили нашу народную форму»².

§ 3. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции

В исторической литературе Уложение царя Алексея Михайловича рассматривается, как правило, лишь в качестве памятника русского права. Между тем этот юридический свод выступает, помимо прочего, воплощением характерных для русского общества XVII века особенностей правового мышления, искусства формулирования новых правовых норм и модификации норм старых, действующих с давних времен, приемов переработки с целью приспособления к условиям русского общества норм иностранных юридических сборников, навыков группировки и классификации правового материала — одним словом, всего того, что составляет содержание явления, называемого юриспруденцией. Соборное уложение 1649 года необходимо изучать поэтому и как *памятник русской юриспруденции*, причем русской юриспруденции в предшествовавшие исторические эпохи, оно одновременно стало отправной точкой для дальнейшего ее развития³.

¹ В качестве примера такого влияния профессор Крылов привел статью 4 главы 2, ст. 28, 29 и 30 главы 7, ст. 170, 224, 259 главы 10.

² Крылов Н. И. Об историческом значении римского права в области наук юридических. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Московского университета 11 июня 1838 года. М., 1838. С. 57.

³ Историк русского права Н. П. Загоскин отмечал в своей речи об Уложении Алексея Михайловича, произнесенной в торжественном годичном собрании импера-

Из преамбулы к основному тексту Уложения царя Алексея Михайловича видно, что для его создания предполагалось выполнить следующие действия: 1) «*выписать*» статьи, которые «пристойны» (применимы) «к государственным и к земским делам», из правил святых апостолов и святых отцов и градских законов «греческих царей»; 2) «*собрать*» «прежних великих государей царей и великих князей российских и отца его государева блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси указы и боярские приговоры»; 3) «*справити*» (исправить) названные указы и боярские приговоры со старыми судебниками; 4) «*написать и изложить*» статьи, отсутствовавшие в судебниках и боярских приговорах прошлых лет¹.

В действительности же при создании Соборного уложения 1649 года была проделана более масштабная работа, чем та, о которой говорилось в его преамбуле. Огромный правовой материал был не просто сведен в единый юридический сборник — его подвергли определенной группировке и классификации. Весь текст данного правового памятника был разбит на главы, каждая из которых получила свое наименование.

Пометы, сделанные на полях рукописного свитка, и само содержание статей Уложения показывают, что его составители черпали правовые нормы из большего количества источников, чем это обозначено в преамбуле. Среди подобных заметок встречаются, например, такие: «из Моисеева закона»², «из Стоглава»³, «из Литовского [статута]»⁴.

торского Казанского университета 5 ноября 1879 года: «Издание Уложения представляется событием первостепенной важности не только для современной ему юридической жизни, но и для позднейшего развития русского законодательства, являясь, если можно так выразиться — венцом древнего и началом нового законодательства русского» (Загоскин Н. П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648–1649 года. Казань, 1879. С. 3).

¹ См.: Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 17.

² Помета «из Моисеева закона» стоит в рукописном свитке Соборного уложения 1649 года рядом с текстом первой статьи первой главы.

³ Помета «из Стоглава» стоит на полях текста статьи шестой главы XXII Соборного уложения 1649 года.

⁴ Помета «из Литовского» (или «из Литовсково») стоит против 56 статей рассматриваемого правового памятника. См.: Перечень помет на полях свитка Соборного уложения 1649 г. // Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 445–446.

Источником Соборного уложения 1649 года стали еще и указные книги различных приказов, не упомянутые ни в преамбуле к его основному тексту, ни в заметках на его полях. В эти книги записывались по мере их издания царские указы¹, а также доклады приказов по тем или иным государственным делам, предназначавшиеся для внесения на рассмотрение царя и Боярской думы². По словам К. Д. Кавелина, «указные книги представляли по разным частям готовые уложения с подробными указаниями на отмененные и измененные законы, а доклады приказов, еще не внесенные в Думу, заключали в себе новые случаи, не разрешенные законодательным порядком, следовательно, все материалы, нужные для написания новых статей. Редакционной комиссии оставалось только собрать эти указные книги и заготовленные доклады из разных приказов, выбрать текст законов, сгруппировать статьи, выбранные из старых законов, с текстом новых, которые их дополнили или изменили, наконец, составить, на основании заготовленных докладов, несколько примерных статей, — и главная, существенная часть работы была готова»³.

О том, что материалы указных книг использовались при составлении Соборного уложения 1649 года, свидетельствует одна из записей в Расходной книге Поместного приказа, датированная 10-м августа 156 (1648) года. Она гласит: «А с указные книги списав го-

¹ Повеление о записи какого-либо царского указа в книге того или иного приказа приводилось нередко в заключительных строках самого указа. Так, например, в конце Именного царского указа «О бытии во всех государствах российским послам и посланникам между собою без мест», изданного 21 декабря 1655 года, сообщалось: «И тот свой государев указ указал государь записать в Посольском приказе и в Розряде» (1-ПСЗРИ. Том 1. № 169. С. 371).

² О том, что записывалось, например, в Указную книгу Поместного приказа, показывает само ее название: «Государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси, и отца его государева, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси, указы и боярские приговоры о поместных и о вотчинных землях, о которых указах докладывали государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси, и отца его государева, великого государя, святейшего патриарха, Филарета Никитича Московского и всея Руси, и которые указы сысканы в переносных делах по памяти, после Московского пожара 34 года, которые государевы указы о поместных же и о вотчинных землях написаны с доклада о розных статьях» (Христоматия по истории русского права / Составил М. Ф. Владимирский-Буданов. Вып. 3. М., 1889. С. 187).

³ Кавелин К. Д. Рецензия на «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Книга первая. Москва, 1850 год // Собрание сочинений К. Д. Кавелина. В 4-х томах. Том 1: Монографии по русской истории. СПб., 1897. Стлб. 891.

сударевы указы и боярские приговоры о поместных и о вотчинных землях посланы ис Поместного приказа, по памяти, за дьячьєю приписью, в Приказ к боярам ко князю Никите Ивановичу Одоевскому, да ко князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да к окопничему ко князю Федору Федоровичу Волконскому, да к дьяком Гаврилу Левонтьеву, да к Федору Грибоедову, для государева и земского великого дела»¹. В приведенной записи прямо говорится о передаче изложенных в указных книгах указов и боярских приговоров лицам, на которых царем Алексеем Михайловичем была возложена задача составления данного юридического сборника.

Публикуя в своей «Христоматии по истории русского права» указные книги приказов, М. Ф. Владимирский-Буданов писал в предисловии к ее третьему выпуску, что «в каждом приказе слалось, соответственно его ведомству, свое специальное уложение»². В «Указной книге ведомства казначеев»³ историк усматривал «уложение о гражданском процессе и обязательствах», в «Уставной книге Разбойного приказа»⁴ — «уложение уголовное», в «Указной книге Холопьяго приказа»⁵ — «уложение о холопстве и крестьянстве», в «Указной книге Земского приказа»⁶ — «уложение полицейское и гражданское», в «Указной книге Поместного приказа»⁷ — «уложение о поместьях и вотчинах». «Все эти специальные уложения, — отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов, — сложились постепенно, хронологически из отдельных указов и каждое из них составляет так сказать лестницу узаконений, связующую судебник с уложением царя Алексея Михайловича. Но ближайшее отношение они имеют не к судебнику, а к уложению; именно каждая из книг состав-

¹ Расходные книги и столпы Поместного Приказа (1626–1659 гг.). Кн. 1. М., 1910. С. 139.

² Христоматия по истории русского права. Вып. 3 / Составил М. Ф. Владимирский-Буданов. Вып. 3. М., 1889. С. 1.

³ См.: Указная книга ведомства казначеев // Христоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 1–41.

⁴ См.: Уставная книга Разбойного приказа // Христоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 43–76.

⁵ Указная книга Приказа Холопьяго суда // Христоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 86–112.

⁶ Указная книга Земского приказа // Христоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 113–186.

⁷ Указная книга Поместного приказа // Христоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 187–253. См. также: *Сторожев В. Н.* Указная книга Поместного приказа. М., 1889.

ляет почти буквальный источник, соответствующей главы уложения ц[аря] А[лексей] М[ихайловича]. Если бы до нас дошли указные книги судных приказов, то мы имели бы все туземные источники уложения. Сами по себе указные книги важны для истории права тем, что наглядно и подробно рисуют для нас процесс возникновения законов»¹.

Историк А. Н. Зерцалов, специально исследовавший деятельность Земского собора 1648–1649 годов, отмечал: «Во всех приказах шла усиленная переписка указов и боярских приговоров для Уложенной комиссии, каковые документы и присылались к составителям при памятях. Мы имеем документальные сведения, что в одном из самых главных приказов, именно Поместном, занимались списыванием копий с разных документов для Уложенной комиссии, а также для приказов разбойного и Сыскных дел 61 человек подъячих; ими написано в 5 месяцев с 16 июля 156 по 16 декабря 157 года 34 стопы, что составит 16 120 листов; каждым подъячим в 5 месяцев было написано по 264¼ листа; за переписку 991 тетради с книг писцовых, дозорных и переписных Нижегородских и Арзамасских им выдано 20 сентября 157 (1649. — В. Т.) года вознаграждение 38 руб. 22 аль. 2 деньги»².

Сопоставление содержания Соборного уложения 1649 года с текстами указных книг позволяет сделать вывод о том, что нормы главы XII данного правового памятника «О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян», а также главы XVI «О поместных землях» были заимствованы почти в полном объеме из Указной книги Поместного приказа³; глава XXI Соборного уложения повторяла соответствующие тексты Уставной книги Разбойного приказа⁴; некоторые статьи главы X «О суде» и главы XIV «О крестном целовании» воспроизводили правила, записанные в Указной книге Земского приказа⁵; источником ряда статей (9, 12, 14, 15, 30, 47, 48, 52 и

¹ Христоматия по истории русского права. Вып. 3. С. I–II.

² Зерцалов А. Н. Новые данные о Земском соборе 1648–1649 гг. / Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 3. С. 7.

³ Этот факт установил историк В. Н. Сторожев, опубликовавший в 1889 году все сохранившиеся фрагменты Указной книги Поместного приказа.

⁴ На этот факт обратил внимание М. Ф. Владимирский-Буданов (см.: Христоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 45).

⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов в своей публикации текста Указной книги Земского приказа специально отметил в примечаниях, какие именно записи из нее стали источником соответствующих норм Соборного уложения (Христоматия по истории русского права. Вып. 3. С. 122–180).

64) главы XX Уложения «Суд о холопех» явились записи в Указной книге приказа Холопьяго суда, а статья 66 названной главы происходила из боярского приговора 1634 года, записанного в книге приказного стола Разрядного приказа¹; по меньшей мере двенадцать статей (21–31, 33) главы XIX Соборного уложения «О посадских людех» имели своим источником Справку Сыскаго приказа, которая представляла собою, по словам историка М. А. Дьяконова, «нечто вроде указной книги»². Пятьдесят шесть статей главы XVIII «О печатных пошлинах» были сформулированы на основе записей Указной книги Печатного приказа³. Историк С. Б. Веселовский, исследовавший вопрос о происхождении норм названной главы, писал: «Неизвестно происхождение 31–45 статей, но заимствование их из дел Печатного приказа более чем вероятно, если принять во внимание известную нам компетенцию этого учреждения и его записные книги, сохранившиеся в архиве Министерства юстиции. Одним словом, нам представляется несомненным, что вся XVIII глава взята в Печатном приказе, так же, как XXV глава (о корчмах) взята из указной практики Новой чети⁴»⁵. По мнению Веселовского, «около 132 (1624 г.) в Челобитном приказе состоялось какое-то „уложение“ по гражданскому суду, которое и было сообщено этим приказом другим приказам»⁶. Существует немало оснований полагать, что в 1620–1626 годах в московских приказах шла интенсивная законодательная работа по «обновлению земли», которая являлась своего рода подготовкой к составлению объемного общерусского Уложения. Этот факт может служить, возможно, главным объяснением той быстро-

¹ См. об этом: *Гессен О. И.* Источник одной из статей уложения 1649 г. // Проблемы источниковедения. Л., 1940. Кн. 3.

² *Дьяконов М. А.* Источники XIX главы Соборного уложения // Исторический архив. 1919. Кн. 1. С. 240.

³ Данный вывод был сделан С. Б. Веселовским при сопоставлении содержания главы XVIII Соборного уложения с текстами сохранившихся докладов Печатного приказа, на основании которых писались указы. Тексты же этих указов не сохранились. Веселовский проанализировал записи в одиннадцати столбцах Печатного приказа, хранившиеся в московском архиве Министерства юстиции в делах Преображенского приказа, и обнаружил несколько докладов царю Михаилу Федоровичу, сделанных в 132–133 (1624–1625) годах руководством Печатного приказа.

⁴ «Четями» или «четвертями» именовались в России XVI–XVII вв. приказы, ведавшие финансами отдельных административно-территориальных образований и взимавшие с податного населения «четвертные доходы», которые шли на выплаты годового жалованья служилым людям высших разрядов.

⁵ *Веселовский С. Б.* Источники XVIII главы Уложения царя Алексея. М., 1913. С. 36.

⁶ Там же. С. 41.

ты, с которой в летние и осенние месяцы 1648 года шла работа по составлению Соборного уложения¹. С. В. Пахман считал, что эта быстрота объясняется, помимо указанного факта, и тем, что «комиссия имела в пособие опытных дьяков и притом в большом количестве, которые хорошо, без особых справок, знали все важнейшие юридические положения, имевшие силу в том или другом приказе». По его словам, «это, отчасти, подтверждается и тем, что между заметками, которые выставлены на полях подлинного Уложения, в числе источников книги приказов не показаны»².

К этому следует добавить, что дьяки, привлеченные к составлению Соборного уложения, отличались не только знанием всех важнейших правил, имевших силу в сфере деятельности того или иного приказа, но обладали развитыми навыками формулирования правовых норм³, их группировки и классификации, а также искусством переработки заимствованного материала в духе общественного порядка, существовавшего в России в середине XVII века. Все это позволяло им плодотворно использовать в своей работе самый разнообразный правовой материал.

Способность дьяков искусно приспособить правовые нормы, возникшие в предшествовавшие эпохи и в другом государстве, к условиям русского общества их времени, наиболее ярко проявилась в статьях Соборного уложения 1649 года, сформулированных на основе норм Статута Великого княжества Литовского 1588 года. М. Ф. Владимирский-Буданов, специально исследовавший вопрос о влиянии названного статута на Уложение царя Алексея Михайловича, пришел к выводу о том, что кроме пятидесяти шести статей Уложения, помеченных на полях рукописи данного правового памятника в качестве заимствованных из Литовского статута, в нем было много и других подобных статей. Он указал, в частности, на то, что формула «а будет кто...», с которой начинаются многие статьи Со-

¹ «Уложение начато, — писал М. М. Сперанский, — 16-го июля 1649 и окончено того же года (год начинался тогда с сентября) на 3 число октября; следовательно, совершено в два месяца и 17 дней» ([Сперанский М.М.] Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 9).

² Пахман С. В. История кодификации гражданского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 212.

³ «Уложение царя Алексея Михайловича уже представляет значительную степень образования наших юристов, если не в отношении формы (системы), то по крайней мере в обдуманности, точности юридических предметов и ясности их изложения», — отмечал П. Дегай (Дегай П. Пособия и правила изучения российских законов. М., 1831. С. 119).

борного уложения, скорее всего есть не что иное, как перевод формулы «кгды бы хто...», составляющей начало статей в Литовском статуте¹.

Характер переработки норм литовского права русскими дьяками выявляется при сопоставлении первой части статьи первой раздела одиннадцатого Статута Великого княжества Литовского 1588 года со статьей сто девяносто восьмой главы десятой Соборного уложения 1649 года.

Статут Великого княжества Литовского 1588 года

Роздель одинадцатый. *О кгвалтехъ, о боехъ, о головщизнахъ шляхетскихъ.* Артикул 1:

«Хто бы на чый домъ або на господу умыслъне наехалъ, хочечы его забити (извлечение): «Уставуемъ: хто бы на чый домъ шляхетский не только на самый дворъ, але и на гумно або на дворець, где быдло и иншее господарство домовое бываетъ ховано, кгвалтомъ умыслъне наехавшы або нашедшы, а в томъ дому кого кольвекъ забил и тымъ покой посполитый възрушылъ, а то бы на него было слушнымъ доводомъ водлугъ сего статуту переведено, тотъ горло тратить, а не толко самъ, але и помочники такового, хто з нимъ на томъ кгвалте будетъ, также горьломъ карани будутъ, злеща, если бы тые помочники от того отпрысегнутися не хотели, яко о томъ нижей в семъ же розделе, артыкуле второмъ описано естъ. А головщизна водлугъ стану совито зъ имения того кгвалтовника и тежъ шкоды если бы которые на томъ кгвалте вчинены детямъ або близкимъ забитого, з навезкою плачоны быти мають».

Соборное уложение 1649 года

Глава X: *О суде.* Статья 198:

«А будет кто приедет к кому ни будь на двор насильством, скопом и заговором, умысля воровски, и учинит над тем, к кому он приедет, или над его женою, или над детьми, или над людьми смертное убийство, а сыщется про то допрама, и того, кто такое смертное убийство учинит, самого казнить смертью же, а товарищев его всех бить кнутом и сослать, куды государь укажет».

¹ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Отношения между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича (по поводу «Истории кодификации» С. В. Пахмана. СПб., 1876) // Сборник государственных знаний. Том 4. СПб., 1877. С. 28 (раздел «Критика и библиография»).

О том, что приведенная статья Соборного уложения сформулирована на основе соответствующей статьи в Литовском статуте, свидетельствует помета «из Литовского», сделанная рядом с ее текстом в рукописном свитке русского юридического сборника. В результате переработки нормы Литовского статута составителями Соборного уложения был конкретнее определен объект преступного посягательства: в первом из правовых памятников шла речь об убийстве какого-либо человека («в томъ дому кого кольвекъ забил»), во втором говорилось об убийстве хозяина дома, его жены или детей или слуг. Кроме того, по-новому были распределены санкции: в Литовском статуте карались смертью и главный исполнитель, и соучастники преступления, согласно же Соборному уложению, главный исполнитель приговаривался к смертной казни, а соучастники — к битью кнутом и к ссылке. Наконец, и это самое главное: если в Литовском статуте наказывалось преступление, совершенное в шляхетском доме («кто бы на чый домъ шляхетский...»), то в Соборном уложении социальная принадлежность хозяина дома вообще не указывалась.

М. Ф. Владимирский-Буданов писал, что русское Уложение 1649 года «в тех постановлениях, которые оно заимствует, везде уничтожает сословную окраску; так, артик[ул] 27 разд[ела] XI-го говорит: „О головщинах, о хроменью члонков и о навезках *шляхетских*“, а 10-я ст[атья] XXII главы Ул[оженья] говорит: „а будет кто... над кем-нибудь мучительское наругательство“. Следующий артикул Статута говорит: „кто бы *шляхтича* взял до везенья“, а следующая статья Уложения: „а будет такой поругатель *кого-нибудь* зазвав, или силою заволокши к себе на двор...“ и т. п.»¹.

Исключая из норм, заимствованных из Литовского статута, характеристики сословной принадлежности, составителя Соборного уложения 1649 года следовали задаче, которая была поставлена перед ними царем Алексеем Михайловичем по совету с патриархом Московским Иосифом, митрополитами, архиепископами, епископами и со всем освященным собором, а именно: изложить правовые нормы так, «чтобы Московского государства всяких чинов людем от болаго и до меншаго чину суд и росправа была во всяких делех всем ровна»².

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Отношения между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича. С. 22.

² Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 17.

Многие редакционные нововведения, сделанные составителями Соборного уложения 1649 года в содержании норм, заимствованных из Статута Великого княжества Литовского 1588 года, были обусловлены тем, что в России середины XVII века существовал более развитый судебный процесс по сравнению с тем, на который был рассчитан Статут. В тех случаях, когда в Литовском статуте не ставилось вопроса о проведении судебного разбирательства, Соборное уложение указывало, например: «На того убойца дати суд, а с суда сыскать» (ст. 133 гл. X).

Наиболее распространенным приемом переработки статей Литовского статута при введении их в содержание Соборного уложения было их разделение на отдельные части. Многие статьи Литовского статута были весьма обширны по своему объему. При этом в одной и той же статье могла идти речь, например, о заговоре или бунте «на здоровье наше государево», об оскорблении государева величия, о фальшивомонетничестве, о собирании войска против государя, об измене. В Соборном уложении каждой из разновидностей преступлений посвящалась, как правило, отдельная статья.

Литовский статут отличался многословностью и цветистостью выражений. Заимствуя из него статьи, составители Соборного уложения сокращали и упрощали их текст. М. Ф. Владимирский-Буданов видел в этом еще одно преимущество русской юридической техники по сравнению с литовской. «Особенное свойство языка Статута, — отмечал он, — это обилие синонимов, ничего не прибавляющих к ясности понятия (это свойство — общее всем законодательным памятникам Литовско-русского государства, чем они обязаны средневековому латинскому языку законов и актам немецким, служившим для них образцом). Статут говорит, напр., что кто будет *измышлять* и *устанавливать* мыт, тот подлежит такой-то каре. Уложению чужды эти прикрасы языка (хотя и в этом Статут иногда увлекает его за собою...); оно с трезвою простотою говорит: „кто заведет вновь“»¹.

Несмотря на то, что заимствования из Литовского статута были в тексте Соборного уложения довольно большими по своему объему, практически ни одна заимствованная статья не была оставлена без переработки — причем чаще всего существенной, затрагивавшей не только форму, но и содержание. Переработка литовского правового материала московскими законоискусниками была по-настоящему творческой: в результате ее нормам литовского пра-

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Отношения между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича. С. 30.

ва придавалась бóльшая определенность, конкретность изложения, а зачастую и новый смысл. Работу такого объема и такой сложности невозможно было совершить ни за три, ни за большее количество месяцев. Очевидно, что переработка материала Статута Великого княжества Литовского 1588 года и приспособление его к условиям России должна была начаться ранее 1648 года. На основании некоторых фактов можно утверждать, что такая работа происходила в России уже в первой трети XVII века. В середине XIX века известный русский историк права и архивист Н. В. Калачов обнаружил и опубликовал выписки из Литовского статута, включавшиеся в первой половине XVII века качестве дополнения в указные книги московских приказов¹. Впоследствии их перепечатал в третьем выпуске своей «Христоматии по истории русского права» М. Ф. Владимирский-Буданов².

В 1916 году И. И. Лаппо опубликовал рукопись перевода Статута Великого княжества Литовского 1588 года, сделанного в Москве в XVII веке³. Историк А. В. Соловьев, откликнувшийся на эту публикацию статей в «Исторических известиях», высказал предположение, что обнаруженный И. И. Лаппо перевод Литовского статута был осуществлен в 1645–1648 годах⁴. Сопоставив текст перевода Литовского статута с текстом Соборного уложения, Соловьев пришел к выводу о том, что «во многих статьях» последнего имеются «дословные совпадения с редакцией московского перевода, которые не могли бы явиться при заимствовании из Литовского статута иными путями, помимо данного перевода»⁵. По его подсчетам, в Уложении оказалось не менее шестидесяти статей с такими «совпадениями». Вместе с тем А. В. Соловьев обнаружил в Соборном уложении статьи из Литовского статута, которые являлись более близкими своим содержанием к текстам этих статей в печатном издании его оригинала, нежели к их текстам московского перевода данного правового

¹ См.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1855. Кн. 2. Ч. 1.

² См.: Прибавления к Уставной книге Разбойного Приказа. Статьи, заимствованные из Литовского Статута в указные книги приказов (до 1631 г.) // Христоматия по истории русского права / Составил М. Ф. Владимирский-Буданов. Вып. 3. М., 1889. С. 78–85.

³ См.: Литовский статут в московском переводе-редакции XVII в. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 28. СПб., 1916.

⁴ Соловьев А. В. Вновь открытый московский перевод Литовского статута // Исторические известия. 1917. Кн. 1. С. 42–43.

⁵ Там же. С. 39.

го памятника. Статья же 15 раздела XI Статута Великого княжества Литовского, перешедшая в переработанном виде в статью 17 главы XXII Соборного уложения, вообще отсутствовала, как установил историк, в рукописи перевода Литовского статута, изданной И. И. Лаппо.

Перевод оригинального текста Литовского статута на русский деловой язык, употреблявшийся в середине XVII века в России, вполне мог быть сделан и после создания Соборного уложения. Известно, что в 1662 году царь Алексей Михайлович отдавал распоряжение о переводе «Уложенной книги великого княжества Литовского»¹, хотя никаких точных сведений о том, было ли это царское распоряжение выполнено, не сохранилось.

Не менее двадцати статей Соборного уложения 1649 года происходили из «градских законов греческих царей»² — византийского юридического сборника, составленного в 70-е годы IX века³, в период совместного правления императоров Василия, Константина и Льва. В современной исторической литературе данный сборник именуется «Прохионом» или «Прокейроном»⁴. Отдельные фрагменты его, а в ряде случаев неизменно включались с конца IX века в различные номоканоны. Именно в составе этих сводов церковного и светского права нормы Прохиона и пришли первоначально на

¹ См. об этом: *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953. С. 37.

² В свитке Соборного уложения помета «из градских» стоит против 24 статей. См.: Перечень помет на полях свитка Соборного уложения 1649 г. // Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 445–446. По мнению Н. Ф. Рождественского, в Соборное уложение 1649 года вошло 39 статей, «слово в слово заимствованных из Прохиона Василия Македонянина» (*Рождественский Н. Ф.* О влиянии Греко-Римского права на Российские гражданские законы // Годи́чный торжественный акт в Императорском Санктпетербургском университете, бывший 25 марта 1843 года. СПб., 1843. С. 112).

³ В исторической литературе указываются различные даты составления Прохиона. Германский историк К. Э. Захариз фон Лингенталь (1812–1894) полагал, что этот правовой памятник был создан «около 879 г.» (*Zachariae K. E.* Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Aalen, 1955. S. 22). Русский ученый М. И. Бенеманский весьма убедительно доказывал, что Прохион мог быть составлен только в 876 году. См.: *Бенеманский М. И.* 'О Прокейрос Номос императора Василия Македонянина. («Закона градского главы различны в чети́редесятых гранех»). Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Вып. 1. Сергиев Посад, 1906. С. 45–53.

⁴ См. о различных названиях данного юридического сборника и происхождении его русского наименования «Прохион» в книге: *Бенеманский М. И.* 'О Прокейрос Номос императора Василия Македонянина. С. 33–34.

Русь. Н. В. Калачов считал, что указанные нормы составляли в древнерусском обществе часть действующего права. «Не могу, кстати, не заметить, — писал он, — что *градский закон* заслуживает нашего особенного внимания, потому что на практике он уже в самую глубокую древность имел у нас юридическую силу: это подтверждается разными памятниками, как духовными, так и светскими, которые во многих случаях весьма ясно показывают, что наши предки основывали на нем свои судебные приговоры»¹.

Сформулированные на основе норм Прохирона статьи Соборного уложения относились, в основном, к сфере уголовного права: в них устанавливались, например, наказания за поджог города или дворов (ст. 4 главы II), за переход к неприятелю во время государственной службы в полках (ст. 20 главы VII), за кражу лошади во время военной службы (ст. 29 той же главы), за убийство матери и отца (ст. 1–2 главы XXII), за подстрекательство к смуте (ст. 13 главы XXII), за убийство женою своего мужа (ст. 14 той же главы). Помета «из грацких» стояла и против статьи 16 главы XXII Соборного уложения, в которой говорилось: «А будет кто умысля воровски придет в чей дом и похочет того дому над госпожею какое дурно учинить или ея ис того дому похочет куды увести, а люди ее от такова вора не оборонят и учнут помочь чинить тем людем, кто по нее приедет, а после того про такое их дело сыщется, и тех воров, кто таким умыслом в чужой дом приедет, и которые люди им на такое воровство учинят помочь, всех казнить смертию»².

Статьи 259, 272–273, 275–278 главы X, заимствованные составителями Соборного уложения 1649 года, согласно помете против их текстов, из византийского права, регулировали различные проблемы, возникавшие при исполнении гражданско-правовых договоров: займа, подряда, ссуды, найма и т. д. В статье 15 главы XVII, также имевшей своим источником «градские законы греческих царей», устанавливалось правило, обеспечивавшее в случае смерти отца или матери долю в наследстве глухим и немым детям³.

¹ Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Рассуждение, писанное для получения степени магистра. М., 1846. С. 146.

² Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 130.

³ «А будет после которого умершаго останутся дети глухи и немые, а братья их или сестры учнут обидить их и отцова или матерня имения учнут их отлучать, и тем умершаго детем имения отца их или матери розделить по жеребьям всем поровну, чтобы из них никто изобижен не был» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 86).

Указом царя Алексея Михайловича, изложенным в преамбуле к основному тексту Соборного уложения 1649 года, предписывалось брать «в градских законах греческих царей» только те статьи, которые «пристойны... к государственным и к земским делам». Это означало, что заимствование норм византийского права при составлении данного сборника носило весьма ограниченный характер: в его содержание переносились не все нормы таких правовых памятников Византии, как Эклога или Прохирон, но лишь отдельные из них — те, которые были применимы (пристойны) к условиям русского общества. «Такая рецепция Градских законов в Уложение существенно отличает его от Кормчих, — отмечал М. И. Бенеманский. — В то время, как многое из Градских законов, внесенных в Кормчие полностью, было лишь мертвым, ненужным материалом в русском праве, в Уложение должно было войти из них только то, что пристойно было этому праву, так что, несмотря на множество заимствований в него из иностранных источников, оно осталось, все-таки, вполне национальным кодексом, переработавшим чужой материал по духу старо-московского права и не сделалось рабскою компиляцией права иноземного»¹.

Прохирон вобрал в свое содержание немало норм обязательственного права, разработанных древнеримскими юристами. Включая эти нормы в содержание Соборного уложения, его составители освобождали их от ряда деталей, которые, вероятно, казались им излишними в условиях русского общества.

Так, в главе 9 титула XVII Прохирона излагалось следующее правило, регулировавшее договорные отношения между заказчиком и мастером по обработке драгоценных камней в случаях, когда заказанной вещи наносится какое-либо повреждение:

«Аще возмет кто камень, да устроит, или провертит, или изделает в нем, и сокрушится: аще убо неумением мудреца, повинен есть. Аще же виною вещи, повинен есть. Аще ли неведый восприят, рекше, аще обещася не сокрушити, и сокрушит, повинен»².

В Соборном уложении эта норма была изложена в статье 272 главы X в следующей формулировке:

«А будет кто мастеровой человек возмет у кого узорочные товары камень алмаз, или яхонт, или изумруд, или лал, или иной какой камень

¹ Бенеманский М.И. Закон градский. Значение его в русском праве. М., 1917. С. 196–197.

² Цит. по: там же. С. 215.

для олмаженья, или гранити, или печати резати, и небрежением тот камень розломит или какую ни будь поруху учинит, и в том на него будут челобитчики, и на нем за тот камень взятии цену, чем сторонние люди оценят»¹.

В отличие от приведенной нормы византийского права, в которой речь шла просто о драгоценном камне, в соответствующей ей статье Соборного уложения были указаны конкретные его виды. Однако если в Прохироне, помимо вины мастера, выделялась вина вещи, и при наличии последней мастер не подвергался ответственности за повреждение драгоценного камня, то в Соборном уложении такого различия не проводилось. Вместо этого говорилось только о «небрежении» мастера при обработке камня, за которую на него возлагалась обязанность уплатить за камень цену, назначенную «сторонними людьми». Таким образом, Соборное уложение воспроизводило норму «градцкого закона» в упрощенном варианте, который, вероятно, составители данного юридического сборника сочли более подходящим к правосознанию русского общества. Подобные упрощения норм византийского права при включении их в текст Соборного уложения 1649 года были особенно характерны для предписаний, регулировавших гражданско-правовые отношения.

Для приспособления же уголовных норм византийского права, включавшихся в текст Соборного уложения, к условиям России часто было достаточно внести в их формулировки лишь некоторые весьма незначительные изменения. Так, статья 4 главы II Соборного уложения была сформулирована на основе правовой нормы, изложенной в главе 18 титула XXXIX Прохирина. При этом составители Уложения ограничились небольшой редакторской правкой текста византийской нормы и добавлением к нему двух новых слов.

Прохирон («Закон градский»)

Титул XXXIX глава 18:

«Аще некто ведый, рекше хотением дом зажжет или ворох жита, близ дому лежащ, и обличен быв, огневи предан боудет»².

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 62.

² Цит. по: Бенеманский М. И. Закон градский. Значение его в русском праве. С. 204.

Соборное уложение 1649 года

Глава II статья 4:

«А будет кто умышлением и изменою город зажжет или дворы, и в то время или после того зажигальщик изыман будет, и сыщется про то его воровство допряма, и его самого зжечь безо всякого милосердия»¹.

Как видим, и в Прохироне, и в Соборном уложении преступлением считался просто поджог домов без учета его последствий, то есть не принималось во внимание, приведет поджог к повреждению имущества или полному его уничтожению. В обоих сборниках субъект данного преступления имел злой умысел (совершал поджог «умышлением» или «ведый, рекше хотением») и должен был подвергнуться одинаковому наказанию — сожжению.

Однако, в отличие от Прохирина, Соборное уложение придавало поджогу характер **измены** и называло в качестве объекта преступного посягательства не просто дома, но и **город**. Соответственно, и наказание — сожжение преступника — должно было осуществляться по Соборному уложению «безо всякого милосердия».

Такая переработка нормы византийского права в полной мере соответствовала условиям русского общества. Поджог домов нередко использовался в России в качестве средства побудить народ к восстанию, и поэтому его вполне можно было отнести к категории государственных. А поскольку городские постройки были в подавляющей своей части деревянными (даже в Москве), то поджог нескольких домов был, по существу, равнозначен поджогу города в целом. Подобный поджог произошел в Москве в июне 1648 года, то есть незадолго до созыва Земского собора, на котором было принято решение о составлении Уложения. Один из иностранцев, наблюдавших это бедствие, писал впоследствии в своих мемуарах: «Вдруг после обеда в пяти различных местах города вспыхнул страшный пожар, который в течение 13 или 14 часов половину Москвы обратил в груды пепла. Во время пожара, как насчитывают некоторые, сгорело 10 000 домов. Если же считать и те дома, которые во многих и различных дворах были огнем превращены во развалины, то всего-на-все погибло пятнадцать тысяч домов; в иных из этих домов сгорело десять человек, в других двенадцать, а в некоторых и более; в числе сгоревших отцы, матери,

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 20.

дети, слуги. Число людей, погибших от огня, простирается приблизительно до 1700»¹.

В исторической литературе, посвященной Соборному уложению 1649 года, часто высказывается мнение о том, что выраженный в этом правовом памятнике формальный взгляд на сущность преступления, то есть понимание преступления не только как действия, причиняющего кому-то какой-либо материальный вред, но и в качестве простого нарушения царского указа², появился под влиянием византийских правовых концепций и, в особенности представления о преступлении, характерного для Прохирона. Подобным же образом влиянию византийского права приписывается и утверждение в Соборном уложении воззрения на наказание как на средство устрашения.

Данное мнение проводится, например, в книге М. И. Бенеманского «Закон градский. Значение его в русском праве». Здесь пишется, в частности, следующее: «В то время, как Прохирон в 39-ом своем титуле проводит чисто формальный взгляд на преступление: всякое нарушение закона есть преступление, большинство памятников русского законодательства за предшествующие периоды выражает главным образом материальный взгляд на него: преступно только то действие, которое причиняет кому-либо внешний материальный вред. Отсюда происходила громадная разница и между наказаниями за преступления по Прохирону и по памятникам русского законодательства. Первый налагает наказания и за такие действия, которые не причиняют никакого материального вреда, последние же такие действия оставляют без последствий, в большинстве случаев они не преследуют преступника и не подвергают его никакому наказанию, если на него не было жалобы со стороны потерпевшего лица. И, наоборот, первый оставляет без наказания и преступные действия, если они не явились последствием злых умыслов их со-

¹ Московский бунт 1648 года // Исторический вестник. 1880. Кн. 1. С. 71–72.

² См., например, статью 9 главы I Соборного уложения: «А будет кто, забыв страх божий и презрев царское повеление, учнет ему государю, или патриарху, или иным властям в церкви божии во время церковного пения о каких своих делах бити челом, и того челобитчика за то вкинуть в тюрьму, на сколько государь укажет» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 20). В этой статье преступлением прямо объявляется нарушение царского повеления, хотя при этом и подразумевается, что челобитье во время церковного пения преступно, в конечном счете, потому, что может вызвать «смятение». О запрете бить челом в церкви во время церковного пения, дабы «смятения не было», говорится в предыдущей, восьмой статье, указанной главы Соборного уложения.

вершителей, последние же налагают наказания и за такие действия, в которых хотя и участвовала злая воля их совершителей, но ими был причинен кому-либо материальный вред. Уложение в этом случае вполне разделяет взгляд Прохирона. Равным образом и самый род наказаний, утвержденных Уложением, вполне одинаков с родом наказаний, принятых в Прохироне. Столь развитая в древнем русском праве система денежных пеней и выкупов уступает в нем место смертной казни, различного рода членовредительствам и ссылке. Наконец, самая цель наказаний по Уложению одинакова с целью их по Прохирону, это — устрашение»¹.

Восприятием византийских правовых концепций объяснял появление в Соборном уложении большого числа жестоких, призванных внушать страх уголовных наказаний также историк русского права А. Н. Филиппов. «Современная историко-юридическая критика первоисточников С. Уложения, — отмечал он, — неоспоримо доказала, что громадная доля ответственности за „кровожадность“ должна пасть на светское византийское право»².

По сравнению с судебниками 1497 и 1550 годов и тем более с Русской Правдой Соборное уложение 1649 года действительно показывает беспрецедентную жестокость уголовных наказаний. Причем эта жестокость представляется здесь в качестве неотъемлемого свойства наказания. «Да будет сыщется кто на кого возмет какую крепость нарядным делом по неволе, и таким людем, кто такие крепости учнет имати по неволе, чинити *жестокое* наказанье, бить их кнутом *нещадно* при многих людех, чтобы им и иным таким впредь неповадно было так воровать»³, — говорится в статье 251 главы X Соборного уложения. Точно такое же наказание предусматривается и статье 55 главы XXI данного сборника: «А будет в сыску скажут, что того приводного человека исцы ополичнили силно, и тем людем, которые его ополичнили силно, за то учинить *жестокое* наказание, при многих людех бить их кнутом *нещадно*, да на них же тем людем, кого они ополичнили силно, править бесчестье вдвое, чтобы на то смотря и иным неповадно было так делать»⁴. Подобных статей много в Соборном уложении 1649 года — этот юридический сборник вполне заслуживает определения «кровожадный». Однако вряд ли правиль-

¹ Бенеманский М. И. Закон градский. Значение его в русском праве. С. 200—201.

² Филиппов А. Н. История русского права. Ч. 1. Вып. 3. Юрьев, 1906. С. 24.

³ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 60.

⁴ Там же. С. 123.

ным будет связывать многочисленность жестоких наказаний в нем с восприятием его составителями уголовно-правовых воззрений византийских правоведов.

Влияние византийских правовых концепций вполне могло сыграть определенную роль в утверждении в Соборном уложении формального взгляда на преступление и представления об уголовном наказании как средстве устрашения. Но эта роль была скорее побочной — стимулирующей, нежели решающей. Византийские сборники норм церковного и светского права, в которых выражались указанные представления о сущности преступления и наказания, были известны на Руси еще во времена Русской Правды. Но тем не менее ни Русская Правда, ни создававшиеся в последующие эпохи судные грамоты и судебники не воспринимали этих представлений. По словам В. И. Сергеевича, «формальный взгляд на преступление нашел свое выражение сначала только в церковных уставах Владимира св. и Ярослава. В уставе Владимира запрещаются многие деяния только потому, что они не допускаются церковными законами, напр., моление у воды, волшебство и проч. Преступлением считалось отправление обрядов языческого богослужения. Эти обряды не причиняли, конечно, никому материального вреда, но исполнение их воспрещалось и наказывалось потому, что они были не согласны с учением церкви»¹.

Формальный взгляд на преступление утвердился в русской юриспруденции во второй половине XVI — в первые десятилетия XVII века — еще до издания Соборного уложения 1649 года. «В Судебниках, — писал по этому поводу В. И. Сергеевич, — еще замечен материальный взгляд; преступление носит наименование „лихого дела“. Судебники говорят: татьба, душегубство и иное лихое дело. В этом слышится указание на материальный вред. Преступники носят наименование „лихих людей“, в этом опять проглядывает материальная точка зрения. Но в позднейших памятниках взгляд на преступление получает чисто формальный характер; под преступлением начинают понимать „непослушание царской воле“, нарушение предписаний власти. В воеводских наказах, после перечисления запрещенных деяний, о преступниках говорится: „А за их *непослушание* чинить им жестокое наказание, чтобы, смотря на то, другим ослушаться не повадно было“»².

¹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 257.

² Там же. С. 257–258.

Утверждение в русском правосознании и светском законодательстве формального взгляда на преступление отвечало потребностям развивавшейся русской государственности, и оно произошло бы в указанный период даже в том случае, если бы византийские уголовно-правовые концепции не имели в России никакого влияния. Опыт правовой истории западноевропейских стран показывает, что понимание преступления в качестве нарушения предписаний государственной власти начинает неизбежно преобладать в действующем законодательстве в эпоху становления бюрократического государства — так называемой «абсолютной монархии». Одновременно с этим более жестокими становятся и наказания, которым сознательно придается преимущественно устрашающее значение.

В течение второй половины XVI — первой половины XVII веков в России развивался аппарат государственного управления: возрастало количество приказов и численность приказных людей. События «Смуты» начала XVII века прервали данный процесс на некоторое время, но после избрания царем Михаила Федоровича Романова он возобновился и стал проходить более быстрыми темпами¹. Историк Н. Ф. Демидова отмечает в своей книге, посвященной развитию управленческого аппарата в России в XVII веке, что в указанную эпоху «эволюция государственного аппарата в области системы учреждений шла в направлении совершенствования приказной системы сверху донизу, вытеснения разнохарактерных учреждений сословного плана государственными бюрократическими учреждениями; в области же обслуживающего их штата — по пути количественного роста группы населения, единственным занятием которого была государственная служба»². По словам Демидовой, «первая половина XVII в. — время расцвета приказной системы и постепенного внедрения ее во все отрасли управления»³. Все эти процессы нашли свое отражение в тексте Соборного уложения 1649 года — в особенности, в содержании его десятой главы, в которой были изложены нормы, регулирующие осуществление правосудия. Дьяки, подьячие и «всякие приказные люди» выступают в статьях этой главы главными действующими лицами «суда государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси»⁴.

¹ См. об этом: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 21.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 21.

⁴ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 31–64.

О возрастании к середине XVII века роли служилых людей в осуществлении государственной власти в России свидетельствует и описание русской государственности в трактате Г. К. Котошихина (около 1630—1667) «О России в царствование Алексея Михайловича». Вторая глава указанного произведения специально посвящена различным категориям людей, о чем свидетельствует ее название «О царских чиновных людех: о боярех и околничих, и думных, и ближних людех, о столниках, о стряпчих, о дворянех, о полковниках и головах стрелецких, о диаках, о жилцах и о всяких служилых и дворовых людех»¹. В седьмой же главе под названием «О приказах» рассказывается о составе различных приказов и сфере деятельности каждого из них².

Ужесточения уголовных наказаний, придания им устрашающего характера требовала и сама политическая обстановка, существовавшая в сороковые годы XVII века в России. Это было время народных бунтов³. В год 1648-й — предшествовавший принятию Соборного уложения, народные бунты произошли в Москве, Устюге, Козлове, Сольвычегодске, Томске и других русских городах. Самым опасным для верховной государственной власти городским восстанием был московский мятеж, случившийся в 20-х числах июня 1648 года. Для того, чтобы успокоить мятежных горожан, царю Алексею Михайловичу пришлось пойти на уступки — и в частности, дать разрешение на казнь некоторых своих вельмож, имевших в народе дурную репутацию⁴. Немецкий ученый Адам Олеарий (1599—1671), описавший в своих записках о Московии события этого опасного для русского царя и его двора мятежа, сделал следующий вывод из них: «Такой опасности в то время подвергалось счастье как молодого правителя, так и подданных его ввиду того, что несправедливым и своекорыстным чиновникам дана была воля. И вот, следовательно, каков, во всем рабстве, нрав русских, когда их сильно притесняют»⁵.

¹ См.: Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Подготовка публикации, вводная статья, комментарии и словник Г. А. Леонтьевой. М., 2000. С. 44—56.

² См.: там же. С. 107—147.

³ Историк Ключевский все XVII столетие называл «эпохой народных мятежей в нашей истории» (см.: Ключевский В. О. Сочинения в 9-ти томах. Том 3: Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 225).

⁴ См. об этих событиях: Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 380—388; Московский бунт 1648 года // Исторический вестник. 1880. Кн. 1. С. 69—73.

⁵ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. С. 388.

Идея составления Соборного уложения возникла во многом под влиянием городских восстаний. На это указывал, в частности, в своих «Лекциях по славянскому праву (*Lectures on Slavonic Laws*)»¹ профессор Императорского Варшавского университета Ф. Ф. Зигель. Он считал, что мятежи в Москве, Пскове и Новгороде, происходившие в 40-х годах XVII века, порождались помимо прочего также «неопределенностью юридической основы русского общества». Эта неопределенность была вызвана, по его мнению, в значительной мере уничтожением в пожаре 1626 года свитков с текстами законодательных актов, которыми регулировалась деятельность служилых людей². И созданием нового юридического сборника старались данную неопределенность устранить.

В то время, когда шли работы над Соборным уложением, события московского мятежа 1648 года и в особенности жестокие расправы над вельможами не могли еще стереться из памяти его составителей. Появление в содержании правовых норм Соборного уложения жестоких санкций, устрашающих по своей цели наказаний было в этих условиях вполне закономерным.

Анализ содержания Соборного уложения 1649 года показывает, что в него вошли правовые нормы, происходившие из многих источников: 1) из судебников 1497 и 1550 годов, 2) из царских указов и боярских приговоров, записанных в указных книгах различных приказов, 3) из Статута Великого княжества Литовского 1588 года, 4) из византийского сборника под названием «Прохиرون», составленного в 70-е годы IX века, 5) из Стоглава и др. Кроме того, значительная часть новых правовых норм была сформулирована составителями Уложения на основе требований, которые были изложены в челобитных представителей различных групп населения, избранных в августе 1648 года в состав Земского собора. Перед комиссией, которой было поручено царем Алексеем Михайловичем разработать проект Соборного уложения, стояла весьма сложная задача: свести воеди-

¹ Эти лекции были напечатаны в 1902 году на английском языке в Лондоне и Нью-Йорке. См.: *Sigel F. Lectures on Slavonic Law. Being the Ilchester lectures for the year 1900. London, New York, 1902.*

² «The fire of 1626 destroyed all the laws concerning the domains of the crown, which were given to the serving classes for their use. This uncertainty of the legal bases of society produced arbitrariness and vexations on both sides, and called forth revolts in Moscow, Pskov, and Novgorod. Therefore the tsar, lords, and clergy decided in 1648 to bring all the laws into mutual agreement, to add to them new enactments, to unite them into one code, and to summon a council of the realm for their examination and sanction» (*Sigel F. Lectures on Slavonic Law. P. 43.*)

но массу различных по своему происхождению правовых норм, приспособить содержание этих норм к условиям русского общества середины XVII века, расположить их в определенном порядке по главам. И с этой задачей комиссия успешно справилась.

Соборное уложение вобрало в себя прошедшие проверку временем нормы русского права, воплотило в своем содержании многовековой опыт русской юриспруденции. Нормы, заимствованные его составителями из иностранных источников, были отредактированы таким образом, что стали выражать правовые воззрения, характерные именно для русского общества. Текст Соборного уложения был написан языком, понятным для основной массы населения России¹. Новая юридическая терминология, использованная в изложении его правовых норм, базировалась, как и терминология всех предшествовавших ему сборников русского права, на бытовых терминах этого языка. Соборное уложение стало и по содержанию его правовых норм, и по приемам юридической техники, и по сущности выраженных в его тексте правовых идей самым значительным памятником русской правовой культуры средневековой эпохи. Ф. Л. Морошкин, обращая внимание на глубоко национальный дух Соборного уложения, называл его *«историческим первообразом русского законодательного ума, русского гражданского быта и юридического слова»*². «Уложение родословно как Москва, патриархально как Русский народ и грозно как царский гнев, — отмечал он. — Судьбы Отечества отпечатались в нем всеми юридическими понятиями, народная жизнь всеми заветными мыслями и наклонностями»³. Подтверждение данной оценки Соборного уложения можно найти едва ли не в каждой из его глав.

¹ «Слог Уложения блаженныя памяти царя Алексея Михайловича по большей части ясен, прост и краток; с удовольствием слушаешь, где бывают из оного выписи; никто не ошибется в разумении того, что слышит; слова в нем внятны и самому посредственному уму» — такими словами императрица Екатерина II характеризовала язык Соборного уложения 1649 года в своем «Наказе» комиссии о сочинении проекта нового уложения (Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. Библиография: проф. У. Э. Батлер. М.: Зерцало, 2008. С. 91).

² Об Уложении и последующем его развитии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского Университета ординарным профессором, доктором прав Федором Морошкиным июня 10 дня 1839 года. М., 1839. С. 7.

³ Там же.

Так, вторая глава, посвященная государственным преступлениям, является, по моему мнению, наиболее яркой иллюстрацией того влияния, которое оказала на содержание норм Соборного уложения судьба России. Как известно, судебники XV–XVI веков не выделяли государственных преступлений в особую категорию правонарушений. В Судебнике 1497 года лицо, совершившее преступление против государства, — «коромолник» — упоминалось в одной статье (8-й) с убийцей своего господина («государским убийцей»), лицами, совершившими кражу церковного имущества («церковным татем») или похитивших людей («головным татем»), подстрекателем к бунту («подымщиком»), поджигателем («зажигальщиком»)¹. Все они подлежали смертной казни. Подобным же образом обстоит дело и в Судебнике 1550 года (ст. 61). Правда, здесь в числе лиц, совершивших преступление против государства, назывался, помимо «коромолника», «градский здавец» — лицо, сдавшее город врагу². В Соборном уложении государственные преступления были обособлены в отдельную категорию. Вторая глава, в которой излагались правовые нормы, посвященные данной разновидности преступлений, состояла из 22 статей и носила соответствующее название — «О государьской чести и как его государское здоровье оберегать». В первой из статей говорилось о наказании лица, замыслившего посягнуть на здоровье (жизнь) государя, во второй — о наказании того, кто замыслил занять государев трон и предпринимал для исполнения этого замысла какие-либо действия (собирал войско, вступал в сношения с врагами царского величества и т. д.), в третьей устанавливалась кара за сдачу города изменою государеву врагу, в четвертой — кара за умышленный и изменнический поджог города или дворов. В рассматриваемом правовом памятнике ничего не говорилось о преступлении, состоявшем в оскорблении государя словом, но на практике такие действия жестоко наказывались.

В качестве главного наказания за совершение государственных преступлений Соборное уложение предписало смертную казнь. Од-

¹ «А государскому убийце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью» (Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 55).

² «А государскому убийце, и градскому здавцу, и коромолнику, и церковному татю, и головному татю, и подметчику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку, живота не дати, казнити его смертною казнью» (Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 108).

нако оно не ограничилось этой мерой. В пятой статье второй главы Уложения была предусмотрена в дополнение к смертной казни конфискация в пользу государя поместий и вотчин государственных изменников. Шестая же статья установила, если жены и дети таких изменников знали про их измену, то и они должны были подлежать смертной казни¹. Девятая статья предписывала «казнить смертью же» также отца, мать, братьев родных и неродных, дядей и других родственников изменника в случае, когда они проживали вместе с ним, имели общие вотчины и знали о том, что он готовит измену. Их вотчины, поместья и все остальное имущество подлежали при этом конфискации в пользу государя².

Статья 38 главы XVII Соборного уложения устанавливала правило, по которому если кто-либо свою вотчину кому-то продавал или закладывал и купчую или закладную кабалу записывал на ту вотчину в книги, и после этого совершал измену — отъезжал из Московского государства в другую страну, то лицо, купившее данную вотчину у изменника до его измены, могло владеть ею без выкупа, род же изменника лишался в этом случае вотчины³. Ф. В. Тарановский в своем комментарии на указанную статью особо подчеркивал, что, «признавая права третьего лица, государственная власть совершенно не признает интересов ни в чем не повинного рода изменника, и чтобы наказать весь род, не задумываясь, награждает случайное третье лицо, придав совершенной им сделке бесповоротность, которой бы она по закону не имела, если бы контрагент не изменил. Из приведенного примера видно, как под влиянием борьбы с изменой рушились все признанные гражданско-правовые принци-

¹ «А жены будет и дети таких изменников про ту их измену ведали, и их по тому же казнить смертью» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 20).

² «А будет кто изменит, а после его в Московском государстве останутся отец, или мать, или братья родные, или неродные, или дядья, или иной кто его роду, а жил он с ними вместе, и животы и вотчины у них были вопче, и про такова изменника сыскивати всякими сыски накрепко, отец и мати и род его про ту его измену ведали ли. Да будет сыщется допряма, что они про измену того изменника ведали, и их казнить смертью же, и вотчины и поместья их и животы взятии на государя» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 20).

³ «А будет кто кому вотчину продаст или заложит и просрочит, и купчую или закладную кабалу на тое вотчину в книги запишет, и после того изменит, из Московскаго государства отъедет в ыную землю, и тому, кто у него ту вотчину купит, владеть тою вотчиною без выкупу, потому что он у того изменника ту вотчину купил до его измены, а роду того изменника той вотчины на выкуп не отдавать» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 89).

пы. Так обстояло дело в самом законе. Еще хуже оказывалось оно на практике»¹.

Соборное уложение 1649 года освобождало от ответственности жен, детей и других родственников государственного изменника в том случае, если они ничего не знали о подготовке им измены. Однако принцип индивидуальной ответственности за это преступление проводился в данном правовом памятнике не слишком настойчиво. Он не подкреплялся принципом презумпции невиновности. Неосведомленность родственников изменника о его изменнических действиях еще должна была доказываться, причем прямыми доказательствами. Но даже если она доказывалась, вотчины и поместья, которыми прежде семьи изменников владели, все равно у них забирались в государеву казну. Им же оставалась только жизнь и некоторое имущество для обеспечения сносного существования. «А будет которая жена про измену мужа своего или дети про измену же отца своего не ведали, — говорилось в седьмой статье Соборного уложения, — и сыщется про то допряма, что они тое измены не ведали, и их за то не казнить, и никакова наказания им не чинить, а на прожиток из вотчин и ис поместей им, что государь пожалует»². У других же родственников изменника — отца с матерью, братьев, дядей и т. д. — в случае, если доказывалась их неосведомленность о подготовке им измены, согласно десятой статье второй главы Уложения, ни вотчин, ни поместий, ни иного какого-либо имущества не отнималось³.

Статут Великого княжества Литовского 1588 года также предполагал в аналогичных ситуациях знание родственников изменника о подготовке им измены и требовал, чтобы их неведение доказывалась. Но, в отличие от Соборного уложения 1649 года, названный Статут предписывал доказывать свое незнание о подготовке измены не всем детям, а только взрослым сыновьям изменника. Супруга же его могла очистить себя от подозрений в том, что она знала о намечавшейся измене, одной присягой. В артикуле третьем раздела первого Статута 1588 года говорилось на сей счет следующее: «А сынове

¹ Тарановский Ф. В. С. Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича // Тарановский Ф. В. История русского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 145–146.

² Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 20.

³ «А будет про них сыщется допряма, что они про измену того изменника не ведали, и их смертию не казнити, и поместья и вотчины и животы у них не отимать» (там же).

такового зрайцы dorosлые, и которые бы теж за доводом слушным оказались быть ведомыми тое зрады отцовское, также честь и горло тратити мають. А тые сынове, которые бы не были лѣтъ зупольных dorosлых, або другие, и dorosлыми будучы, а тое зрады отцовское не были бы вѣдоми, таковые чести ани горѣла не будутъ тратити, однакъ же и таковые недорослые и dorosлые а зрады неведомые сынове за таковой выступъ отца своего от всихъ именей отчизныхъ, выслужонных и которымъ колвекъ обычаемъ набытыхъ вѣчне отпасти мають. Але вси имен[ъ]я здрайцы такого мимо детей и близкихъ на речъ посполитую и на насъ, г[o]с[по]д[a]ра, ку столу нашему великому князству припадати будутъ. А жоны таковыхъ зрадец, которые не будут ли ведали тое зрады мужов своихъ, а с того ся выведутъ присегами своими, таковые именей своихъ отчистыхъ и материстых и вена, передъ учинкомъ тое зрады имъ от мужей ихъ описаного, не тратятъ». Согласно артикулу седьмому первого раздела Статута присягой могли очиститься от указанных подозрений и те сыновья изменника, которые жили отдельно от него: «А ведь же который бы сынъ былъ дельный от отца своего и первой тое части своее в держанью былъ, нишли утечетъ отецъ его, и мешкаль бы на томъ кромъ отца не въ одномъ местцу и не въ одномъ дому, а тое зрады и учинку отца своего не ведалъ и не былъ бы подозренный и вывелъся того присекою своею, тогды таковые сынове и дочки от почтивости своее, именей отчизныхъ и материстыхъ не отъпадавають». Все остальные родственники лица, совершившего государственную измену, не привлекались Статутомъ Великого княжества Литовского к какой-либо ответственности. Таким образом, Соборное уложение, принятое спустя шестьдесят лет после Статута, относилось к государственной измене более сурово, чем он.

Согласно статье 59 главы XVI Соборного уложения, на основании одного доноса и без судебного разбирательства нельзя было отнять ни вотчины, ни поместья. «А которые челобитчики учнут государю бить челом на кого о выганныхъ вотчинахъ или утаенныхъ поместьяхъ, и по ихъ челобитью в такихъ делахъ доведется имъ давать очные ставки», — говорилось в данной статье. Статья 17 главы XVII регулировала другой подобный случай, когда предпринимается попытка отнять у кого-либо посредством доноса пожалованную ему вотчину. И в ней также устанавливалось правило, по которому лишить человека имущества можно было только по решению суда и после проведения тщательного судебного расследования обстоятельств дела. «А которымъ людемъ, — гласила данная статья, — вотчины даны по сыску за московское осадное сиденье, а челобитчики учнут на

тех людей бити челом, что они в осаде не были, и в осадном списку имен их не написано, и против того челобитья про тех людей, за которыми такие вотчины, сыскивать накрепко, и с теми людьми, кто на них станет бити челом, ставить с очей на очи. Да будет по сыску кто в осаде не сидел, а взял вотчину ложно, и у тех те вотчины отымать и в роздачу роздавать. А за очи и не сыскав допряма, тех вотчин у них не отымать»¹.

Установление судом ложности доноса в приведенных случаях автоматически влекло за собой судебное решение в пользу того, на кого он был сделан. Однако иное последствие наступало в ситуации, когда не находил подтверждения донос о совершении государственной измены. Двенадцатая статья второй главы Соборного уложения предписывала относительно этой ситуации следующее: «А будет кто на кого учнет извещати великое государево дело, а свидетелей на тот свой навет никого не поставит и ничим не уличит, и сыскать про такое государево великое дело будет нечим, и про такое великое дело указ учинить по рассмотрению, как государь укажет»². Отсутствие подтверждения доносу о преступлении, направленном против государя и государства, не влекло за собой немедленного оправдания лица, обвиненного этим доносом. Решение дела представлялось в данной ситуации на усмотрение государя. Установленный Соборным уложением особый порядок разбирательства дел о государственной измене, очевидно, был призван предотвратить уход обвинявшихся в совершении этого преступления лиц от уголовной ответственности и в тех случаях, когда серьезных доказательств, способных подтвердить обвинение, суд получить не мог. Составители Соборного уложения явно исходили здесь из представления, что лучше осудить множество невиновных, нежели дать уйти от наказания хотя бы одному виновному.

Ф. В. Тарановский высказывал мнение о том, что «указ по рассмотрению», предусмотренный статьей 12 главы II, «отступая от принципа *nulla poena sine lege*, предполагает не назначение наказания, установленного Уложением и налагавшегося „указом по сыску“, а пониженное карательное воздействие на лицо, не столько преступное, сколько подозрительное и неблагонадежное». По его словам, «предположение о том, что „указ по рассмотрению“ не был рассчитан на применение полной меры законной кары, подтверждается, по-видимому, соответственными данными практики поли-

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 86.

² Там же. С. 20.

тических процессов»¹. На мой взгляд, даже «не полная мера законной кары» была для дворянина в условиях, когда государь был для него главным источником основных материальных благ, весьма серьезным наказанием. Назначение дворянину даже самой незначительной кары при отсутствии серьезных доказательств совершения им государственного преступления, означало, что он лишился доверия к себе со стороны государя, а это не могло не повлечь за собой прекращения пожалований денежных средств или земель.

Появление в Соборном уложении 1649 года беспрецедентно жестоких мер наказания за государственную измену и распространение их на всех родственников изменника явно свидетельствует о том, что данное преступление считалось в русском обществе деянием предельно опасным — таким, которое несет в себе серьезную угрозу устоям Русского государства. Назначая за это преступление жестокие наказания не только тем, кто его совершал, но и их родителям, детям и другим родственникам, создатели Уложения были уверены, что данные установления найдут полную поддержку в обществе. И они имели все основания для такой уверенности.

На правосознание русского общества XVII века огромное влияние оказали катастрофические для Русского государства события Смутного времени². Большое участие иностранцев — среди них, главным образом, поляков — в бедствиях, выпавших на долю России во время Смуты начала XVII столетия, не помешало русским людям увидеть, что главным врагом Русского государства, сокрушившим его, были... *сами русские*. Иностранцы же лишь *воспользовались* Смутой для достижения своих корыстных целей.

Одно из самых ранних свидетельств такого понимания причин «Смуты» представляет собой *«Новая повесть о преславномъ Российскомъ царстве и великомъ государстве Московском...»*, написанная в феврале—начале марта 1611 года. «Скажу вамъ истинну, а не ложь, — писал ее автор, оставшийся неизвестным, — что однолично сопостаты наши, которыя у нас, нынѣ с нашими измѣнники-единовѣрники, и с новыми богоотступники, и кровопролители, и разорители вѣры христьянская, с первенцы сатанины, со иудийными предателя Христова братиею, с начальники, и со иными их подручники, и угодники, и единомысленники, иже недостойны по своим

¹ Тарановский Ф. В. Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича. С. 168.

² См. подробнее об этом: Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. X — XVIII века. М.: Зерцало, 2003. С. 135—145.

злымъ дѣломъ прямымъ своимъ званіемъ именоватися (рещи достоин ихъ — душапагубныя волки), хотятъ насъ конечно погубити, и под меч подклонити» (курсив мой. — В. Т.). В другом месте своей повести безымянный автор ее называл, кого он имел в виду под «нашими изменниками-единоверцами». Это были в первую очередь русские бояре-землевладельцы. «А сами наши земледержцы (яко и прежде рѣхъ, землесѣдцы), те и давно от него (от Бога. — В. Т.) отстали, и умъ свой на послѣднее безуміе отдали, и к нимъ же, ко врагомъ, пристали, и ко инымъ к подножию своему припали, и государское свое приращение пременили в худое рабское служение, и покорились, и поклоняются невѣдомо кому, сами вѣдаете, и смотрят, из рукъ и ис скверныхъ устъ его, что имъ дать и указать, яко нищии, у богатого проклятого... и пропали навѣки, аще от того зла и худа на добро не обратятся. Горши же намъ всего учинили, что насъ всѣхъ выдали, да не токмо выдали, ино заедино с ними, со враги, вооружилися вкупѣ, и хотятъ насъ всѣхъ погубити, и вѣру христіяньскую искоренити». Обвиняя в предательстве своего отечества землевладельцев и правителей, которые словно ослепли или онемели и ни один из них не смеет тому врагу ничего запретить, «Новая повесть о преславномъ Российскомъ царствѣ...» отмечала, что другие при этомъ молчат, не говорят, ни в чемъ врагу не перечат. «И полцы велицы всякихъ чиновъ люди за тѣмъ врагомъ ходятъ и милости и указу от него смотрятъ. Не токмо прости и неимянитии люди, но и сами боярския и дворянския дѣти, и сами дворяне, добродни и изрядни всѣмъ...»

Какъ известно, Россію спасла от окончательнаго краха в началѣ XVII вѣка русская провинція. Для русскихъ людей того времени такой выход изъ «Смуты» былъ вполне закономернымъ. В ихъ представленіи спасеніе Россіи не могло прийти изъ столицы. «Писаніе о представленіи и погребеніи князя Михаила Васильевича Шуйскаго, рекомаго Скопина», созданное в серединѣ XVI столѣтія, за нѣсколько мѣсяцевъ до освобожденія столицы провинціальнымъ ратнымъ ополченіемъ, показываетъ, что Москва считалась тогда скопищемъ предателей. Весной 1610 года войска, предводимые племянникомъ тогдашняго царя Василя Шуйскаго княземъ М. В. Скопинымъ-Шуйскимъ, разгромили польскую армию, осаждавшую Москву. Князь съ почестями былъ принятъ въ столицѣ. Царь не имѣлъ дѣтей, и талантливый полководецъ Скопин-Шуйскій серьезно рассматривался многими въ качествѣ наиболѣе вероятнаго наследника царскаго престола. Однако въ апрѣлѣ 1610 года, послѣ посѣщенія одного изъ московскихъ пировъ, князь заболѣлъ и спустя нѣкоторое время умеръ. Было ему въ то время всего 23 года. В русскомъ обществѣ распространилось мнѣніе о его от-

равлении на пиру. В вышеназванном произведении рассказывалось, как мать Михаила Скопина-Шуйского умоляла своего сына не ездить в Москву. «И колько я тобѣ, чадо, в Олександрову слободу приказывала: *не ѳзди во град Москву, что лихи в Москвѣ звѣри лютые, а пышат ядом зминым, измѣнничым*» (курсив мой. — В. Т.).

Катастрофические последствия государственной измены для Русского государства в наибольшей степени проявились спустя три столетия после описанных событий. Преступная и бездумная попытка государственного переворота, которую предприняли в феврале 1917 года, в разгар мировой войны, лица, занимавшие высшие руководящие посты в Русской армии (М. В. Алексеев, Н. В. Рузский, А. С. Лукомский, А. И. Деникин и др.) и в Государственной думе (М. В. Родзянко, П. Н. Милюков и др.) привела к полной и окончательной ликвидации традиционной Русской государственности, к разрушению одного из величайших в мировой истории государств — Российской империи. Смута начала XVII века стала первым тревожным сигналом, возвестившим русскому обществу, что *государственная измена является в условиях России не просто преступлением, но действием, способным вызвать крушение Русского государства* и тем самым навлечь на русских людей череду невыносимых бедствий. Наказания, которые Соборное уложение назначало за государственную измену, свидетельствуют, что данный сигнал был русскими людьми услышан. *Эти наказания могли показаться излишне жестокими только тем, кто забыл уроки великой Смуты начала XVII века.*

При оценке норм Соборного уложения, устанавливавших суровые наказания за государственную измену, необходимо иметь в виду, что назначались они, во-первых, судом, и, во-вторых, не произвольно, а по результатам следственного процесса, в ходе которых допускалась, пусть и в малой степени, состязательность сторон (например, в рамках очной ставки). Для назначения наказания лицу, обвиненному в государственной измене, было недостаточно чьего-либо доноса. Шестнадцатая статья второй главы Уложения предписывала: «А кто на кого учнет извещати государево великое дело или измену, а того, на кого он то дело извещает, в то время в лицах не будет, и того, на кого тот извет будет, сыскати и поставить с ызветчиком с очей на очи, и против извету про государево дело и про измену сыскивати всякими сыски накрепко, и по сыску указ учинить, как о том писано выше сего»¹.

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 21.

Текст Соборного уложения 1649 года был составлен из 967 статей, сгруппированных в двадцати пяти главах. Главы с первой по девятую объединили правовые нормы, предназначенные защищать интересы церкви и государства. На это указывают уже сами названия данных глав: так, глава I называется «О богохульниках и о церковных мятежниках», глава II носит название «О государственной чести и как его государственное здоровье оберегать», глава III — «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было», глава IV — «О подпискиех и которые печати подделывают», глава V — «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские денги», глава VI — «О проезжих грамотах в ыные государства», глава VII — «О службе всяких ратных людей Московского государства», глава VIII — «О искуплении пленных», глава IX — «О мытах, и о перевозех, и о мостах».

В главы с десятой по двадцатую вошли по преимуществу нормы гражданского права и правила, по которым вершился суд по гражданским и уголовным делам, а также «суд о крестьянах» и «суд о холопах». Из этих глав самой большой стала глава X, получившая название «О суде». В нее вошло 287 статей. За этой главой была помещена глава «Суд о крестьянах», затем — составленная всего из трех статей двенадцатая глава «О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян». Тринадцатой главе было присвоено название «О Монастырском приказе», четырнадцатой — «О крестном целовании». Главе XV был дан заголовок «О вершенных делах», главе XVI — «О поместных землях», главе XVII — «О вотчинах», главе XVIII — «О печатных пошлинах». Глава XIX получила наименование «О посадских людех», глава XX — «Суд о холопах».

В главах XXI, XXII и XXV были изложены преимущественно нормы уголовного права. Уголовно-правовой характер этих глав отчетливо отразился в их названиях: главе XXI было придано наименование «О разбойных и о татинных делах»; в названии следующей за нею главы было обозначено, что это «Указ за какие вины кому чинить смертная казнь и за какие вины смертию не казнить, а чинить наказанье»; глава XXV была озаглавлена как «Указ о корчмах» (в ней говорилось о преступлениях, связанных с содержанием корчмы, продажей вина, торговлей табаком).

Глава XXIII, состоявшая из трех статей, была посвящена некоторым вопросам судопроизводства по делам стрельцов, она и называлась соответственно — «О стрельцах». В главе XXIV был изложен «Указ о атаманех и о казаках», который включал в себя всего две статьи.

Характеризуя описанный порядок расположения материала в Соборном уложении, С. В. Пахман отмечал: «Таким образом, с одной стороны, Уложение обнимает собой почти все части законодательства, а, с другой стороны, в Уложении как будто видна последовательность, система. Но при ближайшем рассмотрении эта последовательность оказывается мнимой. Кажется, система Уложения определялась особым началом: большей или меньшей важностью тех приказов, из которых заимствовано содержание Уложения. Таким образом, статьи из более важного приказа ставятся сначала, так что даже большая часть глав размещена по различию приказов»¹. В доказательство данного мнения Пахман привел тот факт, что в Уложении после первых трех глав, которые, как он считал, были «заимствованы частью из Литовского статута, частью из законов греческих императоров (Византии. — В. Т.) и частью из туземных постановлений», следуют главы (четвертая и пятая), статьи которых заимствованы из записных книг Тайного приказа. «Далее идут статьи, заимствованные из Посольского приказа (гл. 6). Главы 7-я, а, может быть, также 8-я и 9-я, заимствованы из Разряда, который был потом назван Приказом военных дел. Глава 10-я взята из Судных приказов, которых было два в Москве: Владимирский и Московский. Глава 11-я, суд о крестьянах, из Приказа Поместного, глава 12-я из Патриаршего приказа, глава 13-я из Монастырского приказа, 14-я и 15-я из Судного приказа и т. д.»².

Анализ содержания Соборного уложения показывает, что и расположение правового материала внутри больших по объему, состоявших из десятков статей, глав, было подчинено определенной логике: во всяком случае, это расположение нельзя назвать всецело хаотичным. Логику эту, правда, нелегко обнаружить.

В качестве примера здесь можно привести главу X рассматриваемого правового памятника, посвященную судопроизводству. Она составляет по количеству статей и объему материала почти 30% всего Уложения (287 статей из 967). Если смотреть на содержание десятой главы с точки зрения системы расположения правового мате-

¹ Пахман С. В. История кодификации гражданского права. М.: Зерцало, 2004. С. 213. Мнение о том, что в Соборном уложении «порядок глав определился старшинством приказов, из записных книг которых они выбраны», высказывал в свое время и К. Д. Кавелин (См.: Кавелин К. Д. Рецензия на «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Книга первая. Москва, 1850 год // Собрание сочинений К. Д. Кавелина. В 4-х томах. Том 1: Монографии по русской истории. СПб. 1897. Стлб. 891).

² Пахман С. В. История кодификации гражданского права. С. 213.

риала, применяемой в том или ином современном кодексе, то нельзя не прийти к выводу о том, что ее нормы изложены в случайном порядке и не соединены друг с другом какой-либо логической связью¹. Однако логика построения содержания главы X анализируемого правового памятника вполне обнаруживается в том случае, если взглянуть на него с позиций юридического мышления, присущего для русских законоискусников середины XVII столетия. Ф. В. Тарановский писал в статье «Новые данные по истории Уложения царя Алексея Михайловича»: «Преобладающий процессуальный характер памятников древнего права породил своеобразный характер старой юридической систематики. Отправной точкой для последней служило понятие судебного действия, последовательное движение которого определило собою порядок распределения правоположений как формального, так и материального характера, обычно привлекавшихся в различные моменты судебной драмы. Старая юридическая систематика покоилась на драматическом принципе и следовала хронологическому порядку раскрытия действия»². Отмеченная закономерность явно проявилась в порядке расположения правовых норм главы X Соборного уложения. По словам Г. С. Фельдштейна, составители данной главы «при расположении материала руководствовались исключительно представлением о движении спора, предвидя по возможности все допустимые случайности»³.

Начинается десятая глава Уложения с определения состава суда. «Суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси судить бояром, и околничим, и думным людем, и дьяком, и всяким приказным людем, и судьям, и всякая расправа делать всем людем Московского государства от большого и до меньшого чину выправду»⁴, — говорится в первой статье названной главы. Вторая статья предписывает передавать «спорные дела», которые невозможно разрешить в приказах, «в доклад к государю царю» и «к его

¹ К такому выводу пришли, в частности, при рассмотрении десятой главы Соборного уложения правоведы В. А. Строев и В. Н. Латкин. См.: *Строев В. А.* Историко-юридическое исследование уложения, изданного Царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб., 1833. С. 43; *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1899. С. 131.

² *Тарановский Ф. В.* История русского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 115–116.

³ *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 23.

⁴ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий. Л., 1987. С. 31.

государевым бояром, и околничим, и думным человеком»¹. Затем следуют нормы, призванные обеспечить беспристрастность судей, правильность записи судебного дела, необходимую быстроту его решения. Статья 20 определяет порядок подачи челобитных о «судных» и иных делах. Статьи 21 и 22 устанавливают правило, по которому доказательства должны приниматься от спорящих сторон только во время судебного разбирательства. Статьи 23 и 24 предусматривают правило на случай, если кто-либо из судей не явится на суд из-за болезни своей или упрямства. Статья 25 запрещает судить в воскресный день. Статьи с 26-й по 99-ю объявляют цену исков о бесчестии, которую согласно статье 100 истец должен указать в своем исковом заявлении².

Статьи со 101-й по 193-ю посвящены организационной стороне судопроизводства. Здесь указываются случаи решения дела (или отказа в его решении) без суда или до суда, устанавливаются правила поведения сторон на суде, порядок явки или привода сторон в суд и т. п.

Статьи со 194-й по 287-ю устанавливают нормы материального гражданского и уголовного права, на основании которых должно выноситься судебное решение.

Таким образом, расположение материала десятой главы Соборного уложения носит не сумбурный, хаотичный характер, но подчинено определенной логике. Нормы указанной главы излагаются в порядке, который соответствует ходу судебного дела. В. И. Сергеевич считал эту систему изложения норм традиционной для юридических сборников Московского государства. По его мнению, последовательность статей десятой главы Соборного уложения сходна с порядком расположения статей судебныхников 1497 и 1550 годов. «Подобно судебникам, — отмечал правовед, — она начинается с перечисления лиц, которым принадлежит суд, затем идут статьи о порядке суда, о вызове, о явке на суд и т. п. процессуальные постанов-

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 31.

² «А в приставных памятех исцом иски свои описывати имянно с ценою, а в которых приставных памятех исцов иск написан будет без цены, и дьяком таких приставных памятей не подписывать» (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 38). К. Д. Кавелин считал, что словосочетание «приставная память» обозначает в Соборном уложении 1649 года письменное объявление о вчинании иска и предварительное уведомление судьи о тяжбе, чтобы он мог вызвать ответчика в суд (см.: *Кавелин К. Д.* Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период от Уложения до учреждения о губерниях. М., 1864—1865).

ления. Потом следуют статьи о преступлениях, а в конце находим постановления, касающиеся гражданского права»¹.

Описывая порядок расположения правовых норм в отдельных главах Соборного уложения, Ф. В. Тарановский отмечал, что «драматическая система расположения законодательного материала в хронологическом порядке развития известного действия настолько, по-видимому, свойственна мышлению старых юристов, что применение ее выходит за пределы судебной драмы и встречается и в таких отделах законодательных памятников, которые не имеют ничего общего с судебным процессом»². В качестве примера правовед указывал в данном случае на седьмую главу Соборного уложения, посвященную военной службе. По его словам, начинается эта глава «с момента призыва служилого ополчения на службу, или, выражаясь современным языком, на действительную службу (ст. 1), и в дальнейшем следует хронологическому движению начатого служебного действия. В ней последовательно предусматриваются различные, преимущественно уголовного характера, случаи, которым могут подвергнуться ратные люди, «идучи на государеву службу» (ст. 2–7), затем аналогичные и иные возможные случаи «на государственной службе» (ст. 8–29), и наконец, преступные деяния, которые могут учинить ратные люди, «едучи с государевы службы по домом» (ст. 30–32)»³.

Соборное уложение 1649 года стало новым этапом не только в совершенствовании характерных для законоискусников Московского государства способов упорядочения правового материала, но и в развитии языка и юридической терминологии⁴. Текст данного правового памятника был написан преимущественно на русском деловом языке, сформировавшемся в городах Московии в течение XV–XVI веков⁵. Исключение составили заключительные строки первой статьи восьмой главы и десятая статья четырнадцатой главы Уложения,

¹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 607–608.

² Тарановский Ф. В. Новые данные по истории Уложения царя Алексея Михайловича // Тарановский Ф. В. История русского права. С. 119.

³ Там же. С. 119–120.

⁴ По словам исследователя языка Соборного уложения 1649 года филолога П. Я. Черных, язык этот «в общем является значительным шагом вперед в развитии национального русского языка» (Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953. С. 141).

⁵ По словам П. Я. Черных, «Уложенная книга — произведение сугубо светского характера, написанное на языке, очень близком к разговорной (филологической)

изложенные на церковно-славянском языке. В первой из названных статей идет речь о сборе денег на выкуп пленных. При изложении данной статьи составители ее плавно перешли с русского делового языка на церковно-славянский. Так, ими было написано на русском деловом языке: «А збирать те денги погодно в Посольской приказ по новым переписным книгам, а не по сошному писму» и продолжено уже на церковно-славянском: «чтобы в том денежном зборе никто в ызыблых не был, занеже таковое искупление общая милостыня нарицается, и благочестивому царю // и всем православным христианом за то великая мзда от бога будет, якоже рече праведный Енох: Не пощадите злата и сребра брата ради, но искупите его, да от бога сторицею примите. И пророком рече бог: Не пощади сребра человека ради. Христос же не токмо сребра, но и душу свою повелевает по братии положить. Больши бо тоя, рече, любве никто же не имать, аще кто душу свою положит по братии своей. И того ради Христова слова благочестивым царем и всем православным христианом не токмо пленных окупати, но и душу свою за них полагати достойно, да сторичныя мзды во он день сподобятся»¹.

Десятая статья четырнадцатой главы Соборного уложения была целиком написана на церковно-славянском языке. В ней излагались святоотеческие правила и церковное наставление о крестном целовании, которое применялось в судебном процессе в качестве средства доказывания какого-либо факта в случаях, когда отсутствовали другие доказательства его.

Приведенные примеры показывают, что составители Соборного уложения использовали церковно-славянский язык лишь при выражении христианских заповедей и норм церковного права. Не случайно, на поле свитка с текстом данного правового памятника против десятой статьи четырнадцатой главы стоит помета, свидетельствующая о заимствовании ее текста из Стоглава². С другой стороны, если из сборников церковного права в текст Соборного уложения включались нормы мирского содержания, то они переводились с церковно-славянского на русский деловой язык. В результате получалось, что одна и та же норма излагалась в Кормчей книге и в Уложении на двух разных языках.

речи городского населения Москвы, ориентированное на массового читателя и слушателя...» (Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года. С. 75).

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 28.

² См.: там же. С. 250.

Так, норма, устанавливавшая наказание за кражу ружья и коня, имела следующий вид:

Кормчая книга (вариант 1653 года)

глава 49, грань 39, статья 53:

«Иже во станохъ и в полкахъ на войнѣхъ крадушіи, или убо оружія украдетъ, сурово повелѣваемъ бити его. Аще же подъяремника, рекше коня, или мѣща, или ося, таковымъ руцѣ усѣченѣ бываютъ»¹.

Соборное уложение 1649 года

Глава VII, статьи 28–29:

«А будетъ кто, будучи на службѣ в полкахъ, у кого украдетъ ружье, и того бити кнутом нещадно, а что украл, и то на нем доправить и отдать тому, у кого он украл. А будетъ кто на службѣ у кого украдетъ лошадь, и ему за тое татьбу руку отсечь»².

Норма, освобождавшая от ответственности в случаях, когда у кого-либо случайно загорался дом, и огонь от него сжигал дома других людей, также по-разному излагалась в Кормчей книге и Соборном уложении.

Кормчая книга

Глава 50, грань 16, статья 29:

«Аще от приключенія зажѣжется домъ нѣкоего.., и изкочитъ огонь и пожѣжетъ нѣкія отъ подлежащихъ хранинъ, бес печали да будетъ, яко невольну зажѣженію таковому бывшу»³.

Соборное уложение 1649 года

Глава X, статья 226:

«А будетъ у кого загорится дворъ ненарошнымъ деломъ, и отъ того и иныхъ людей дворы погорятъ, и на томъ, чей дворъ напередъ // загорится, никому ничего не правити потому, что дому его запаление учинилося не по его умыслению»⁴.

¹ Цит. по: Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 474.

² Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 27.

³ Цит. по: Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). С. 474.

⁴ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 57.

Соборное уложение отличалось более развитой по сравнению с судебниками юридической терминологией. Для выражения юридических понятий здесь использовались в основном термины, возникшие в русском языке в предшествовавшие исторические эпохи, причем применялись они, как правило, в тех же значениях, что и ранее.

Так, термин «суд» использовался для обозначения судебной тяжбы, процедуры рассмотрения дела, судебного заседания, приговора, постановления, приговора, кары, наказания и др.¹ В Соборном уложении этот термин применялся в различных значениях во множестве статей (см. ст. 4 главы IV, ст. 7 главы VII, ст. 3, 12, 13 главы IX, ст. 1, 3, 4, 10–12, 18–23, 25, 29–31, 81, 85, 90–94 и многие другие главы X, ст. 2, 3, 5–8 и другие главы XI и т.д.).

Многозначными были и многие другие юридические термины, употреблявшиеся в Соборном уложении. Однако некоторые из стародавних юридических категорий приобрели в тексте Соборного уложения более определенное, чем они имели прежде, значение. Так, в русских письменных памятниках начиная с XII века использовалось слово «извет». При этом значения его могли быть самыми различными. Например, «изветом» назывались отговорка или предлог, извинение причина, наговор, обман². В Соборном уложении термин «извет» выступал только для обозначения доноса о преступлении. Это видно из содержания первой статьи второй главы, которая гласит: «Будет кто каким умышленьем учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому *извету* про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию»³ (курсив мой. — В. Т.).

Изменения претерпел к началу XVII века и термин «челобитие». До этого времени данный термин употреблялся для обозначения *устного* обращения к носителям власти с просьбой рассмотреть то или иное дело и вынести свое решение. Само происхождение его от словосочетания «бить челом», то есть ударять о землю лбом, показывает, что здесь не имелась в виду подача *письменной* жалобы. В документах XVII века и, в частности, в Соборном уложе-

¹ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х томах. Том 3. СПб., 1893. Стлб. 603–607.

² См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х томах. Том 1: А–К. СПб., 1893. Стлб. 1047–1048.

³ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 20.

нии 1649 года, термином «челобитие» обозначалось чаще всего обращение именно с письменной жалобой, которая вследствие этого получила наименование «челобитной». В качестве иллюстрации применения термина «челобитная» можно привести статью 21 главы X указанного правового памятника: «А которые люди после суда учнут приносить к судным делам подписные и неподписные челобитные, а в тех челобитных напишут прибылые статьи для пополики судного дела, чем бы им быть правым, а в суде у них тех статей не было, и у них таких подписных и неподписных челобитен к судным делам не принимать, а вершить те дела по тому, как будет в суде записано»¹.

О том, что словом «челобитная» в Соборном уложении обозначался документ, выражавший исковое требование, свидетельствует и словосочетание «исковая челобитная», которое употреблялось в целом ряде статей данного правового памятника. Так, об «исковой челобитной» идет речь в статьях 101, 102, 104 главы X².

Сравнивая между собой значения терминов «челобитие» и «извет», историк В. О. Ключевский писал: «От *челобития* как акта, вчинавшего иск, надобно отличать *извет*. *Извечать* значило заявлять протест против нарушения права, не вчиная формального иска. Когда нарушитель права встречал со стороны потерпевшего молчание, на суде это молчание принималось за знак согласия; кто не имел возможности начать иска о нарушении права, но хотел отстранить от себя на суде ссылку на это молчание, тот подавал *извет*, т. е. простой протест. Впоследствии извет отличался от формального иска и получил значение *доноса*; такое значение доноса тайного, оформленного и не сопровождавшегося актами обычного процесса, имел *извет* в XVII в.»³.

Содержание Соборного уложения 1649 года носило, как и содержание предшествовавших ему юридических сборников, преимущественно казуистический характер. Такая форма регламентации общественных отношений не всегда бывает следствием недоразвитости правового мышления. Она может являться всего лишь ре-

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 33.

² Статья 101 главы X, в частности, гласит: «А будет ответчик по приставной памяти, дав по себе поруку, став к суду и на суде выслушав исковы исковые челобитной, не отвечает, а в челобитной иск написан будет с ценою, и того ответчика без суда обвинить, и исцов иск велеть на нем доправа отдати исцу».

³ Ключевский В. О. Терминология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения в 9-ти томах. Том 6: Специальные курсы. М., 1989. С. 168.

зультатом постепенного формирования правовых институтов из судебной практики. Но во всех случаях казуистичность того или иного права препятствует появлению в его знаковой системе терминов, обозначающих абстрактные понятия — такие как, например, право собственности вообще, преступление или наказание. Казуистичность норм Соборного уложения предопределила предельно конкретный характер их терминологии. Тем не менее, при анализе текста данного правового памятника нетрудно заметить юридические термины, которые, хотя их и невозможно еще отнести к абстрактным, всецело обобщенным, приближаются по своему значению к такого рода терминам.

К их числу относятся, например, слова «вор», «воровство», «воровский». В ряде статей Соборного уложения названные термины употребляются в значении, близком к значению терминов «преступник», «преступление» и «преступный». Так, в статье 8 главы XXI говорится: «А которые люди приведут в губу татя или разбойника, а те разбойники или тати учнут на тех людей, и на их дворовых людей, и на крестьян, которые их в губу приведут, говорить розбой, или татьбу, или иное какое *воровство*, и тому не верить для того, чтобы всяким людям безстрашно было *воров* имая в губу приводить»¹ (курсив мой. — В. Т.). Очевидно, что термин «воровство» в приведенной статье употреблен в значении «преступление», поскольку здесь предполагается, что и «розбой», и «татьба», и другое какое-либо преступное деяние являются «воровством». Слово же «вор» в данном случае явно применено для обозначения людей, совершивших указанные преступления.

Термин «воровство» использовался составителями Соборного уложения также для обозначения подстрекательства к бунту. Об этом свидетельствует статья 13 главы XXII: «А которые *воры* чинят в людех смуту и затевают на многих людей своим воровским умышлением заетейные дела, и таких *воров* за такое их *воровство* казнити смертию»² (курсив мой. — В. Т.).

Другой любопытный случай употребления термина «воровство», а с ним и «воровский», представляет статья 2 главы IV. «А будет кто *воровством* же, — говорится в ней, — учнет отимати государевы печати от государевых грамот или от иных каких приказных писем, и те государевы печати учнет к иным каким *воровским* писмам прикла-

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 118.

² Там же. С. 130.

дывати, или будет кто учнет какия писма *воровством* же наряжати, и приказныя писма переправливати мимо государева указу, и того казнити смертию же, а писмам его нарядным ни в чем не верити»¹ (курсив мой. — *В. Т.*). В данной статье термины «воровство» и «воровский» явно применяются в значении «преступление» и «преступный».

Впоследствии термины «воровство» и «вор» станут употребляться в более узких значениях — их будут применять для обозначения лишь одного конкретного преступления, а именно: кражи и соответственно лица, кражу совершившего. Но произойдет это на новом этапе развития русской юриспруденции, когда в рамках русской юридической терминологии сформируется целый ряд специальных терминов для обозначения юридических понятий абстрактного характера.

§ 4. Развитие русской юриспруденции во второй половине XVII века

Появление Соборного уложения, вобравшего в себя основную массу действовавших в России в середине XVII века правовых норм, не только не ослабило правотворческой деятельности царской власти, но, напротив, — сделало эту деятельность еще более активной. В течение второй половины XVII века русскими царями было издано около полутора тысяч нормативных актов², дополнявших и исправлявших Соборное уложение 1649 года. Самыми значительными среди них были: «Новоторговый устав» 1667 года³, «Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах» 1669 года⁴, «Ново-

¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. С. 22–23.

² В первых трех томах «Полного собрания законов Российской империи» опубликовано 1559 актов, изданных с февраля 1649 года до февраля 1696 года (1535 — в основном тексте, 24 — в приложениях). Из них 146 актов — по подсчетам историка А. Г. Манькова — представляют собой внешнеполитические документы, «объявления о событиях в царской семье и описания церковных церемоний», то есть не имеют нормативного характера. С другой стороны, царской властью было принято в указанный период по меньшей мере 45 законодательных актов, не вошедших в состав «Полного собрания законов» и касавшихся земельных отношений, сельского и городского населения (см.: *Маньков А. Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 15).

³ См.: 1-ПСЗРИ. Том I. № 408. С. 677–691.

⁴ См.: 1-ПСЗРИ. Том I. № 441. С. 774–800.

указные статьи о поместьях» 1676 года¹, а также изданные в том же году «Статьи о разделе вотчин между родственниками»².

Порядок принятия подобных законодательных актов, как правило, коротко описывался в преамбулах к ним. Так, «Новоторговый устав» начинался со следующих слов: «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, слушав докладные выписки и торговых статей с своими великого государя бояры и с думными людьми, указал, а его царского величества бояре приговорили: по челобитью Московского государства гостей и гостинных сотен и Чорных слобод торговых людей от приезжих иноземцов во многих обидных торгах, которые проходили в Московском государстве и Великие России в порубежных городах помешкою продолжительные войны, и того ради приезжие иноземцы безстрашно учили товары худые поддельные, как в серебре и в золоте в литом и в пряденом, так и в поставках в сукнах и в ыных заморских товарах в царствующий град Москву и в города Великие России привозить, в которых товарах подлинно обличены, и такие худые товары сысканы, и русским торговым людям в заповедах в промытах многие убытки и домовные разорения учинились. И ныне всемилосердным великого государя его царского величества на всенародное слезное челобитье воззрением, чтоб Московского государства и порубежных городов Великие России торговые люди имели свободные торги, как годитца бытии, чего и во всех государствах окрестных в первых государственных делах свободные и прибыльные торги для збору пошлин и для всенародных пожитков мирских со всяким бережением остерегают и в полности держат, по нижеписанным торговым статьям ис Посольского приказу приезжим иноземцом для ведомостей заморских, чтоб к торговле в порубежные города приезд их с товары был ведом, на письме дано»³.

В преамбуле же к «Статьям о поместьях» сообщалось: «Великий государь указал и бояре приговорили: поместным статьям быть так, как в сей докладной выписке написано под статьями, и закрепить сей свой государев указ и боярский приговор всем думным дьякам

¹ См.: 1-ПСЗРИ. Том 2. № 633. С. 16–26.

² См.: 1-ПСЗРИ. Том 2. № 634. С. 26–31.

³ Новоторговый устав. 22 апреля 1667 года // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 359–360.

для вечного укрепления, делать бы всякие дела по Уложению и по сим новым статьям»¹.

Подобное содержание имела и преамбула к «Статьям о вотчинных и поместных делах» 1676 года — она гласила: «Великий Государь указал и Бояре приговорили: сим статьям быть так, как в сей докладной выписке написано под статьями, и закрепить сей Свой Государев указ и Боярский приговор, всем Думным Дьякам, для вечного укрепления, и дела всякие делать по Уложению и по сим новым статьям»².

Впоследствии законодательные акты, принятые после издания Соборного уложения, получают название «новоуказных статей». Отличительной чертой этих статей была связь с упомянутым правовым сводом, которая выражалась иногда в прямой, но чаще в косвенной форме. «Все новоуказные статьи должно рассматривать как органическое порождение Уложения, — отмечал Ф. Л. Морошкин. — Это потомство, это семья Уложения, и должно сознаться, семья благоустроенная, без исключения объятая единою патриархальною властью Уложения. В истории законодательства мы встречаем новоуказные статьи, и не видим боярских приговоров с положительностию обычая; однакож это отнюдь не ведет к заключению, что авторитетная юриспруденция подьячих с Уложением прекратилась. Есть места в новоуказных статьях, из коих очень легко усмотреть, что между Уложением и сими статьями был посредник, именно Боярские приговоры, — что толкование на статьи Уложения отверждалось в положительный закон только тогда, когда на данные случаи не было боярских приговоров. Дьяк докладывает боярам дело и говорит, что это дело новое, не подходящее ни под одну статью Уложения, и что решить его не по чем, ибо *«больше того (в книгах дворовых дач) примеров не сыскано, а подьячие сказали, что у них вершенных дел нет»*. По этому докладу бояре останавливаются решением, делают представление Государю с прописанием того, «что подьячие сказали», и с прописанием собственного мнения в виде вопросов. Вследствие сего представления Государь указал, и бояре приговорили — и вот новоуказ-

¹ Новоуказные статьи о поместьях. 10 марта 1776 года // Законодательство царя Федора Алексеевича: 1676–1682 годы. Законодательство царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича: 1682–1696 годы / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. С. 6.

² Новоуказные статьи о вотчинных и поместных делах. 24 мая 1676 года // Там же. С. 25–26.

ная статья»¹. Из всего этого Морошкин делал вывод, что «новоуказная статья в системе законов появлялась только тогда, когда на данный судебный вопрос не было примерных решений: следовательно, Уложение не только не останавливало развития судебной юриспруденции, но сообщало ей новое движение, новую обширнейшую деятельность»².

М. М. Сперанский появление новоуказных статей объяснял следующим образом: «Уложением 1649 г. приведены в единство все прежние разнообразные уставы и постановления. В нем соединено все то, что из них признано было нужным сохранить в своей силе с надлежащим исправлением и дополнением. Оно есть более свод законов прежних, нежели закон новый; а как настоятельность нужд требовала в составлении его великой поспешности и как в 25-ти главах его невозможно было каждую часть законодательства изложить во всем ее пространстве, то и принято было тогда же правилом дополнять его по мере возникающих случаев (Улож. Гл. X, ст. 2). Таким образом, в Уложении общие начала законодательства были установлены, главные черты каждой части его означены, но окончательное их совершение предоставлено постепенному действию времени и опыта. Отсюда произошли разные постановления под именем новоуказных статей, именных указов и боярских приговоров известные»³.

В отличие от Соборного уложения, новоуказные статьи, как правило, не печатались и хранились в списках (часто всего лишь в одном экземпляре). Их содержание могло быть известно поэтому только узкому кругу лиц, служивших в канцеляриях приказов, — дьякам, подьячим. Немалое количество данных законодательных актов просто-напросто терялось среди канцелярских бумаг различных приказов. При таком положении нередко приходилось полагаться лишь на память приказных — источник весьма ненадежный. Когда в 1700 году учрежденная Петром I специальная комиссия попыталась собрать все узаконения, вышедшие после издания Соборного уложения, и обратилась к приказам, то получила ответ — «иных указов

¹ Морошкин Ф. Л. Об Уложении и последующем его развитии. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Московского университета июня 10 дня 1839 года. М., 1839. С. 20.

² Там же.

³ [Сперанский М. М.] Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 8—10.

сыскать нельзя, ибо которые подьячие в тех годах сидели и те померли».

Большие проблемы для судей создавала и разрозненность законодательства, усиливавшаяся по мере выхода новых нормативных актов. Преодолеть ее можно было более совершенной организацией правового материала по сравнению с той, которая использовалась в Соборном уложении 1649 года. Однако составители новоуказных статей так и не вышли за рамки характерных для этого правового свода приемов приказной юриспруденции. Воспроизводя в этих статьях нормы Соборного уложения, они могли внести те или иные изменения в их содержание¹, но порядок расположения правового материала, как правило, оставляли прежним. Так, например, статья 88 Новоуказных статей «О татебных, разбойных и убийственных делах», утвержденная царем Алексеем Михайловичем 22 января 1669 года, была составлена путем простого объединения статей 1, 2 и 6 главы XXII Уложения. Как и в прежние времена, группировка норм осуществлялась чаще всего по хронологическому принципу. В соответствии с таким принципом были, например, сгруппированы юридические нормы в «Наказе сыщикам беглых крестьян и холопов» от 2 марта 1683 года. Первые три статьи названного законодательного акта дословно повторили нормы царского указа 1658 года, в статьях с четвертой по одиннадцатую были воспроизведены нормы царского указа 1661 года, содержание статей с двенадцатой по четырнадцатую было составлено из норм указа 1663 года, пятнадцатая статья повторила текст царского указа 1667 года. Хронологический принцип виден и в расположении материала группы статей с 16-й по 52-ю рассматриваемого «Наказа» 1683 года: здесь последовательно воспроизведены нормы царских указов 1663, 1665 и 1667 годов.

¹ Например, при формулировании ст. 47 новоуказных статей «О татебных, разбойных и убийственных делах» 1669 года был повторен текст ст. 81 гл. XXI Соборного уложения 1649 г., но одновременно сделано дополнение — вставлено замечание о необходимости при совершении преступления «сыскивать всякими сыски накрепко» и новое правило о применении ссылки в Сибирь к тем осужденным по данной статье, «которым заплатить нечем». В результате получилась следующая норма: «А которые люди оговорных людей у посланников выбьют, и про то *сыскивать всякими сысками* накрепко, и будет по сыску, то их воровство сыщется допряма, и тех людей бить кнутом, да на них же иметь на Великого Государя пени по пятидесят же рублей, а истцам иск; а *которым заплатить нечем*, и тех ссылать в Сибирь» (Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 398).

В русском законодательстве второй половины XVII века, как и прежде, предписывалось вершить суд на основании не только царских указов, но и «градских законов» (Прохирина). Так, в статье 86 Новоуказных статей «О татебных, разбойных и убийственных делах» говорилось о том, что «тати и разбойницы и смертные убойцы» должны «за свои вины» подлежать смертной казни «по Уложению и по *градским законам*»¹ (курсив мой. — В. Т.). В статье 112 данного законодательного акта шла речь о дворянах, «за которыми поместья и вотчины, а они в расспросе и с пыток винятся в татьбах». Таких дворян надлежало казнить смертной казнью «по указу Великого Государя и по Уложению, и по *градским законам*»² (курсив мой. — В. Т.). Статья же 123 гласила: «А будет кто по своим винам против Великого Государя и Уложения и *градских законов* доведутся смертныя казни и тех воров казнить смертию вскоре, не отписывая о том Великому Государю в Москве»³ (выделено мною. — В. Т.).

М. И. Бенеманский, специально исследовавший вопрос о значении «градских законов» в русском праве, отмечал, что некоторые из новоуказных статей «О татебных, разбойных и убийственных делах» 1669 года, «дополняя, развивая и видоизменяя право Уложения, прямо приводят выдержки из Градских законов и, в частности, из Прохирина»⁴. В качестве примера он приводил статью 109 данных новоуказных статей, в которой после буквального воспроизведения статьи 24 главы XXII Соборного уложения было прибавлено: «а в градских законах написано: Аще жидовин или агарянин дерзнет развратить от христианской веры христианина, повинен есть казни главней»⁵.

Подобные случаи цитирования «градских законов» (Прохирина) имели место и в других нормах Новоуказных статей 1669 года «О татебных, разбойных и убийственных делах». Так, в статьях 79 и 108 данного законодательного акта воспроизводились одни и те же фразы: «А в градских законах написано: творяй убийство волею коеголибо, аще есть возраста, мечем муку да примет. Да в градских же за-

¹ Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 407.

² Там же. С. 412.

³ Там же. С. 415.

⁴ Бенеманский М. И. Закон градский. Значение его в русском праве. М., 1917. С. 256.

⁵ Там же.

конах написано: аще седми лет отрок, или бесный убьет кого, не повинен есть смерти».

* * *

К началу XVIII века практическая, прикладная по своему характеру юриспруденция перестала отвечать интересам дальнейшего развития русского права. На основе ее невозможно было подготовить достаточное количество знатоков законов — законоведов, преодолеть разрозненность русского законодательства, осуществить его систематизацию. Между тем новые условия общественной жизни порождали потребность в широком круге юридически образованных лиц. Дьяки, подьячие и другие приказные, являвшиеся в то время главными носителями юридических знаний, а также навыков и умений обращаться с законами, составляли слишком узкую группу и не могли обеспечить надлежащего обслуживания расширившегося в течение второй половины XVII века гражданского оборота. Кроме того, при довольно запутанном состоянии законодательства приказные часто использовали свою монополию на юридические знания в корыстных целях. По словам А. Г. Станиславского, «эта исключительность знания давала им значительные преимущества и выгоды: они приобрели решительное влияние на ход административных и судебных дел и даже на самое законодательство; они также пользовались большим почетом между частными лицами, которые ежедневно должны были прибегать к их познаниям и помощи. К сожалению, законоискусники не преминули употребить во зло свое влияние и вскоре успели поселить в обществе весьма невыгодное о себе мнение, до такой степени, что самое название подьячего получило значение почти бранного слова...»¹.

Юридические познания и практические навыки обращения с правовым материалом дьяки и подьячие приобретали, как правило, во время службы в приказах в процессе практической работы с юридическими документами. С 20-х годов XVII века в рамках приказов стали возникать специальные школы для обучения подьячих приказному делопроизводству. Их нельзя назвать юридическими учебными заведениями, но, очевидно, что обучение в подобных школах предполагало если не изучение, то хотя бы ознакомление с текстами законодательных актов. Такая школа существовала, в частности,

¹ Станиславский А. Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. СПб., 1853. С. 24—25.

с 1621 года в Посольском приказе. Во второй половине указанного столетия самой крупной школой для обучения приказному делопроизводству была школа при Поместном приказе, в которой одновременно обучалось от 30 до 90 человек. В течение одного-двух лет молодых приказных обучали здесь навыкам быстрого и красивого письма, знакомили с содержанием Соборного уложения и важнейших новоуказных статей, прививали навыки работы с юридическими документами. Специальных учителей в этих школах не было. Как правило, учащиеся прикреплялись для обучения к какому-либо опытному дьяку, который свои учительские функции совмещал с практической службой в приказе.

Господство практической, приказной юриспруденции препятствовало развитию в Российской империи системы настоящего юридического образования. С другой стороны, отсутствие в России учебных заведений, специально предназначенных для обучения праву, отрицательно сказывалось на развитии русской юриспруденции.

§ 5. Проект создания в России в начале 80-х годов XVII века учебного заведения университетского типа. Привилегия Московской академии

В последний год царствования Федора Алексеевича была предпринята попытка завести преподавание юриспруденции в «училище по чину Академии», которое предполагалось учредить при Ставропигиальном Заиконоспасском монастыре¹. В «Историческом известии о Московской академии» Федора Поликарпова возникновение у Федора Алексеевича мысли о создании этого училища связывается с беседой его величества с иеромонахом Тимофеем, состоявшейся в 1679 году. В течение нескольких лет Тимофей путешествовал по святым местам в Палестине и потом некоторое время пребывал в святогорских монастырях на Северском Донце. При встрече с государем иеромонах рассказал ему о притеснениях, которые были вынуждены терпеть православные люди, жившие в Христовых местах, об упадке свободных греческих наук, необходимых для усвоения православного богословия.

¹ Данный монастырь был основан в 1600 году и назывался первоначально Старым-на-Песках. Наименование «Заиконоспасского» он получил потому, что находилась за Иконным рядом и главным его храмом была церковь Спаса Нерукотворного, возведенная в 1660 году.

По словам Федора Поликарпова, благочестивый царь, услышав это, «сердцем вельми умилился» и божественным огнем по благочестию был воспален. Он возжелал умалемые в Палестине греческие науки «насадити и умножити» в Москве. Призвав к себе патриарха Иоакима, царь попросил его учинить греческое училище, поручив его Тимофею. Патриарх с радостью взялся за дело.

Тимофей был принят на службу в Московскую патриархию крестовым священником. Для устройства училища были отведены три верхних палаты в типографии. Собрав 30 детей разных чинов, патриарх велел мирянину греку Мануилу обучать их греческому языку, а Тимофея поставил в качестве ректора надзирать над ними. Царь тем временем обратился к Вселенскому патриарху с просьбой прислать в Москву «учителей православных, в греческом и латинском диалектах и во всех свободных науках искусных, паче же свидетельствованных в вере и догматах греческого закона»¹.

1 сентября 1681 года был составлен проект царской «Привилеи (Привилегии)», призванной узаконить статус Академии греческих наук². Составителем этого документа был, по всей видимости, монах Сильвестер (Медведев)³. Во всяком случае, именно он представлял «Привилею» Федору Алексеевичу на утверждение, именно он вручал ее царевне Софье 21 января 1685 года⁴.

¹ Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе. Часть 16. М., 1791. С. 297.

² На эту дату указывают следующие слова, завершающие текст Привилегии: «Писая в царствующем нашем преименитом и богоспасаемом граде Москве, во время мира, в лето от создания мира 7190, а от воплощения Бога Слова 1682, месяца в день Индикта». Новый год в то время начинался 1 сентября. Этот день и считался днем Индикта. По Григорианскому календарю это было 10 сентября 1681 года.

³ В исторической литературе автором текста Привилегии Академии считается Симеон Полоцкий (см.: *Смирнов С. К.* История московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 15).

⁴ См.: Вручение Благоверной и Христолюбивой великой Государыне, премудрой Царевне, милосердной Софии Алексиевне, привилегии на Академию в лето от создания мира 7193, а от воплощения Бога Слова 1685, месяца Ианнуария в 21 день // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе. Часть 6. М., 1788. С. 390–397.

Иерофей Татарский в своем жизнеописании богослова обратил внимание на даты, начертанные на черновом списке «Привилеи» рукою Сильвестра Медведева: 7190—1680. Н. И. Новиков при публикации текста этого документа в шестой части «Древней российской вивлиофики» прибавил цифру 1682, соответствовавшую 7190-му году. По словам И. Татарского, «если ученый издатель пожелал здесь исправить ошибку Медведева против простого вычитания, то, по видимому, сделал это совершенно напрасно. Можно полагать, что выставленный Медведевым 7190 (1682) год означает здесь просто время переписывания им этой привилегии для представления ее государю, после смерти Симеона; тогда как 1680 год указывает именно на время написания того черного подлинника ее, с которого производилось это списывание, или, что то же, на время составления привилегии Симеоном»¹.

Учреждение в Москве Академии представлялось в «Привилее» в качестве деяния, совершаемого царем во исполнение царских должностей. Первой и величайшей из этих должностей назывались «охранение восточной православной веры» и забота о ее расширении. Одновременно царь должен был «о благочинном государства управлении и о защищении имети тцание»². Родительницей же всех царских должностей объявлялась мудрость, «ибо оною, — подчеркивалось в «Привилее» Академии, — паче иных всех образов слава Божия умножается, православная наша восточная Вера от злокозненных еретических хитростей в целости сохраняется и расширяется; варварские народы богознанием просвещаются; иноверные царствия ко благоверию обращаются; правоверные же ко известнейшему познанию догматов Веры достигают и очищения совести хранить научаются. Тоюжде вся царствия благочинное расположение, правосудства управление, и твердое защищение, и великое распространение приобретают»³. При этом мудрость признавалась в «Привилее» способом познания в «вещах гражданских и духовных» злого и доброго, источником всех благих даров людям от Бога.

¹ Татарский И. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни. М., 1886. С. 263. О том, что автор Академической привилегии был Симеон Полоцкий, говорится также в книге: Смирнов С. К. История московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 15.

² Привилегия Московской Академии // Древняя российская вивлиофика. Часть 6. М., 1788. С. 399.

³ Там же.

Ради познания мудрости и учреждалась в Москве Академия. «И благоволим, — заявлял царь в своей «Привилее», — в царствующем нашем и богоспасаемом граде Москве при монастыре премудрости и смысла подателя Всемилоственного Спаса, иже в Китае на песках¹, нарицаемом *Старый*, на взыскание юных свободных учений мудрости и собрания общего ради от благочестивых и в писании божественном благоискусных дидаскалов, изошрения разумов, храмы чином Акадими² устроить; и во оных хошем семена мудрости, то есть науки гражданские и духовные, наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословии учащей вещей божественных и совести очищения постановити. При том же и учению **правосудия** духовного и **мирского**, и прочим всем свободным наукам, ими же целость Академии, сиречь училищ, составляется бытии»³ (выделено мною. — *В. Т.*)

Из этого заявления видно, что учебная программа Академии предполагала изучение, помимо богословия, широкого круга светских гуманитарных наук, в том числе светской юриспруденции.

В распоряжение учреждавшейся Академии были отданы книги царской библиотеки, среди которых имелись и произведения по праву. Во всяком случае, в описи книг Заиконоспасской академии, составленной в 1690 году, присутствовали такие произведения, как: «*Corpus Juris Civilis*», «*De privilegēs et juribus*», Уложение польского королевства, Саксонское зеркало, сборник магдебургского права и др.⁴

Царской «Привилеей» создавалась для этого учебного заведения довольно солидная материальная база. Ему передавался Спасский монастырь, «иже во граде, близ Неглинных врат»⁵ с землями подле него, а также Богословский монастырь в Переславле на Рязанщине, Андреевский и Даниловский монастыри на Москве-реке, Стромынский Троицкий монастырь в Московском уезде, Николаевский Песножский и Борисоглебский монастыри, да Медведева пустынь с крестьянскими дворами и земельными угодьями в Дмитровском уезде, «да в Чугуеве на Опаковке колодези» пасечное пустое место со

¹ То есть в Китай-городе.

² Так в тексте Привилегии.

³ Привилегия Московской Академии. С. 401—402.

⁴ См.: Иконников В. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. Сентябрь. С. 164.

⁵ Привилегия Московской Академии. С. 403.

всеми угодьями и землею. Кроме того, Федор Алексеевич пожаловал учреждавшейся Академии в вечное пользование царскую дворцовую Вышегородскую волость, в Верейском уезде, со всеми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всеми угодьями и с мельницами, пустошь в Боровском уезде в Лавышеском стане, пустошь Пашково, пустошь Зайцово, пустошь Насоново на реке Мелюшевке, пустошь Комуково на реке на Суходоле, пустошь Насина на Суходоле же, пустошь Гондурово на реке на Луже, расположенные на той же реке пустошь Немцово малое и пустошь Немцово большое.

В дополнение к этой материальной поддержке Академии царь дозволил «всякого чина людям, хотящим ради славы Божьей и душ своих спасения», делать благотворительные взносы на пропитание и одежду ученикам.

Царская «Привилея» предписывала быть в Академии «блюстителю и учителям, благочестивым и от благочестивых родителей рожденным, и воспитанным во православной христианской восточной вере российского и греческого народа»¹.

На обучение в Академию царь указывал принимать людей всякого чина, сана и возраста, но только православной веры. При этом его величество предписывал преподавать здесь лишь науки, одобренные церковью².

Учреждая Академию, Федор Алексеевич одновременно вводил запрет на обучение в Москве в своих домах «греческому, польскому и латинскому и прочим странным языкам без ведомости и повеления училищ блюстителя и учителей», предписывал не держать домашних учителей и детей своих не учить, кроме как «в сем едином общем училище», дабы «от разных домовых учителей, паче от иностранных и иноверных», не вносилось в общество какой-либо «противности православной вере и не возникало разногласия»³. За нарушение этого указа царь грозил жестокими наказаниями. «Аще же кто дерзнет сие наше Царское повеление приобидити, — заявлял го-

¹ Привилегия Московской Академии. С. 405–406.

² Дословно в царской Привилегии по этому поводу говорилось: «Сему нашему от нас, Великого Государя, устроенному училищу бытии общему и всякого чина, сана и возраста людям, точию православной христианской восточной веры приходящим ради научения, без всякого зазора свободному, в нем всякия от церкви благословенные благочестивые науки да будут. А от церкви возбраняемых наук, наипаче же магии естественной и иных, таким не учите, и учителей таковых не имети. Аще же таковые учителя где обрящутся и оные со учениками, яко чародеи, без всякого милосердия да сожгутся» (Там же. С. 408).

³ Там же. С. 409.

сударь в «Привилее» Академии, — и оному да мстити наше Царское правосуждение на его имении, яко преступнику нашего Царского повеления»¹.

Вместе с тем Федор Алексеевич брал под защиту учеников учреждаемого им училища, в особенности проявивших усердие в учебе, в тех случаях, когда обнаруживалось, что на них лежат отцовские долги или вина за совершение каких-либо незначительных правонарушений. Царской «Привилеей» было установлено следующее правило: «Аще же на которых учениках, того училища записанных, паче же наиприлежно учащихся, объявится на их лицах долги отцовские, а заплатить им будет нечем, или иные какие вины, и в тех винах разве убийственных, и иных великих дел, донеле же имут они во учении пребывати, суда на них самих не давати, ради препятия науки»². Ученики, совершившие преступления, кроме убийства и других тяжких деяний, подлежали суду не в приказах, а в самой Академии. Судьями по таким делам выступали блюститель Академии и учителя, а приговор утверждался государем. Если же ученик совершал убийство или другое тяжкое преступление, то дело его должно было рассматриваться обыкновенным порядком, то есть в приказах, но с ведома блюстителя.

Наряду с этим царская «Привилея» предусматривала особый порядок суда над блюстителем Академии и учителями, совершившими какие-либо проступки. Так, если блюститель Академии преступал церковное предание в своих речах или делах, то его судили учителя в присутствии представителей царя и патриарха. Если же из учителей кто-либо впадал в такое же или иное прегрешение, то он судился коллегией, состоявшей из блюстителя и учителей Академии. Но приговор такого суда вступал в силу только после того, как государь, посоветовавшись с патриархом, утвердит его.

С другой стороны, царь обещал поощрять учителей Академии, не совершавших никаких правонарушений и добросовестно относившихся к своим обязанностям, заявляя в своей «Привилее»: «А которые в том нашем училище учителя труд свой в научении юных явят прилежный, и время довольное в том потруждаются, и те за оный их подъятый труд, ради их к старости успокоения, пожалованы будут, за свидетельством блюстителя и учителей, за их труды нашим особым достойным трудам их жалованьем»³.

¹ Привилегия Московской Академии. С. 409.

² Там же.

³ Там же. С. 411.

Достойное вознаграждение и возведение в приличные чины обещал Федор Алексеевич и тем трудолюбивым учащимся, которые будут прилагать старание в исследовании различных диалектов славянского, древнегреческого, польского и латинского языков. Дословно в «Привилее» говорилось об этом следующее: «Аще же которые люботруднии отроцы сего предрагого сокровища, то есть мудрости, по грамматической хитрости и прочих наук свободных, аки из недр земли злата, из различных диалектов писаний, наипаче же славенского, еллино-греческого, польского и латинского потщатся изыскивати прилежно; и оным за их в науках тщание, за свидетельством училищ блюстителя и учителей, от нас, Великого Государя, имать бытии достойное мздовоздаяние. А по совершении свободных учений имутъ бытии милостиво пожалованы в приличные чины их разуму, и наше царское особе воспримут, яко мудрые, щедрое милосердие»¹.

При этом царь заявлял, что в государственные чины — в стольники, в стряпчие и прочие — благородные будут жаловаться им *«ни за какие дела, кроме учения»*, и «явственных» военных и иных государственных заслуг, способствующих усилению государственной власти и расширению государства.

«Привилеей» допускалось преподавание в Академии иностранных ученых. Но для этого каждый из них должен был сначала получить свидетельство о своей пригодности к преподавательской деятельности в русском учебном заведении от блюстителя и учителей Академии. Иностранному ученому мог стать преподавателем Академии только в том случае, если в его учениях письменных и устных не было ничего противного православно́й вере и церковным преданиям.

В дополнение к «Привилее» предполагалось издать особый устав академический, который государь должен был принять по совету с патриархом².

Содержание царской «Привилеи» учреждавшей в Москве Академии показывает, что это училище мыслилось в качестве оплота православно́й веры и церковных преданий в стране. Хранение их в рамках самой Академии возлагалось царем на блюстителя и учителей.

Федор Алексеевич утвердил своей подписью «Привилегию Московской Академии»³, но смерть его, последовавшая 27 апреля

¹ Привилегия Московской Академии. С. 411.

² Там же. С. 407.

³ Сведение об этом приводится в дополнении к деяниям Петра Великого И. И. Голикова, в кратком описании устройства в Москве при царе Федоре Алексеевиче Академии, которая позднее стала называться Славяно-греко-латинской. «Все

1682 года, не позволила ему осуществить план создания в форме духовно-светской академии учебного заведения университетского типа, обладающего солидной материальной базой и рядом присущих западноевропейским университетам вольностей.

Содержание утвержденной царем Федором Алексеевичем «Привилеи» показывает, что он придавал образованию государственное значение. Учебное заведение было для него не только инструментом развития наук, но и средством воспитания молодых людей в духе приверженности к своему Отечеству и отеческой вере.

Оценивая усилия Федора Алексеевича, направленные на создание в России системы государственного образования, митрополит Московский Платон¹ писал: «От сего благоразумного государя все просвещение и поправление происходило не вдруг; но помалу и соображением свойства народа, что все было бы еще тверже и надежнее, яко он основывал то на благочестии и утверждал своим благочестивым примером»².

Незадолго до своей кончины молодой царь, желая обеспечить учреждавшуюся им академию преподавателями, поручил русскому посланнику в Царьграде обратиться к патриархам Цареградскому, Антиохийскому и Александрийскому с прошением прислать в Москву опытных и испытанных в православии учителей.

В ответ на эту просьбу были избраны два родных брата из знатной греческой семьи — иеромонахи Иоанникий и Софроний Лихуды³. В марте 1685 года они прибыли в Москву и основали в Богоявленском монастыре школу греческого языка. «Как скоро они устроились, — тотчас открыли учение. На первый раз к ним перевели из типографской школы пятерых учеников: Алексея Барсова, Николая Семенова-Головина, Федора Поликарпова, Федора Агеева и Иосифа Афанасьева; к ним присоединились чудовский монах Иов и иеродиакон Богоявленского монастыря Палладий Рогов»⁴.

права сей Академии с подробностью, — указывает И. И. Голиков, — монарх изобразил в данной ей Привилегии, подписанной рукой Его Величества в 1682 году, из которой между прочем видно, что монарх оную повелел устроить на казенный шот» ([Голиков И. И.] Дополнение к Деяниям Петра Великого. Том 3. М., 1790. С. 188).

¹ В миру — Петр Георгиевич Лёвшин (1737–1812).

² Краткая церковная история, сочиненная Преосвященным Платоном, Митрополитом Московским. М., 1805. Том 2. С. 266.

³ См. подробнее о братьях Лихудях в книге: Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 18–21.

⁴ Там же. С. 24.

После того как в 1686 году на территории Заиконоспасского монастыря было построено здание для академии, в него была перемещена школа братьев Лихудов. В это учебное заведение были переведены и все ученики из типографской школы, к ним присоединили, по царскому указу, до 40 боярских детей и значительное число разночинцев. Начался полный курс обучения на двух языках — латинском и греческом. Учебная программа включала в себя такие предметы, как грамматика греческого языка, грамматика латинского языка, пиитика, риторика, логика, психология, физика. Преподавание юриспруденции среди этих предметов не предусматривалось.

Во второй половине 1694 года патриарх Адриан по не вполне ясным причинам отрешил Иоанникия и Софрония Лихудов от должностей наставников Заиконоспасской школы¹, переведя их в типографскую школу при монастыре для преподавания итальянского языка. Эти должности заняли ученики братьев Лихудов Николай Семенов-Головин и Федор Поликарпов. До 1699 года они вели преподавание в Заиконоспасской школе на греческом языке грамматики, пиитики и риторики, затем были перемещены в типографию на должности справщиков.

В 1700 году главным наставником Заиконоспасской школы был назначен Палладий Роговский, который стал учить только на латинском языке. В январе 1703 года он умер, но латинизация школы уже сделалась необратимой. В 1701 году местоблюстителем патриаршего престола, освободившегося вследствие случившейся годом ранее смерти патриарха Адриана, был назначен митрополит рязанский Стефан Яворский. Царь Петр Алексеевич, желавший распространить в России латиноязычную западноевропейскую систему образования, приказал ему завести в Заиконоспасском монастыре и находившейся в нем школе «латинские учения»².

В результате греческая школа стала славяно-латинской академией. Западноевропейская система высшего образования опиралась в значительной мере на юриспруденцию, однако в учебной программе, утвердившейся в российской латинской академии,

¹ См.: *Смирнов С.* История Московской славяно-греко-латинской академии. С. 36.

² Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе. Часть 16. М., 1791. С. 302.

юридическим наукам не нашлось подобающего места. Впрочем, отсутствие в данной академии обучения праву было вполне закономерным — ведь она была предназначена служить главным центром духовного образования в России. Поэтому целых четыре года в ней отдавалось изучению богословия, по два года преподавались философия и риторика.

Тем не менее Московская славянско-латинская академия сыграла свою роль в формировании юридического образования в России. Из ее стен вышел Михаил Васильевич Ломоносов, благодаря усилиям которого в 1755 году был создан императорский Московский университет. В рамках этого учебного заведения центральное место занял юридический факультет. Его учебная программа была построена по плану, начертанному Михаилом Васильевичем Ломоносовым¹.

¹ См. об учреждении Московского университета, в составе которого был предусмотрен, помимо философского, медицинского, и юридический факультет, в книге: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М.: Зерцало-М, 2012. С. 134—172.